

Владимир Оттович Дайнес
Танковые войска СССР.
«Кавалерия» Второй Мировой
Серия «День победы (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8958373

Владимир Дайнес. Танковые войска СССР. «Кавалерия» Второй Мировой: «ТД Алгоритм»; Москва;

2015

ISBN 978-5-4438-1007-2

Аннотация

«У России два союзника – армия и флот». Известная фраза, но не совсем верная, устаревшая. Ведь Великая Отечественная война показала, что союзников больше. Главными союзниками нашей страны в Величайшей войне за всю ее историю, стали ее рода войск.

Эта книга о «кавалерии» Второй Мировой – танковых войсках Советского Союза. Технические характеристики, роль в сражениях, тактика и стратегия танковых соединений в ходе Великой Войны. Об этом расскажет известный военный историк, сотрудник Института Военной истории – Владимир Дайнес.

Содержание

Введение	5
Раздел первый. Танковые армии смешанного состава	9
«Ничего с танковыми армиями не получилось»	9
Первая танковая армия	13
Третья танковая армия	29
Четвертая танковая армия	57
Пятая танковая армия	65
Раздел второй. Гвардейские танковые армии	95
Танковый план Сталина	95
Первая гвардейская танковая армия	105
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Владимир Дайнес
Танковые войска СССР.
«Кавалерия» Второй Мировой

© Дайнес В.О., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Введение

Артиллерийская подготовка, начатая залпом тысяч орудий, буквально сокрушила оборонительные сооружения на переднем крае противника. Одновременно сотни бомбардировщиков нанесли удар с воздуха по артиллерийским позициям, пунктам управления и районам расположения резервов в глубине обороны. В небо взметнулась красная ракета. Земля содрогнулась от гула тысяч танков, устремившихся в атаку. Купола парашютов буквально закрыли небо – это десантники высаживались в тылу врага. Навстречу им, опрокидывая растерявшегося врага, спешили механизированные и кавалерийские корпуса. Они совместными усилиями завершили разгром противника, захватили его важнейшие экономические районы, аэродромы и базы снабжения.

Впечатляющая картина! Она была нарисована в начале 30-х годов прошлого века творцами теории глубокой операции М.Н. Тухачевским, К.Б. Калининским и В.К. Триандафилловым. И не только нарисована, но и легла в основу полотно тактических учений и маневров того времени. Для реализации этой теории был создан мощный инструмент, включавший ударные армии, механизированные и кавалерийские корпуса. Но этого, по мнению Тухачевского и его последователей, было мало.

В книге «Бронетанковые войска Красной Армии» отмечалось, что начальник Автобронетанкового управления генерал-лейтенант танковых войск Я.Н. Федоренко в ноябре 1940 г. разработал проект создания механизированной армии, а командующий войсками Киевского Особого военного округа генерал армии Г.К. Жуков в декабре предложил создать конно-механизированную или мотомеханизированную армию¹. Новые архивные документы позволяют по-иному взглянуть на этот вопрос.

29 марта 1932 г. командующий Белорусским военным округом И.П. Уборевич (Уборявичус) представил начальнику Штаба РККА А.И. Егорову докладную записку, в которой говорилось: «Если бы я думал и если мы с Вами верим, что глубокая тактика в современном бою возможна и не окажется книжной кабинетной выдумкой мирного времени, тогда надо бы дать комкору (стрелкового корпуса) средства для атаки в момент, когда стрелковые дивизии атакуют передний край». Для стрелкового корпуса предлагалось в качестве такого средства выделить 3–4 танковых батальона. Но творческая мысль Уборевича на этом не успокоилась. Он считал необходимым создать «сплошной оперативный организм (армию) в составе двух механизированных корпусов – 1000–1200 танков, шести стрелковых дивизий по 11 000 автомобилей, двух-трех кавалерийских дивизий по 300 машин и двух штурмовых и истребительных бригад – 400 самолетов»². По сути дела, Иероним Петрович ратовал за формирование танковой армии смешанного состава.

Эта идея была поддержана заместителем наркома по военным и морским делам и заместителем председателя РВС СССР С.С. Каменевым, который в апреле 1933 г. на заседании Реввоенсовета СССР высказался за создание танковых армий для нанесения «концентрического удара по противнику»³. Его поддержали заместитель наркома обороны и начальник Управления боевой подготовки РККА Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский и командующий войсками Киевского военного округа командарм 1 ранга И.Э. Якир, которые в 1936 г. предложили сформировать крупные специальные «механизированные соединения – механизированные (танковые) армии в приграничных военных округах»⁴. Для проверки

¹ См.: Дайнес В.О. Бронетанковые войска Красной Армии / Владимир Дайнес. М.: Яуза, Эксмо, 2009. С. 53.

² Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 32871. Оп. 1. Д. 11. Л. 140–141.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1039. Л. 2–6.

⁴ РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 167. Л. 31; Д. 240. Л. 42–43.

на практике их возможностей Уборевич считал целесообразным осенью 1937 г. провести опытные учения на базе Харьковского, Киевского и Белорусского военных округов по теме «Действия крупных танковых масс в начальном периоде войны»⁵.

Итак, Красная Армия стояла на пороге новых организационных форм. Оставался всего один шаг до создания танковых армий. Но он не был сделан. Репрессии, захлестнувшие армию, смели с лица земли ее виднейших теоретиков и практиков. С 1937 г. основной темой маневров оперативно-стратегического масштаба становятся «Действия конной армии (кавалерийского корпуса) в операции начального периода войны». Тон в то время задавали нарком обороны Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов и командующий войсками Московского военного округа Маршал Советского Союза С.М. Буденный. Последний свято верил в то, что конница является «решающим боевым и оперативным средством»⁶. Недальновидно поступил и начальник Генштаба РККА командарм 1 ранга Б.М. Шапошников, оценивший идею о создании механизированных (танковых) армий как «незаслуживающую внимания»⁷. Более того, в марте 1938 г. маршал Ворошилов своим приказом отменил как вредительскую «Инструкцию по глубокому бою»⁸. Похоже, страна вступала в эпоху Средневековья. Охотники «за врагами народа» изымали из приказов наркома термины «глубокий бой» и «глубокая операция».

Однако идея о создании танковых армий не канула в Лету. Успешные действия вермахта на Западе, применение им мощных подвижных сил реанимировали эту идею. В ноябре 1940 г., как говорилось выше, генерал Я.Н. Федоренко разработал проект создания механизированной армии. С ним был солидарен и генерал армии Г.К. Жуков. Он, выступая в декабре с докладом на тему «Характер современной наступательной операции» на совещании высшего командного состава Красной Армии, считал целесообразным использовать группы подвижных войск (эшелон развития прорыва) для развития тактического прорыва в оперативный. В ударной армии предлагалось в состав эшелона развития прорыва (ЭРП) включать один механизированный или один усиленный кавалерийский корпус. Во фронте намечалось иметь более мощную группу подвижных войск – конно-механизированную или мотомеханизированную армию⁹. Ее планировалось вводить в сражение на глубину до 150 км с целью разгрома в оперативной глубине обороны не только ближайших оперативных, но и более глубоких фронтовых резервов противника, а главное, сохранив свободу действий, исключить у противника всякую возможность оперативного маневра и организации нового сопротивления. В состав этой подвижной группы (конно-механизированной или мотомеханизированной армии) Жуков считал возможным включить два механизированных, один-два кавалерийских корпуса и соответствующее количество авиации. Для взаимодействия с этой подвижной армией предлагалось использовать авиадесантные соединения и своевременно выдвинуть 2–3 стрелковые дивизии для ее усиления. Еще дальше пошел командир 1-го механизированного корпуса генерал-лейтенант П.Л. Романенко. Он, выступая в прениях по докладу Жукова, высказался за создание ударных механизированно-авиационных армий¹⁰.

К сожалению, все эти предложения были проигнорированы участниками совещания. Даже такой «танковый» авторитет того времени, как командующий войсками Западного

⁵ РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 240. Л. 42–43.

⁶ См.: Буденный С.М. Основы тактики конных соединений. М., 1938. С. 3.

⁷ РГВА. Ф. Оп. 4. Д. 240. Л. 73.

⁸ РГВА. Ф. 25871. Оп. 2. Д. 1275. Л. 324.

⁹ См.: Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). М.: ТЕРРА, 1993. С. 138.

¹⁰ Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). С. 156

особого военного округа генерал-полковник танковых войск Д.Г. Павлов, не считал нужным высказать свое мнение относительно формирования подвижного объединения (армии). Он, выступая на совещании с докладом «Использование механизированных соединений в современной наступательной операции и ввод механизированного корпуса в прорыв», ограничился лишь изложением теоретических аспектов этой проблемы относительно механизированного корпуса.

Нарком обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко также не высказал своего мнения по поводу предложения генерала армии Г.К. Жукова. Он рекомендовал иметь в подвижной группе фронта механизированный и кавалерийский корпус или один-два механизированных корпуса. Ее предусматривалось использовать в двух вариантах. В случае, если тактическая зона обороны противника хорошо оборудована в инженерном отношении, да еще плотно занята его войсками, предлагалось вводить эту группу в прорыв после ее прорыва стрелковыми корпусами. Если же противник не располагает необходимыми силами для создания прочной обороны на второй полосе, то подвижные группы целесообразно вводить в прорыв сразу после преодоления стрелковыми корпусами его главной полосы. Задача подвижных групп заключалась в стремительном продвижении в глубину обороны противника, разгроме его подходящих резервов, недопущении создания ими нового фронта, выходе на пути отхода основной группировки врага и при поддержке авиации окружении ее во взаимодействии с воздушно-десантными войсками. Причем поспешно занятые оборонительные рубежи требовалось прорывать с ходу при поддержке авиации, не ожидая подхода стрелковых войск. Развитие тактического успеха в оперативный должны были осуществлять не только подвижные группы, но и главные силы фронта. Оперативный прорыв считался завершенным тогда, когда достигался разгром главной группировки противника и его оперативных резервов, а также создавались условия, исключавшие возможность занятия противником оборонительных полос в тылу, чтобы восстановить фронт обороны.

Материалы декабрьского совещания послужили основой для разработки проекта Полевого устава 1941 г., который так и не был введен в действие. С целью развития успеха после завершения прорыва обороны противника предполагалось иметь во фронте эшелон развития прорыва, включавший танковые, механизированные и кавалерийские соединения. Они организационно объединялись в конно-механизированные группы (КМГ) в составе кавалерийского и механизированного корпусов или подвижные группы (ПГ) в составе одного-двух механизированных корпусов. Армии, наступавшие на главном направлении (ударные армии), имели эшелон развития прорыва в составе механизированного корпуса.

Итак, накануне Великой Отечественной войны отечественная военная мысль, исходя из требований советской военной доктрины, разработала передовую по тому времени теорию глубокой наступательной операции, главное место в которой отводилось высокоманевренным боевым действиям. Их носителем являлись прежде всего танковые и механизированные корпуса. Однако в этой операции не нашлось места для механизированных (танковых) армий.

В начале войны трудности, возникшие в экономике Советского Союза наряду с другими причинами (значительные потери в танках, организационные недочеты и др.), вынудили советское Главное командование в июле 1941 г. принять решение о расформировании механизированных корпусов. На их базе были созданы танковые дивизии, которые в последующем преобразованы в отдельные танковые бригады. В результате Красная Армия лишилась такого важного инструмента для развития наступательных операций, как крупные бронетанковые и механизированные соединения (корпуса). В то же время противник в наступлении массированно применял танки и штурмовые орудия в составе моторизованных (танковых) корпусов и танковых групп. Они, являясь высшим оперативным объединением танковых войск, стали создаваться весной 1940 г. и включали 6–8, а в отдельных случаях до

12 танковых и моторизованных дивизий. В конце 1941 г. танковые группы были преобразованы в танковые армии (2–3 моторизованных корпуса).

В Красной Армии путь к созданию танковых армий оказался более длительным. Первый шаг на пути их создания был сделан лишь в мае 1942 г. Сначала были сформированы две танковые армии (3-я и 5-я), а затем еще две (1-я и 4-я) смешанного состава на базе управлений общевойсковых армий. В январе 1943 г. Государственный комитет обороны по инициативе И.В. Сталина принимает решение о создании танковых армий однородного состава. Всего было сформировано шесть таких армий.

В отечественной историографии вопросы создания и использования танковых армий были объектом внимания исследователей после окончания Великой Отечественной войны и до начала 90-х годов прошлого века. За это время были изданы работы как обобщающего характера¹¹, так и непосредственно посвященные тем или иным танковым армиям¹² или их использованию в различных операциях¹³. Несмотря на проделанную работу, до настоящего времени отсутствует обобщающая работа по вопросу создания и использования танковых армий в годы Великой Отечественной войны. В предлагаемой вниманию читателей книге на основе ранее изданной литературы и документальных источников впервые в комплексном виде рассматривается процесс формирования и боевого применения танковых объединений в наступательных и оборонительных операциях. Книга снабжена приложениями и будет интересна как специалистам, так и любителям военной истории.

Итак, начнем свой рассказ о танковых армиях, но не по дате их создания, а по порядковому номеру. При этом в первом разделе труда речь пойдет о танковых армиях смешанного состава, а во втором – о гвардейских танковых армиях.

¹¹ См.: Ананьев И. Создание танковых армий и совершенствование их организационной структуры // Военно-исторический журнал. 1972. № 10. С. 39–48; Радзиевский А.И. Танковый удар. (Танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны.) М., 1977; Радзиевский А. Ввод танковых армий в прорыв // Военно-исторический журнал. 1976. № 2; Радзиевский А. Поддержание и восстановление боеспособности танковых армий в наступательных операциях // Военно-исторический журнал. 1976. № 3. С. 14–22; Ананьев И.М. Танковые армии в наступлении: По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1988.

¹² См.: Гвардейская танковая. Боевой путь 2-й гвардейской танковой армии.) М.: Воениздат, 1963; Завизион Г.Т., Корнюшин П.А. И на Тихом океане... Воен. – ист. очерк о боевом пути 6-й гвардейской танковой армии. М., 1967; Дорогами побед. Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии. М., 1969; Бабаджанян А.Х., Попель Н.К., Шалин М.А., Кравченко И.М. Люки открыли в Берлине. Боевой путь 1-й гвардейской танковой армии. М.: Воениздат, 1973; 3-я гвардейская танковая: Боевой путь 3-й гвардейской танковой армии. М., 1982; Ашкерев В.П. Стальным тараном: Боевой путь 4-й гвардейской танковой армии. М.: Воениздат, 1992; Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. М.: Яуза, Эксмо, 2009 и др.

¹³ См.: Красницкий Н.Ф. 2-я танковая армия в Орловской наступательной операции Центрального фронта. М.: Воениздат, 1947; Крупченко И.Е. Танковые армии в Берлинской операции // Военно-исторический журнал. 1960. № 7; Кузьмин А.В. Боевые действия 2-й танковой армии в Люблинско-Брестской операции. М., 1961; Сеоев В.Б. Некоторые вопросы подготовки танковых армий к Берлинской операции // Сборник научных трудов. М.: ИВИ, 1971; Бабаджанян А., Кравченко И. 1-я танковая армия в Житомирско-Бердичевской операции // Военно-исторический журнал. 1972. № 9. С. 22–32; Киреев Н. Форсирование Одера 4-й танковой армией // Военно-исторический журнал. 1976. № 4. С. 95–101; Танковый удар. Советские танки в боях. 1942–1943: Сборник / А. Исаев, В. Гончаров, И. Кошкин, С. Федосеев, Д. Козырев; ред. – сост. В. Гончаров. М.: Яуза, Эксмо, 2007 и др.

Раздел первый. Танковые армии смешанного состава

«Ничего с танковыми армиями не получилось»

При подготовке и планировании военной кампании на весну и начало лета 1942 г. Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин считал, что сорок второй год должен стать годом полного разгрома врага и окончательного освобождения советской земли от немецкой оккупации. Это и предопределило наступательный характер очередной военной кампании. Замысел сводился к тому, чтобы в мае провести крупную наступательную операцию на юго-западном направлении силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов. На остальных направлениях перейти к стратегической обороне и одновременно осуществить ряд частных наступательных операций с ограниченными целями. В дальнейшем развернуть общее наступление по всему фронту от Балтики до Черного моря.

Для претворения в жизнь этих планов необходимо было иметь подвижные силы, способные решать крупные наступательные задачи. Корпуса для этого не годились, а потому вспомнили о предложениях С.С. Каменева, М.Н. Тухачевского и других теоретиков и решили сформировать танковые армии. Ими предполагалось усилить фронты, игравшие решающую роль в летней кампании 1942 г. Всего по директивам Ставки ВГК были созданы четыре танковые армии смешанного состава: в мае – 5-я и 3-я, в июле – 4-я и 1-я. Каждая армия, согласно приказу № 00106 наркома обороны СССР от 29 мая 1942 г. «О составе и организации танковых частей в танковых корпусах и танковых армиях», должна была иметь в своем составе два танковых корпуса и одну резервную танковую бригаду (см. приложение № 4). Корпус включал одну танковую бригаду КВ (32 КВ и 21 Т-60) и две бригады Т-34 (44 Т-34 и 21 Т-60 в каждой). Всего в корпусе предполагалось иметь 183 танка, в резервной танковой бригаде – 44 танка Т-34 и 21 танк Т-60, а в армии – 431 танк¹⁴.

На практике боевой состав танковых армий был смешанным, что обуславливалось стремлением создать мощное оперативное объединение, обладающее большой ударной силой и способностью не только прорывать оборону, но и действовать в оперативной глубине. Армии включали один-два танковых корпуса, от одной до шести стрелковых дивизий, одну отдельную танковую бригаду, 1–3 гвардейских минометных полка, мотоциклетный полк или батальон, несколько артиллерийских полков, 1–4 истребительно-противотанковых артиллерийских и 1–4 зенитных артиллерийских полка, иногда механизированный и кавалерийский корпус, артиллерийскую и зенитную артиллерийскую дивизию, гвардейскую минометную бригаду, инженерную бригаду специального назначения, другие части и подразделения. Более подробно о боевом составе танковых армий смешанного состава будет сказано при изложении тех или иных наступательных и оборонительных операций.

В своей деятельности бронетанковые и механизированные войска руководствовались уставами и наставлениями, вышедшими в свет во второй половине 30-х годов прошлого века, в том числе «Уставом бронетанковых войск РККА, часть первая (УТВ-1-38 г.)». В ходе боевых действий в дополнение к ним были изданы приказы и директивы наркома обороны и Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК).

¹⁴ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). М.: ТЕРРА, 1997. С. 245.

Первым документом такого рода стал приказ № 057 Ставки ВГК о боевом использовании танковых войск от 22 января 1942 г.¹⁵ В приказе отмечалось, что в боевом использовании танковых войск все еще имеется ряд крупных недочетов, в результате которых они несут большие потери в танках и личном составе. Основными из них являлись: плохая организация взаимодействия пехоты с танками; отсутствие поддержки танков со стороны артиллерии; ввод танковых соединений в бой с ходу по частям; использование танковых частей мелкими подразделениями, а иногда даже по одному танку, что приводило к распылению сил; невнимательное отношение общевойсковых начальников к техническому состоянию подчиненных им танковых частей. С целью устранения недостатков Ставка ВГК требовала использовать танковые бригады и отдельные танковые батальоны в бою, как правило, в полном составе и тесном взаимодействии с пехотой, артиллерией и авиацией, не допуская ввода в бой танков без предварительной разведки и рекогносцировки местности; расследовать каждый случай неправильного использования танковых войск, оставления танков на территории противника и непринятия мер к их эвакуации, а виновных в этом привлекать к ответственности.

Несмотря на издание приказа № 057, в боевом применении танковых и механизированных частей и соединений к середине осени 1942 г. снова были выявлены значительные недостатки, изложенные в приказе № 325 «О боевом применении танковых и механизированных частей и соединений», подписанном 16 октября наркомом обороны И.В. Сталиным (см. приложение № 6). Основными из них являлись: потеря танками взаимодействия с пехотой в результате отрыва от нее при атаке вражеской обороны; переход танками в наступление без должной артиллерийской поддержки; ввод танков в бой поспешно без разведки местности и тщательного изучения системы огня противника; атака танками противника в лоб, неумение маневрировать на поле боя; использование танков для борьбы с танками и артиллерией противника; недостаточное авиационное обеспечение боевых действий танков; плохая организация управления танками на поле боя. Все это отрицательно сказывалось на ведении боевых действий и вело к большим потерям в танковых и механизированных частях и соединениях.

В приказе № 325 с учетом накопленного опыта были даны конкретные указания по боевому использованию танковых и механизированных частей и соединений.

Отдельные танковые полки и танковые бригады являлись средством командующего армией и придавались стрелковым дивизиям для их усиления и использования на главном направлении в тесном взаимодействии с пехотой в качестве танков непосредственной поддержки пехоты (НПП). Танковые экипажи должны были проводить атаку на максимальных скоростях, подавлять интенсивным огнем с ходу орудийные, минометные, пулеметные расчеты и пехоту врага и умело маневрировать на поле боя для выхода во фланг и в тыл огневых средств и пехоты противника. Лобовые атаки танками запрещались. Артиллерии предписывалось уничтожать противотанковые средства, танки и артиллерию противника. Танки должны были использоваться для борьбы с вражескими танками только в случаях явного превосходства в силах над ними и выгодного положения. В задачу авиации входило нанесение ударов по противотанковой обороне противника, воспреещение подхода к полю боя его танков, прикрытие боевых порядков танковых частей от воздействия вражеской авиации, обеспечение боевых действий танковых частей постоянной и непрерывной авиаразведкой. Отдельные полки танков прорыва, оснащенные тяжелыми танками, должны были придаваться войскам в качестве средств усиления для прорыва обороны противника в тесном взаимодействии с пехотой и артиллерией. В оборонительном бою танковые полки и бригады предусматривалось применять как средство для нанесения контрударов по частям против-

¹⁵ См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. № 5. М., 1947. С. 28–29.

ника, прорвавшимся в глубину обороны. В отдельных случаях танки разрешалось использовать в качестве неподвижных артиллерийских точек, засад или вместо кочующих орудий.

В приказе определялось, что танковый корпус подчиняется командующему фронтом или армией и применяется на главном направлении в качестве эшелона развития успеха для разгрома и уничтожения пехоты противника. В наступательной операции на танковый корпус возлагалась задача по нанесению массированного удара с целью разобщения и окружения главной группировки войск противника и разгрома ее совместными действиями с авиацией и наземными войсками фронта. Корпус не должен был ввязываться в бои с танками противника, если нет явного над ним превосходства. В случае встречи с крупными танковыми частями противника предписывалось для борьбы с ними выделять из состава корпуса противотанковую артиллерию и часть танков, а также противотанковую артиллерию от пехоты. Корпус, заслонившись всеми этими средствами, должен был обойти своими главными силами танки противника и нанести удар по его пехоте с целью оторвать ее от танков и парализовать их действия. Главная задача танкового корпуса – уничтожение пехоты противника.

В оборонительной операции фронта или армии танковые корпуса предписывалось использовать в качестве мощного средства для нанесения контрудара из глубины. Они должны были применяться только на танкодоступной местности. При этом решающим элементом их применения являлась внезапность, которая достигалась маскировкой, скрытностью расположения и передвижения, использованием для маршей ночного времени и прикрытием сосредоточения с воздуха.

Отдельная механизированная бригада, являясь тактическим соединением, должна была использоваться командующим армией как подвижный резерв. В наступлении ей предстояло своими дерзкими стремительными действиями выполнять задачи по захвату и удержанию важных объектов до подхода основных сил, действующих на данном направлении. В частной наступательной армейской операции механизированную бригаду предписывалось использовать для развития успеха. Кроме того, она могла выполнять задачи по надежному обеспечению фланга наступающих частей. В ходе преследования противника механизированная бригада должна была захватывать в его тылу переправы, дефиле, важнейшие узлы дорог и решительными действиями содействовать окружению и разгрому противника. В оборонительной армейской операции механизированные бригады предписывалось использовать для нанесения контрударов и ликвидации успеха прорвавшегося противника. При этом бригада должна была вести активную оборону на широком фронте и обеспечивать перегруппировку войск армии.

Механизированные корпуса являлись средством командующего фронтом или армией и предназначались для использования на главном направлении в качестве эшелона развития успеха и преследования противника. Дробление корпуса по бригадам и переподчинение бригад командирам стрелковых соединений не разрешалось. Команду (сигнал) о вводе механизированных корпусов в прорыв имел право давать командующий фронтом или армией. При развитии успеха наступательной операции мехкорпус мог решать задачи самостоятельно против не успевшего еще закрепиться противника. Использование мехкорпуса как эшелона развития прорыва разрешалось только после преодоления общевойсковыми соединениями главной оборонительной полосы и выхода атакующей пехоты в районы артиллерийских позиций противника. В случае, если оборона противника оборудована слабо, механизированный корпус предусматривалось применять для самостоятельного выполнения задачи по прорыву фронта и разгрома противника на всю глубину его обороны. При этом корпус необходимо было обязательно усиливать гаубичной артиллерией, авиацией и по возможности танками прорыва. Ввод корпуса в прорыв требовалось осуществлять на участке шириной 6–8 км в предбоевых порядках по двум-четырем маршрутам. Особое внимание обращалось

на надежное прикрытие мехкорпуса от ударов авиации противника с воздуха и усиление его средствами ПВО и авиацией. После непрерывных боевых действий в течение 5–6 суток предписывалось предоставлять корпусу 2–3 дня для восстановления материальной части и пополнения запасов.

Все эти положения легли в основу деятельности командующих общевойсковыми и танковыми объединениями и соединениями. При этом опыт боевых действий танковых армий смешанного состава показал, что в наступательных операциях они применялись фактически так же, как и общевойсковые армии, усиленные танковыми (механизированными) корпусами. Стрелковые дивизии со средствами усиления получали задачу прорвать главную полосу обороны противника, а танковые и механизированные корпуса составляли подвижную группу армии и предназначались для развития успеха. Наличие в составе танковых армий соединений с различной степенью подвижности, к тому же при недостатке эффективных средств связи, серьезно затрудняло управление войсками при развитии наступления в оперативной глубине. Это неизбежно приводило к ослаблению силы и уменьшению глубины танкового удара, а следовательно, и к снижению результатов операции в целом. К тому же в Красной Армии не было командных кадров высшего звена, способных успешно управлять танковыми армиями. Все это учитывал И.В. Сталин, когда 3 сентября 1942 г. заявил заместителю командующего бронетанковыми войсками Красной Армии по политической части генералу Н.И. Бирюкову: «Ничего с танковыми армиями не получилось. Для армий нет подготовленных командиров»¹⁶. Конечно, дело было не только в отсутствии подготовленного комсостава. Для успешного решения задач в наступательных операциях необходимо было иметь однородные, высокоподвижные, обладающие большой ударной силой и огневой мощью бронетанковые объединения. Но об этом разговор впереди. А сейчас поведем свой рассказ о танковых армиях смешанного состава. И начнем его с первой танковой армии.

¹⁶ Цит. по: Бирюков Н.И. Танки – фронту! Записки советского генерала. Смоленск: Русич, 2005. С. 204.

Первая танковая армия

Первая танковая армия, хотя и именовалась 1-й, но была сформирована последней в ряду танковых объединений смешанного состава. Ее создание было обусловлено тяжелой обстановкой, сложившейся летом 1942 г. на Сталинградском фронте. Здесь 17 июля войска немецкой 6-й армии под командованием генерал-полковника Ф. Паулюса в рамках операции «Брауншвейг» перешли в наступление с целью захвата Сталинграда¹⁷. Однако передовые отряды 62-й и 64-й армий в течение шести суток стойко отражали все атаки врага на рубеже рек Чир и Цимла. Это вынудило генерал-полковника Паулюса развернуть часть своих главных сил, что позволило войскам Сталинградского фронта выиграть время для усовершенствования обороны на основном рубеже.

Верховное Главнокомандование вермахта, полагая, что советские войска будут быстро разгромлены, внесло изменение в ранее принятый план. 23 июля А. Гитлер подписал директиву № 45 о продолжении операции «Брауншвейг»¹⁸. Группе армий «А» предстояло, используя крупные силы танковых и моторизованных войск, окружить и уничтожить советские войска, ушедшие за р. Дон, в районе южнее и юго-восточнее Ростова. Из состава этой группы приказывалось передать в группу армий «Б» два танковых соединения, в том числе 24-ю танковую дивизию, для продолжения операций в юго-восточном направлении. Войска группы армий «Б» должны были наряду с оборудованием оборонительных позиций на р. Дон нанести силами 6-й армии удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку советских войск, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой. Вслед за этим танковым и моторизованным войскам предписывалось нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и парализовать там движение по главному руслу реки. Основные силы авиации намечалось использовать для обеспечения переправы войск через Дон, а затем для поддержки восточной группировки, наступающей вдоль железной дороги на Тихорецк. При этом одновременно требовалось оказывать помощь наступлению группы армий «Б» на Сталинград и Астрахань, а также подвергать бомбардировке эти города.

Для того чтобы остановить противника, Ставка ВГК приняла решение нанести по нему контрудар, используя танковые объединения. 22 июля И.В. Сталин и начальник Генштаба Красной Армии генерал А.М. Василевский подписали директиву № 994125 о формировании к 28 июля в составе Сталинградского фронта 1-й танковой армии на базе 38-й армии. Одновременно директивой № 994124 предусматривалось сформировать к 1 августа 4-ю танковую армию (о которой речь пойдет ниже).

В состав 1-й танковой армии включались: управление 38-й армии со всеми армейскими частями, учреждениями и тылами; 13-й и 28-й танковые корпуса; три стрелковые дивизии из числа прибывающих из Дальневосточного фронта; два полка противотанковой обороны 76-мм калибра; два полка ПВО; один гвардейский минометный полк¹⁹. Такой состав танковой армии отличался от тех указаний, которые были изложены в приказе наркома обороны № 00106 от 29 мая «О составе и организации танковых частей в танковых корпусах и танковых армиях» (см. приложение № 4). В составе 1-й танковой армии первоначально не предусматривалось наличие резервной танковой бригады.

¹⁷ Планом операции «Брауншвейг» предусматривалось последовательными ударами уничтожить группировку советских войск западнее Дона, захватить нефтеносные районы Кавказа и перейти через Кавказский хребет.

¹⁸ См.: Дерр Г. Поход на Сталинград. М.: Воениздат, 1957. С. 131–133.

¹⁹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). М.: ТЕРРА, 1996. С. 320–321.

Командующим 1-й танковой армией был назначен генерал-майор артиллерии К.С. Москаленко с освобождением его от обязанностей командующего 38-й армией (см. приложение № 3). Заместителем командующего армией по танковым войскам стал генерал-майор танковых войск Е.Г. Пушкин.

Инициатива формирования 1-й танковой армии принадлежит командующему Сталинградским фронтом генерал-лейтенанту В.Н. Гордову. Правда, Маршал Советского Союза К.С. Москаленко в своих мемуарах «На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма» отмечал, что давно мечтал о создании таких объединений. 22 июля его неожиданно вызвали в штаб Сталинградского фронта, где генерал-лейтенант Гордов сообщил ему о назначении командующим 1-й танковой армией. Ее предстояло сформировать на западном берегу Дона в районе Качалин, Рычковский, Калач. Войска 38-й армии было приказано передать в состав 21-й армии.

Начальнику штаба 38-й армии полковнику С.П. Иванову новость о создании 1-й танковой армии сообщил начальник штаба 21-й армии генерал А.И. Данилов. «Если учесть, как я любил танковые войска и как был убежден в необходимости их массированного применения, – вспоминал С.П. Иванов, – то нетрудно понять мою искреннюю радость по поводу этой второй новости, сообщенной Алексеем Ильичом. В тот момент мы оба не могли знать, что танковая армия, в которой мне предстояло служить, была первой по нумерации, но третьей по времени образования. Дело в том, что по неизвестному нам тогда решению Ставки в мае – июне 1942 года две первые танковые армии (3-я и 5-я) были уже сформированы в районе Тулы и Ефремова, поскольку И.В. Сталин ошибочно считал, что главные события летом 1942 года развернутся на московском стратегическом направлении. Когда же стала явно обозначаться угроза мощного удара врага на юге, решено было создать следующие две танковые армии в районе Сталинграда»²⁰.

Генерал К.С. Москаленко, получив приказ командующего фронтом, немедленно связался по телефону со своим заместителем генерал-майором Г.И. Шерстюком, приказав ему возглавить комиссию по передаче войск с их участками обороны, а штабу под руководством полковника С.П. Иванова – прибыть в район Калача.

В связи с ухудшением обстановки к западу от Дона командующий Сталинградским фронтом сократил срок формирования 1-й танковой армии на двое суток. Следовательно, ей предстояло быть готовой к ведению боевых действий не позднее 24 часов 26 июля. К началу формирования армии, по свидетельству К.С. Москаленко, были переданы 13-й и 28-й танковые корпуса, одна стрелковая дивизия (131-я) вместо трех, два артиллерийских полка противовоздушной обороны, один противотанковый полк и 158-я тяжелая танковая бригада²¹.

Формирование 13-го танкового корпуса (163, 166, 169-я танковые, 20-я мотострелковая бригады) под командованием полковника Т.И. Танасчишина началось в апреле 1942 г. в Сталинграде. Боевое крещение он получил восточнее Харькова. Корпус заканчивал формирование в районе Добринки. К 23 июля в танковых батальонах вместо трех имелось лишь по две танковые роты. В каждой танковой бригаде насчитывалось всего по 41 среднему и легкому танку, а в корпусе – 123 танка, в том числе 74 Т-34²². Не были укомплектованы личным составом мотострелково-пулеметные батальоны бригад, в их составе отсутствовала истребительно-противотанковая и зенитная артиллерия. В 20-й мотострелковой бригаде существовал значительный некомплект в людях. Большинство воинов прибыло на фронт впервые.

²⁰ Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М.: Воениздат, 1990. С. 258.

²¹ См.: Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Книга I. М.: Наука, 1969. С. 266.

²² См.: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 267.

Переподчинение 13-го танкового корпуса командующему 1-й танковой армией неожиданно затянулось. После полуночи 24 июля начальник штаба корпуса подполковник В.И. Жданов доложил начальнику штаба армии об устном распоряжении заместителя начальника штаба Сталинградского фронта генерала И.Н. Рухле о подчинении корпуса командующему 1-й танковой армией. Однако вскоре командующий фронтом приказал переподчинить корпус командующему 62-й армией для участия совместно с 33-й гвардейской стрелковой дивизией в контрударе в направлении совхоза им. 1 Мая, Манойлин.

28-й танковый корпус (39, 55, 56-я танковые, 32-я мотострелковая бригады) полковника Г.С. Родина создавался в районе Сталинграда на базе выведенных из Крыма штабов танковых частей. Он получил новое, в основном необстрелянное, пополнение личным составом и 178 танков (88 – Т-34, 60 – Т-70 и 30 – Т-60). Однако часть танков имела дефекты, и почти на всех машинах отсутствовали радиостанции. Не полностью было укомплектовано корпусное управление. Не прибыли также часть положенного по штату автотранспорта и разведывательный батальон.

Армия создавалась, как мы видим, из тех частей и соединений, которые были под рукой. Времени на их сколачивание не было, так как обстановка в полосе Сталинградского фронта была весьма тяжелой. Утром 23 июля противник, введя в сражение 113-ю пехотную и 16-ю танковую дивизии на участке Верхне-Черенский, Перелазовский, совхоз Копанья, нанес удар по правому флангу 62-й армии. Используя превосходство в силах и средствах, в особенности в авиации, он прорвал главную полосу обороны 62-й армии, продвинувшись к исходу дня до 20 км. Для наращивания силы удара на этом направлении из состава группы армий «Б» было сосредоточено не менее трех танковых и двух моторизованных дивизий, немецкий 17-й армейский и румынский 6-й армейский корпуса.

Для предотвращения прорыва обороны на участке 33-й гвардейской стрелковой дивизии командующий 62-й армией генерал-майор В.Я. Колпакчи перебросил сюда все имевшиеся в его распоряжении танки, гвардейские минометы и артиллерийский полк ПТО. В целях уплотнения боевого порядка 192-й стрелковой дивизии на участке Евстратовский, Калмыков выдвигалась 184-я стрелковая дивизия. По решению командующего Сталинградским фронтом намечалось с утра 24 июля использовать половину всей авиации фронта в полосе 62-й армии для противодействия и ликвидации атак противника. Остальными силами авиации предусматривалось уничтожить противника на переправах у Цимлянской и Николаевской.

И.В. Сталин в разговоре по прямому проводу 23 июля с генералом В.Н. Гордовым одобрил эти мероприятия²³. Одновременно он потребовал сосредоточить на правом фланге 9/10 всей авиации 8-й воздушной армии генерала Т.Т. Хрюкина и авиации генерала П.С. Степанова. На усиление им направлялись пять истребительных и два штурмовых авиационных полка. Кроме того, намечалось использовать для нанесения ударов по противнику авиацию дальнего действия. Далее Сталин сказал:

– Переданный вами только что план формирования и сосредоточения 1-й и 4-й танковых армий Ставка утверждает. Имейте в виду, если противник прорвет правый фланг и подойдет к Дону в районе Гумрака или севернее, то он отрежет ваши железнодорожные сообщения с севером. Поэтому правый фланг вашего фронта считаю теперь решающим. Требую, чтобы оборонительный рубеж западнее Дона от Клетской через Рожковскую до Нижне-Калиновки был сохранен в наших руках безусловно. Противника, вклинившегося в этот рубеж, в районе действия 33-й гвардейской стрелковой дивизии уничтожить во что бы то ни стало. У вас есть для этого силы, и вы должны это сделать. Категорически воспрещаю отход от указанного оборонительного рубежа. Требую не жалеть никаких жертв ради удержания этого рубежа.

²³ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5–2). С. 321–322.

В соответствии с этим требованием генерал Гордов незамедлительно приказал войскам 1-й танковой армии переправиться через Дон в районе Калача и 25 июля перейти в наступление в направлении населенного пункта Майоровский. Ближайшая задача – уничтожить противостоящего врага и к исходу дня овладеть рубежом Верхнебузиновка, Манойлин. В последующем предписывалось развивать наступление в направлении Перелазовского и там соединиться с 4-й танковой армией. Ее войска не успевали сосредоточиться на исходных позициях к 25 июля, поэтому им приказывалось начать боевые действия 27 июля, наступая из района Трехостровской в направлении Перелазовского. Слева от 1-й танковой армии удар наносила часть сил 62-й армии во взаимодействии с 13-м танковым корпусом. Из района Серафимовича в южном направлении, в тыл группировке противника, предстояло наступать трем стрелковым дивизиям 21-й армии.

Итак, 1-я танковая армия должна была с утра 25 июля принять участие во фронтовом контрударе, то есть срок завершения ее формирования был урезан еще почти на двое суток. При этом командующий армией реально располагал лишь одним 28-м танковым корпусом. Генерал К.С. Москаленко, получив приказ командующего Сталинградским фронтом, провел совещание в штабе армии. Он довел до его сотрудников полученную задачу, приказав немедленно отправиться на железнодорожные станции, встретить прибывающие части и вывести их в исходные районы для наступления.

Начальник штаба 1-й танковой армии полковник С.П. Иванов с группой командиров штаба приступил к разработке плана наступательной операции. Он предложил командующему армией в ночь на 24 июля скрытно перебросить 28-й танковый корпус, находившийся в районе Сталинградского тракторного завода, в район Калача по маршруту Разгуляевка, Гумрак, Воропоново, Карповская. Генерал К.С. Москаленко приказал командиру корпуса полковнику Г.С. Родину совершить марш в предвидении встречного боя, организовав разведку, надежное охранение и маскировку. Сталинград требовалось обойти северо-западнее, чтобы противник не узнал о передвижении танкового корпуса к фронту. Соединения корпуса было намечено разместить следующим образом: 56-ю танковую бригаду – на юго-восточной окраине Калача, 39-ю танковую – на хуторе Кустовский, близ Камышей, 55-ю танковую – в Черкасове, чуть южнее города, а 32-ю мотострелковую – в Ильевке, еще чуть юго-восточнее Калача.

По восточному берегу Дона, на участке от Калача на юге до хутора Голубинского на севере, оборонялась 131-я стрелковая дивизия. На станции Кривомузгинская, близ поселка Советский, разгружалась 158-я тяжелая танковая бригада полковника А.И. Егорова.

С утра 24 июля противник ввел на направлении главного удара дополнительно свежую моторизованную дивизию. Совместно с 60-й моторизованной дивизией она прорвалась в район Верхнебузиновки, где разгромила штабы 192-й и 184-й стрелковых дивизий. Контрудар, предпринятый силами 62-й армии, успеха не имел. Две танковые бригады (169-я и 166-я) 13-го танкового корпуса без какого-либо обеспечения вступили в сражение и неожиданным для врага ударом выбили его из совхоза имени 1 Мая. Однако этот частный успех стоил корпусу невосполнимых потерь и не смог изменить общего положения. Задержать продвижение противника не удалось. К исходу дня обе группировки врага прорвались к Дону в район Каменского. В окружении оказались части 184-й и 192-й стрелковых дивизий, 40-я танковая бригада и отдельный танковый батальон. Противник, выйдя на западный берег Дона, оказался в непосредственной близости к району сосредоточения 1-й танковой армии. Он обрушил на ее части артиллерийский и минометный огонь.

В тот же день, 24 июля, генерал К.С. Москаленко вместе с командиром 28-го танкового корпуса полковником Г.С. Родиным прибыл на командный пункт 62-й армии. Здесь он ознакомился с обстановкой и договорился о взаимодействии с командующим армией генералом В.Я. Колпакчи. Он подтвердил, что 14-й танковый корпус противника рвется к Калачу, и это

создало угрозу окружения главных сил 62-й армии, захвата переправ через Дон вражескими войсками с целью прорыва на Сталинград. В то же время противник начал сжимать кольцо окружения в районе Верхнебузиновки, в котором, как отмечено выше, оказалась тогда часть сил 62-й армии. В такой обстановке генерал Колпакчи счел возможным участвовать в контр-ударе силами одной лишь 196-й стрелковой дивизии. Ей предстояло наступать между 13-м и 28-м танковыми корпусами, как бы разобщая их. Это, несомненно, ослабило силу контр-удара 1-й танковой армии.

Вечером 24 июля на командный пункт 1-й танковой армии прибыли начальник Генерального штаба генерал-полковник А.М. Василевский, командующий Сталинградским фронтом генерал-лейтенант В.Н. Гордов и исполняющий обязанности начальника штаба фронта генерал-майор И.Н. Рухле. О том, какие вопросы и какие решения были приняты на совещании в штабе армии, подробно говорится в книге генерала армии С.П. Иванова «Штаб армейский, штаб фронтовой», которой мы и воспользуемся.

Начальник Генштаба в общих чертах охарактеризовал обстановку, складывавшуюся на южном фланге советско-германского фронта. Он сообщил, что противнику к настоящему моменту удалось отбросить советские войска за Дон на огромном протяжении от Воронежа до Клетской и от Суровикино до Ростова, и только в большой излучине Дона они сумели удержать плацдарм, что затрудняло врагу прорыв на Сталинград.

Генерал Василевский отметил:

– Опыренный этими бесспорно немалыми успехами, Гитлер предположил, что Паулюс сравнительно легко захватит Сталинград. Однако ожесточенное сопротивление войск вашего фронта в большой излучине Дона начало, видимо, убеждать его в том, что эту задачу не решить одним ударом, и посему немецкое командование вплотную занялось усилением 6-й армии. Как доносит агентурная разведка, из оперативного построения соседней группы армий «Юг», наступающей на кавказском направлении, изъяты и вновь возвращаются в 6-ю армию дивизии 51-го армейского и 14-го танкового корпусов. Обещаны Паулюсу, возможно, и другие подкрепления. Имея почти абсолютное превосходство в авиации и весьма солидное – в танках, он, безусловно, приложит все свои немалые способности и опыт, чтобы выполнить приказ Гитлера об овладении Сталинградом в возможно короткий срок.

В это время на командный пункт 1-й танковой армии позвонил командующий 62-й армией генерал В.Я. Колпакчи. Он доложил начальнику Генштаба, что с выходом противника к Голубинскому и Скворину возникла реальная угроза окружения значительной части сил армии. Противник не предпринимает каких-либо мер по форсированию Дона, а пытается свернуть оборону войск 62-й армии по западному берегу реки. Генерал Василевский предложил присутствовавшим на КП высказать свои предложения по выводу войск 62-й армии из кризисной ситуации. Генерал Гордов заявил, что нужно отстранить генерала Колпакчи от должности. Однако начальник Генштаба не поддержал командующего фронтом. Генерал Москаленко предложил послать на самолете По-2 в район находящихся в полуокружении дивизий опытного и решительного военачальника с задачей в случае необходимости принять командование ими, создать оперативную группу, которая либо попытается пробиться к главным силам, либо займет круговую оборону.

Было решено направить в наметившийся котел начальника оперативного отдела штаба 62-й армии полковника К.А. Журавлева. После этого генерал Василевский сказал:

– Обстановка вынуждает нас принять архитрудное и ответственнейшее решение – безотлагательно нанести контрудар танковыми армиями, который мы планировали начать не ранее самых последних чисел июля. Причем 1-й танковой армии придется выступить немедленно – завтра с утра. Ее контрудар вскоре же поддержат 4-я танковая, 21, 62 и 64-я армии. Штабу фронта предстоит спешно разработать план контрудара во фронтовом масштабе.

– Мы готовим такой план, – доложил генерал Гордов, – но его осуществление намечается, как вы заметили, на более поздний срок. Это фактически санкционировал во время переговоров со мной товарищ Сталин. Он дал мне ряд срочных указаний, но среди них не было требования о преждевременном введении в сражение не закончивших формирование танковых армий. Верховный Главнокомандующий сообщил лишь, что им утвержден представленный нами план формирования этих армий.

Генерал Москаленко, в свою очередь, напомнил о слабом составе 1-й танковой армии, имевшей фактически всего один танковый корпус, одну стрелковую дивизию, одну тяжелую танковую бригаду с минимальными средствами артиллерийского усиления.

Начальник Генштаба, выслушав командующих фронтом и 1-й танковой армией, приказал:

– Вот эти соединения завтра на рассвете вы и переправите через Дон, двинете их от совхоза «10 лет Октября» и села Ложки через Липологовский на Большенабатовский, Ближнюю Перекопку. Встретите слабого противника – ваше счастье. Разгромите его около Мало-набатовского и Осинового и будете преследовать врага в северном направлении до рубежа Новогригорьевская, Логовский, где оставите передовые отряды. Главные силы по выполнению задачи сосредоточите в районе Сиротинская, Ближняя Перекопка и севернее Верхнеглубой. Встретите сильного противника – будете биться до последнего танка на том рубеже, до которого сумеете его отбросить, но к переправе у Калача гитлеровцев не пустите. Вас поддержит сразу же, как только высвободится, 196-я дивизия. Она будет подчинена вам в оперативном отношении и нанесет удар на Скворин. Будет возвращен вам и нацелен на Евсеев, Верхнебузиновку, Клетскую и 13-й танковый корпус. Когда сможет выступить 4-я танковая армия – мы сейчас узнаем.

Генерал Василевский приказал соединить его с генералом В.Д. Крючкиным, который ответил, что имеющийся у него единственный 22-й танковый корпус генерала А.А. Шамшина сможет переправиться через Дон и выйти в исходный район не ранее 27 июля.

Начальник Генштаба подчеркнул:

– Всю ответственность за последствия принятого решения я беру на себя и буду докладывать товарищу Сталину о причинах, по которым мы прибегаем к этой крайней, но совершенно необходимой сейчас мере. Взгляните на карту: вы ясно увидите, что целью двух группировок 6-й армии – северной и южной – наверняка является Калач. Враг вышел к Дону у Голубинского, но не предпринял попыток форсировать реку, хотя мог бы это сделать, а повернул на юг. К правому флангу 64-й армии тоже подходит немецкая группировка танков и пехоты, которая, видимо, также будет стремиться прорваться к Калачу. Ведь от него прямой кратчайший путь к центру Сталинграда, да еще при хороших коммуникациях.

В своих мемуарах маршал А.М. Василевский следующим образом прокомментировал это решение: «Вместе с командованием фронта мы тщательно проанализировали обстановку. Старались не упустить ни одной детали, беседовали, советовались с командирами и политработниками. Все было преисполнено решимости отстоять город на Волге. Изучение сложившейся на фронте обстановки показало, что единственная возможность ликвидировать угрозу окружения 62-й армии и захвата противником переправ через Дон в районе Калача и к северу от него заключалась в безотлагательном нанесении по врагу контрударов наличными силами 1-й и 4-й танковых армий. 4-я танковая армия смогла сделать это только через двое суток, но ждать ее не было возможности, иначе мы потеряли бы переправы и фашистские войска вышли бы в тыл 62-й и 64-й армиям. Поэтому пришлось пойти на немедленный удар 1-й танковой армии, а затем уж и 4-й»²⁴.

²⁴ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. С. 209.

Генерал Москаленко, выполняя приказ начальника Генштаба, в полночь 24 июля приказал 28-му танковому корпусу утром 25 июля переправиться через Дон и наступать на север в направлении совхоз «10 лет Октября», хутор Ложки, Липологовский, Сухановский и далее на Большенабатовский, уничтожая во встречных боях двигающиеся к переправе у Калача танковые и мотомеханизированные части противника. 13-му танковому корпусу предписывалось наступать в направлении Евсеевский, Верхнебузиновка, Клетская. 131-я стрелковая дивизия должна была одним полком (482-й) поддержать наступление 28-го танкового корпуса, а остальными силами оборонять восточный берег Дона в районе Кустовского, Камышей, Калача, Ильевки. На западном берегу Дона у Березовского занял огневые позиции 1261-й зенитный артиллерийский полк. Остальные артиллерийские части, в том числе 1254-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, еще находились на марше. В своей резерв командарм выделил 158-ю тяжелую танковую бригаду и батальон 131-й стрелковой дивизии, которым предстояло продвигаться за 28-м танковым корпусом. Командующий армией потребовал в течение ночи на 25 июля довести задачи до исполнителей, заправить танки горючим и обеспечить боеприпасами, вывести их в исходное положение для атаки.

После этого генерал Москаленко занялся организацией переправы войск 1-й танковой армии через Дон. Ее главным силам, находившимся на восточном берегу, предстояло переправляться через реку под непрерывным воздействием авиации врага, а на западном берегу с ходу вступить в бой. Первым начал переправу 482-й стрелковый полк 131-й стрелковой дивизии, а за ним 56, 55, 39-я танковые и 32-я мотострелковая бригады. Переправа 1-го батальона 482-го стрелкового полка прошла незамеченной для противника, что позволило ему занять позиции, обеспечивающие переправу других подразделений. Однако следовавший за ним 3-й батальон на западном берегу Дона в 2,5 км от переправы подвергся на марше нападению 15 танков противника и мотопехоты на семи машинах. На помощь батальону пришли передовые подразделения 56-й танковой бригады (30 танков Т-34) подполковника И.Т. Бабенко. 1-й танковый батальон бригады, переправившись на западный берег Дона, с ходу атаковал противника, остановил, а затем отбросил его от переправы. Под прикрытием танков 3-й стрелковый батальон, а за ним и 2-й заняли и оборудовали назначенный им рубеж у переправы и удерживали его, невзирая на вражеский огонь и бомбежки. Подразделения 1-го батальона 56-й танковой бригады, обойдя рощу справа, по низинке, ворвались в нее с тыла. Примерно в пять часов вечера 1-й танковый батальон 55-й танковой бригады (полковник П.П. Лебеденко) сосредоточился на западном берегу Дона.

В то время как войска 1-й танковой армии перешли в наступление, противник возобновил атаки, стремясь овладеть переправами. В результате завязалось встречное сражение в крайне невыгодных для 1-й танковой армии условиях, при превосходстве противника в силах и средствах и полном господстве его авиации в воздухе. Части 8-й воздушной армии, задействованные на других направлениях, не могли оказать поддержку войскам 1-й танковой армии. Несмотря на это, противник не сумел добиться успеха. В ходе упорных боев, продолжавшихся в течение всего дня, части 28-го танкового корпуса, потеряв 57 танков, отбросили неприятеля на 6–8 км от Калача.

Противник, лишившись 27 танков, вынужден был отказаться от наступления и перейти к жесткой обороне, используя для борьбы с танками даже средства ПВО. Командир 3-й моторизованной дивизии генерал-лейтенант Шлемер признавал: «Атаки русских были настолько сильны, что 3-я моторизованная дивизия должна была отступить на линию 146,0 – 169,8 – 174,9 – Дон»²⁵. Не помогло и прибытие в район Липологовского частей 60-й моторизованной дивизии, также поступивших под командование генерала Шлемера. Бывший начальник штаба 52-го армейского корпуса генерал-майор Г. Дерр вспоминал: «25 июля 14-й танко-

²⁵ Цит. по: Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Книга I. С. 286.

вый корпус, наступая через Клетскую и Сиротинскую, при приближении к Калачу в районе юго-западнее Каменской натолкнулся на крупные силы противника, сопротивление которых он не смог сломить, так как в связи с недостатком горючего некоторые его боевые части отстали»²⁶. Далее Дерр отмечал, что бой в районе Калача отнял у советских войск много сил, но зато принес выигрыш во времени примерно в две недели. «Что тогда означали две недели для эвакуации промышленных предприятий из Сталинграда и для его обороны, говорить не приходится, – пишет Дерр. – Затем из двух недель стало три, так как лишь 21 августа 6-я армия смогла начать свое наступление через Дон ввиду того, что трудности со снабжением и доставкой горючего задерживали проведение маршей и перегруппировку войск, а также подготовку техники, в особенности же переброску артиллерии и перебазирование авиации»²⁷.

Противник, понимая, что контрудар войск Сталинградского фронта имел целью восстановить положение на правом фланге 62-й армии, активизировал 25 июля свои действия слева от нее, южнее Суровикино. Там оборонялись две стрелковые дивизии 64-й армии – 229-я и 214-я. Последняя только прибыла в указанный район. 229-я стрелковая дивизия едва успела сменить 196-ю стрелковую дивизию 62-й армии. Таким образом, сложилась выгодная для противника обстановка. Он, обладая значительным превосходством в силах и средствах, сумел оттеснить правофланговые дивизии 64-й армии. Форсировав р. Чир на участке разъезд Дмитриевка, Рычковский, две пехотные и танковая дивизии врага разорвали смежные фланги 62-й и 64-й армий и создали угрозу удара на Калач с юго-запада.

В сложившейся обстановке генерал Москаленко около семи часов вечера 25 июля подписал первый приказ по 1-й танковой армии²⁸. Ее войскам предстояло при поддержке 8-й воздушной армии перейти в решительное наступление в общем направлении на Клетскую, уничтожить противника в районе Верхнеголубая, Верхнебузиновка, Скворин и к исходу 26 июля выйти на рубеж Сиротинская, Логовский, Клетская. 28-й корпус должен был наступать в направлении ферма № 2 совхоза «10 лет Октября», Большенабатовский, Ближняя Перекопка. Задача: уничтожить противника в районе Малонабатовский, Осинковский и преследовать его на север до рубежа Новогригорьевская, Логовский. Здесь приказывалось оставить передовые отряды, а главные силы сосредоточить в районе Сиротинская, Ближняя Перекопка, МТФ (молочно-товарная ферма. – *Прим. авт.*). 13-му танковому корпусу предписывалось наступать в общем направлении Евсеевский, Верхнебузиновка, Клетская с задачей уничтожить врага в районе Майоровский, Евсеевский, а затем преследовать противника до Дона, оставив подвижный отряд на рубеже Клетская, Евстратовский, Верхнебузиновка. 131-й стрелковой дивизии приказывалось прочно оборонять переправу через Дон на участке Голубинский, Калач. В резерве командующего 1-й танковой армией по-прежнему находились 158-я тяжелая танковая бригада и батальон 131-й стрелковой дивизии, усиленные двумя батареями 1254-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка. Из состава резерва для непосредственной обороны переправы у Калача выделялись танковая рота и две батареи.

Командир 28-го танкового корпуса полковник Г.С. Родин во исполнение приказа командующего 1-й танковой армией решил продолжать наступление двумя эшелонами: в первом – 55-я и 39-я танковые бригады, а во втором – понесшая потери 56-я танковая бригада и 32-я мотострелковая бригада. Начало наступления было назначено на 3 часа ночи, чтобы исключить воздействие вражеской авиации и ошеломить противника внезапностью.

Однако обстановка внесла свои коррективы. Когда примерно в десять часов вечера 25 июля те части 39-й танковой бригады, которые оставались еще на левом берегу Дона, начали

²⁶ Цит. по: Дерр Г. Поход на Сталинград. М.: Воениздат, 1957. С. 44.

²⁷ Дерр Г. Поход на Сталинград. С. 44–45.

²⁸ См.: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 280–281.

переправу, вражеские бомбардировщики, повесив несколько светящихся авиационных бомб, стали бомбить понтонный мост. Зенитные батареи армии открыли интенсивный огонь, но переправа все же затянулась, и предназначенные для наступления части не успели сосредоточиться в исходном районе. 32-я мотострелковая бригада, которая должна была переправиться ночью, осталась пока на восточном берегу.

Командир 28-го танкового корпуса, стремясь упредить противника, принял решение двинуть вначале в направлении Ложков одну 55-ю танковую бригаду (36 танков). Однако противник сумел в течение ночи подготовиться к отражению наступления 1-й танковой армии. Он занял выгодные рубежи, зарыл в землю танки, подтянул противотанковую артиллерию и 88-мм зенитные пушки. Сковав врага и не допустив перехода его в контратаку, 55-я танковая бригада преодолела 1,5–2 км и была остановлена, потеряв около 10 танков.

В три часа дня 26 июля 28-й танковый корпус предпринял новую атаку, которая также была отражена противником. В семь часов вечера был нанесен третий удар. Решающую роль в нем должна была сыграть 55-я танковая бригада, которой предстояло овладеть восточными окраинами села Ложки и совхоза «10 лет Октября». Командиру бригады П.П. Лебедеенко было приказано лично возглавить обходный маневр по берегу Дона. Левее наносили удар части 56-й танковой бригады. Задача зайти с тыла и занять западную окраину совхоза «10 лет Октября», в стыке между двумя танковыми бригадами, возлагалась на 32-ю мотострелковую бригаду.

В связи с тем, что пехота опаздывала с подходом, командир 55-й танковой бригады принял решение начать марш, не дожидаясь ее. Танки двинулись сначала вдоль фронта, в некотором отдалении от переднего края, потом стали постепенно сворачивать к северу. Противник обнаружил танковую колонну лишь после того, как она прошла около 4 км. Однако беспорядочный артиллерийский обстрел не причинил особого вреда бригаде, которая ворвалась в расположение врага, вынудив его начать отход. Подразделения 55-й танковой бригады обошли с востока село Ложки и совхоз «10 лет Октября», а затем захватили высоту 174,9, господствовавшую в этом районе. К этому времени противник успел за северными скатами высоты основательно укрепиться и выдвинуть артиллерию. Это вынудило командира 55-й танковой бригады принять решение о переходе к обороне, используя для этой цели батальон 131-й стрелковой дивизии и мотострелковый батальон.

Подводя итоги боевых действий 28-го танкового корпуса за 26 июля, генерал армии С.П. Иванов отмечал: «Мы вынуждены были констатировать, что удары соединения Родина не полностью достигли цели. Главное, как это понимал и Родин, враг сохранил свободу передвижения из села Ложки в свой тыл и продолжал укреплять рубеж Липологовский, Липолебедевский. Мы предполагали, что помощь соседей отвлечет часть гитлеровцев и мы не только возьмем Ложки, но и прорвемся через гряду высот на названном рубеже»²⁹.

На левом фланге 1-й танковой армии наступал 13-й танковый корпус, который силами двух танковых бригад (166-я и 169-я) нанес удар из района Добринки в северном направлении. Третья бригада (163-я) находилась в резерве 62-й армии в районе населенного пункта Остров, расположенного к юго-востоку от Добринки. Овладев населенным пунктом Евсеевский, командир 13-го танкового корпуса направил сначала 166-ю танковую бригаду, а на следующий день и 169-ю в район Манойлина. Между тем приказ командующего 1-й танковой армией требовал, чтобы 13-й танковый корпус наступал на Верхнебузиновку и далее на Клетскую. Несколько продвинулась вперед и 196-я стрелковая дивизия 62-й армии, взаимодействовавшая с войсками 1-й танковой армии. От 21-й армии для участия в контрударе был выделен только один стрелковый полк вместо трех-четырех дивизий. Естественно, что

²⁹ Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 293.

сил одного полка было недостаточно для того, чтобы оказать существенное влияние на ход боевых действий.

Вечером 26 июля на наблюдательный пункт 1-й танковой армии, расположенный на западном берегу Дона, вновь прибыл генерал-полковник А.М. Василевский. Ознакомившись с результатами первых наступательных боев, он уточнил последующую задачу. 27 июля намечалось нанести удары силами 1-й и 4-й танковых армий, соответственно, в северном и западном направлениях на Верхнебузиновку и далее на Клетскую и Перелазовский, чтобы разгромить вражескую группировку, прорвавшуюся на правом фланге 62-й армии³⁰. На 131-ю стрелковую дивизию и 158-ю тяжелую танковую бригаду была возложена задача по очищению от противника высот на западном берегу Дона.

Противник, воспользовавшись тем, что 1-я танковая армия в течение первых дней наступления сражалась, по существу, одна, сосредоточил против нее большую часть своей артиллерии, мотопехоты, танков и авиации. В этой обстановке генерал Москаленко возлагал большие надежды на переход 27 июля в наступление 4-й танковой армии. Однако к четырем часам дня 27 июля из ее состава на западный берег Дона переправились только 17 танков одной из бригад 22-го танкового корпуса. В связи с этим, а также с тем, что 13-й танковый корпус по-прежнему вел бои в районе Манойлина, удар в направлении Верхнебузиновки 1-я танковая армия наносила лишь силами одного, 28-го танкового корпуса. Кроме того, по приказу командующего армией 131-я стрелковая дивизия наступала на север вдоль правого берега Дона.

Наступление 28-го танкового корпуса началось утром 27 июля при слабой артиллерийской и авиационной поддержке. В результате темпы продвижения были невысокими. В течение дня корпусу удалось отбросить на север части прикрытия противника и выйти на рубеж населенных пунктов Липолебедевский, Липологовский. Части 131-й стрелковой дивизии овладели окраиной Голубинского. Однако, не имея перевеса ни в живой силе, ни в технике и огневой мощи, 28-й танковый корпус не смог прорвать оборону главных сил врага, а только продвинулся на 6–7 км.

Невыполнение задачи командиром 13-го танкового корпуса привело к тому, что в целом контрудар наносился по расходящимся направлениям, вопреки замыслу операции, предусматривавшей разгром всей вражеской группировки, прорвавшейся на правом фланге 62-й армии. Положение было исправлено после принятия мер командованием фронта и 1-й танковой армии. В район Манойлина прибыл заместитель командующего 1-й танковой армией генерал-майор танковых войск Е.Г. Пушкин, который и стал с 28 июля руководить действиями 13-го танкового корпуса. В состав последнего была возвращена 163-я танковая бригада, а две другие, сражавшиеся под Манойлином фронтом на северо-запад и запад, выведены из боя. Проведя разведку, части корпуса на рассвете 28 июля атаковали противника в районе Майоровского и установили тесную связь со 184-й, 192-й стрелковыми дивизиями и 40-й танковой бригадой.

Тем временем противник спешно принимал меры для того, чтобы остановить наступление правофланговых частей 1-й танковой армии. С этой целью он ввел в сражение 376-ю пехотную дивизию 8-го армейского корпуса. В связи с тем, что в результате контрудара 1-й танковой армии противнику не удалось с ходу прорваться на Сталинград через Калач, он решил осуществить свой замысел в том же направлении, но с юго-запада, из района Нижнечирской. Ценою тяжелых потерь противник захватил 27 июля Нижнечирскую, Новомаксимовский и Ближнеосиновский и создал угрозу удара на Сталинград с юго-запада.

К этому времени значительно ухудшилась обстановка и на других участках советско-германского фронта. На северо-западе после тяжелых боев в мае – июне была окружена и

³⁰ См.: Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Книга I. 1969. С. 276.

потерпела поражение Волховская группа войск Ленинградского фронта. Войска Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов под ударами группы армий «Юг» и образованных на ее базе групп армий «Б» и «А» отступили на 150–400 км, оставили Донбасс и правый берег Дона. В сложившейся обстановке нарком обороны И.В. Сталин 28 июля подписал приказ № 227, который требовал «безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда»³¹. Этим приказом предписывалось сформировать заградительные отряды и штрафные роты и батальоны³².

31 июля командующему Сталинградским фронтом генералу В.Н. Гордову была направлена директива № 170542 Ставки ВГК, подписанная И.В. Сталиным и генералом А.В. Василевским. Директива требовала немедленно донести Ставке, какие меры в соответствии с приказом № 227 предприняты военными советами фронта и армий по отношению к виновникам отхода, паникерам и трусам.

«В двухдневный срок сформировать за счет лучшего состава прибывших во фронт дальневосточных дивизий заградительные отряды до 200 человек в каждом, – указывалось в этом документе, – которые поставить в непосредственном тылу, и прежде всего за дивизиями 62-й и 64-й армий. Заградительные отряды подчинить военным советам армий через их особые отделы. Во главе заградительных отрядов поставить наиболее опытных в боевом отношении особистов»³³.

Генерал Гордов, выполняя указание Сталина и генерала Василевского, подписал 1 августа приказ № 00162/оп, в котором говорилось:

«...5. Командующим 21, 55, 57, 62, 63, 65-й армиями в двухдневный срок сформировать по пять заградительных отрядов, а командующим 1-й и 4-й танковыми армиями – по три заградительных отряда численностью по 200 человек каждый. Заградительные отряды подчинить Военным советам армий через их Особые отделы. Во главе заградительных отрядов поставить наиболее опытных в боевом отношении особистов. Заградительные отряды укомплектовать лучшими отборными бойцами и командирами из дальневосточных дивизий. Обеспечить заградотряды автотранспортом.

6. В двухдневный срок восстановить в каждой стрелковой дивизии заградительные батальоны, сформированные по директиве Ставки Верховного Главного Командования № 01919. Заградительные батальоны дивизий укомплектовать лучшими достойными бойцами и командирами. Об исполнении донести к 4 августа 1942 г.»³⁴.

К середине октября 1942 г. на Сталинградском фронте было сформировано 16 заградительных отрядов, подчиненных Особым отделам НКВД армий. С 1 августа по 15 октября заградительными отрядами были задержаны 15 649 человек, арестованы 244 человека, расстреляны 278 человек, направлены в штрафные роты 218 человек, в штрафные батальоны – 42, возвращены в свои части и на пересыльные пункты – 14 833 человека³⁵.

В день подписания приказа № 227 Ставка ВГК приказала командующему Сталинградским фронтом переключить главные усилия на юго-западное направление, становившееся наиболее угрожающим. В директиве № 170535, направленной около пяти часов вечера 28 июля генералу Гордову, отмечалось:

³¹ См.: Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 73–75.

³² Подробнее см.: Дайнес В.О. Заградотряды и штрафбаты Красной Армии / Владимир Дайнес. М.: Яуза, Эксмо, 2009

³³ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5–2). С. 336.

³⁴ Цит. по: Пыхалов И. Заградительные отряды: вымысел и реальность (ч. 2) // Альманах «Восток». 2004. № 6 (18). Июнь.

³⁵ См.: Сталинградская эпопея. Впервые публикуемые документы, рассекреченные ФСБ РФ. Воспоминания фельдмаршала Паулюса. Дневники и письма солдат РККА и вермахта. Агентурные донесения. Протоколы допросов. Докладные записки Особых отделов фронтов и армий. М.: «Звонница-МГ», 2000. С. 222–224.

«В связи с отходом 214 сд 64-й армии южнее устья р. Чир за Дон и выходом здесь противника на западный берег Дона направление Нижнечирская, Сталинград в данный момент является для фронта наиболее опасным, а следовательно, и основным. Опасность эта состоит в том, что противник, переправившись через р. Дон, может обойти Сталинград с юга и выйти в тыл Сталинградскому фронту»³⁶.

С учетом этого войскам фронта было приказано, продолжая действия по полному уничтожению противника в районе Верхнебузиновки, не позднее 30 июля активными действиями частей 64-й армии с использованием подошедших в район Калача и южнее 204-й и 321-й стрелковых дивизий и 23-го танкового корпуса разгромить противника, вышедшего южнее Нижнечирской на западный берег р. Дон, и полностью восстановить здесь оборону по Сталинградскому рубежу, отбросив в дальнейшем врага на запад за р. Цимла.

К моменту получения этой директивы командующий Сталинградским фронтом уже принял ряд мер, в основном совпадавших с указанием Ставки ВГК. Главная роль в их осуществлении, однако, была отведена не 64-й армии, как предлагалось в вышеприведенной директиве, а 1-й танковой армии. Генерал Гордов приказал немедленно повернуть часть ее сил на юго-запад и разгромить группировку врага, которая оттуда угрожала выходом на кратчайшее направление к Сталинграду. Для усиления армии в ее состав из 4-й танковой армии передавались 23-й танковый корпус (99-я и 189-я танковые и 9-я мотострелковая бригады; всего 75 танков и 254 активных штыка), 204-я стрелковая дивизия, 397-й и 398-й легкие артиллерийские полки. Однако эти соединения и части находились либо на подходе к Калачу, либо еще дальше. Поэтому до их прибытия в район Суровикино командующий 1-й танковой армией направил туда 163-ю танковую бригаду полковника Н.И. Бернякова, которой предстояло совместно с 229-й стрелковой дивизией 64-й армии задержать противника. После того как 23-й танковый корпус и 204-я стрелковая дивизия прибыли, они также были направлены в намеченный район и введены в сражение на стыке 62-й и 64-й армий.

Таким образом, 1-я танковая армия действовала на двух противоположных направлениях – северном и юго-западном, причем последнее было основным. Оно поглощало все подкрепления, прибывавшие в армию, и, кроме того, отвлекало часть сил от главного направления. В результате не произошло наращивания ее усилий в северном направлении.

С 28 июля в 1-ю танковую армию начали прибывать гвардейские минометные полки (4, 5, 47, 51 и 83-й). Три полка были приданы 23-му и 28-му танковым корпусам, один – 131-й стрелковой дивизии и один оставлен в резерве армии. Кроме того, армия получила 88 танков, в том числе 61 боевую машину из числа отремонтированных на Сталинградском тракторном заводе. Своими силами танкисты возвратили в строй 55 танков, из них 25 Т-34. Для пополнения 56-й танковой бригады, понесшей наибольшие потери, было выделено 49 машин (из них 28 Т-34). 23-й танковый корпус получил 10 боевых машин, в его состав также вошла 20-я мотострелковая бригада.

В четыре часа утра 28 июля в сражение вступила 4-я танковая армия. Она нанесла удар из района Трехостровской и двинулась к Верхнебузиновке с востока. Одновременно в наступление перешел 13-й танковый корпус, который встретил упорное сопротивление врага. Он к этому времени успел закопать в землю 20 тяжелых танков и замаскировать несколько батарей противотанковой артиллерии на западных скатах высот, тянувшихся в 4 км северо-западнее Осиновского. Когда между частями 13-го и 22-го танковых корпусов осталось не более 10 км, встал вопрос о согласовании их дальнейших усилий. Начальник штаба 4-й танковой армии полковник И.И. Шитов-Изотов сообщил в штаб 1-й танковой армии, что 22-й танковый корпус уже получил задачу наступать на Верхнебузиновку по кратчайшему маршруту – через хутор Осиновский и совхоз «Заготскот».

³⁶ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 331.

Командир 13-го танкового корпуса полковник Танасчишин, полагая, что с тыла по противнику вскоре ударят части 22-го танкового корпуса генерала А.А. Шамшина, в течение десяти часов, маневрируя, стремился сковать здесь врага, непрерывно бросавшего в контратаки мотопехоту с танками при поддержке авиации. Убедившись, что 22-й танковый корпус не успевает, командующий 1-й танковой армией решил изменить направление удара 13-го танкового корпуса: наступать не на Осиновский, совхоз «Заготскот», а на Оськинский, находившийся несколько севернее, но тоже на пути к соединению с войсками 4-й танковой армии.

Полковник Т.И. Танасчишин, получив новую задачу, оставил небольшое прикрытие на прежнем направлении, а основными силами с шести часов утра 30 июля перешел в наступление на Оськинский. Одновременно он сообщил в штаб 1-й танковой армии: «Прошу предупредить о движении наших войск командование 22-го танкового корпуса. Мы крайне нуждаемся в боеприпасах и горючем. Доставка автоколонной горючего и боеприпасов не увенчалась успехом, ибо противник отрезал все переходы к району 13-го корпуса с тыла. Прошу обеспечить связь авиацией через 22-й танковый корпус и подбросить горючее и боеприпасы»³⁷.

Удар в направлении Оськинского развивался успешно. Частью разгромив, а частью отбросив заслоны врага, передовой отряд во главе с полковником Танасчишиным в скоротечном бою сломил сопротивление противника и в девять часов вечера 30 июля овладел Оськинским. А с северо-востока сюда вскоре вышли части 22-го танкового корпуса 4-й танковой армии. После этого сильно поредевшие части 13-го танкового корпуса свели в одну 169-ю танковую бригаду, вошедшую в состав 22-го корпуса. Управление 13-го танкового корпуса во главе с полковником Т.И. Танасчишиным было выведено на новое формирование, а генерал-майор Е.Г. Пушкин назначен заместителем командующего по БТ и МВ 4-й танковой армии.

Части 23-го танкового корпуса и стрелковые соединения 1-й танковой армии, ломая сопротивление врага и нанося ему значительный урон, продолжали двигаться вперед. 189-я танковая бригада 23-го танкового корпуса овладела западной окраиной сильно укрепленного опорного пункта Липологовский. В результате создалась угроза полного окружения 14-го танкового корпуса генерала Виттерсгейма. С целью оказания ему помощи командующий 6-й армией генерал Паулюс ввел в сражение свежие силы. Из района Добринки было переброшено 50 танков и до 600 автомашин с пехотой и артиллерией. Кроме того, к Сухановскому двигался батальон пехоты с 30 танками, а в район Майоровского, Сухановского – 20 танков³⁸. Им удалось прорвать внешний фронт 62-й армии и, выйдя в район Добринки, установить контакт с 14-м танковым корпусом. С этого момента бои приняли еще более ожесточенный характер. Авиация противника нанесла массированный бомбовый удар по 189-й танковой бригаде. Она, потеряв 20 танков, сумела все-таки удержать свои позиции.

Контрудар войск Сталинградского фронта поставил под угрозу основные стратегические планы германского командования. «На докладе у фюрера слово было дано генералу Йодлю, – отмечал 30 июля в своем дневнике начальник Генерального штаба Сухопутных войск генерал Ф. Гальдер, – который высокопарно объявил, что судьба Кавказа решится под Сталинградом. Поэтому необходима передача сил из группы армий «А» в группу армий «Б», и это должно произойти как можно дальше к югу от Дона»³⁹. Следовательно, противник,

³⁷ Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 302.

³⁸ См.: Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Книга I. С. 281.

³⁹ Цит. по: Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941—24.09.1942 / Пер. с нем. И. Глаголева; Предисл. и коммент. канд. ист. наук Е. Кулькова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. С. 613–614.

учитывая, что 6-я армия не смогла прорваться через Дон к Волге, планировал осуществить свой замысел ударом 4-й танковой армии на Сталинград с юго-запада.

С 31 июля противник на отдельных направлениях неоднократно переходил в контратаки, но, встречая упорное сопротивление частей 1-й танковой армии, с большими потерями откатывался назад. В то же время не имели успеха и попытки частей 1-й танковой армии прорвать вражескую оборону. Существенную помощь армии оказал 22-й танковый корпус 4-й танковой армии. Он, имея 100 танков, сумел с тяжелыми боями продвинуться до рубежа Евлампиевский, Малонабатовский. «Советские танки отсекали выдвинувшиеся вперед (к Дону. – *Прим. авт.*) войска 14-го танкового корпуса от главных сил 6-й армии, – пишет В. Вертен, – воспретили подвоз пополнений, горючего, боеприпасов и пытались... замкнуть их в кольцо окружения и уничтожить... В донских степях разыгралось классическое танковое сражение, судя по его перипетиям и количеству участвовавших с обеих сторон танков. Хотя русские понесли большие потери, в выигрыше фактически оказались они, так как выиграли время для создания обороны Сталинграда»⁴⁰.

В последующем войска 1-й танковой армии вновь и вновь наносили удары по липологовской группировке врага. Однако уничтожить ее не удалось. Она непрерывно получала подкрепления, а силы 1-й танковой армии, не получавшей пополнения, день ото дня таяли. Более того, часть сил, в том числе единственную вновь прибывшую 254-ю танковую бригаду и три гвардейских минометных полка, пришлось по приказу штаба Сталинградского фронта передать в состав 64-й армии.

Ударная группировка 6-й армии противника, потерпев поражение, была вынуждена перейти к обороне. На Сталинград теперь наступала 4-я танковая армия противника, нанеся удар с юга. Туда и переместился эпицентр сражения. В связи с тем, что командующий Сталинградским фронтом не располагал достаточными резервами для ведения активных действий на двух направлениях, он 5 августа приказал 1-й танковой армии перейти к обороне. К этому времени ее судьба была предreshена. На базе управления армии согласно директиве № 99414 ° (0?) Ставки ВГК от 4 августа предписывалось к 9 августа сформировать управление Юго-Восточного фронта⁴¹.

По директиве Ставки ВГК № 170554 от 5 августа Сталинградский фронт был разделен на два фронта – Сталинградский и Юго-Восточный. В состав первого вошли 63, 21, 62-я и 4-я танковые армии, 28-й танковый корпус, а второго – 64-я, 51-я, 1-я гвардейская, 57-я армии, 13-й танковый корпус⁴². Одновременно командующему войсками Сталинградского фронта была направлена директива № 994145:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказала не позднее 12.00 5.08 передать в распоряжение командующего Юго-Восточным фронтом генерал-полковника Еременко управление 1-й танковой армии с частями обеспечения и учреждениями обслуживания для развертывания на их базе к 6.08.1942 г. управления, частей обеспечения и учреждений обслуживания Юго-Восточного фронта»⁴³.

В ночь на 6 августа в штаб 1-й танковой армии поступило сообщение из штаба фронта: «Генералу Москаленко немедленно передать войска армии генералу А.И. Лопатину и прибыть в город Сталинград к 6.00 6 августа со штабом, управлением и частями армейского подчинения»⁴⁴. Генералу Москаленко предстояло через несколько дней возглавить 1-ю гвардейскую армию.

⁴⁰ Цит. по: Werthen W. Geschichte der 16. Panzer-Division 1939–1945. Bad Nauheim, 1958. S. 100, 198 (Skizzen).

⁴¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 340.

⁴² Там же. С. 342–343.

⁴³ Там же. С. 345.

⁴⁴ Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 310.

На этом боевой путь 1-й танковой армии завершился. Она, если взять за точку отсчета директиву о ее создании от 22 июля 1942 г., просуществовала всего две недели. Естественно, что за столь короткий срок невозможно было надлежащим образом создать полноценную армию, а тем более ожидать от нее каких-либо свершений. В то же время соединения армии, наряду с 4-й танковой армией, внесли свой посильный вклад в осуществление контрудара войск Сталинградского фронта. Позволим себе ознакомить читателя с теми оценками, которые содержатся в отечественной историографии. Они не всегда совпадают, ибо были сделаны людьми, как имевшими отношение к организации контрудара, так и изучавшими его организацию и ход.

Например, хорошо знакомый автору книги участник Великой Отечественной войны военный историк Ф.Н. Утенков писал: «Контрудар не имел успеха главным образом потому, что из танковых соединений не были созданы мощные ударные группировки, больше половины намечавшихся сил не участвовали в контрударе из-за поспешности, вследствие неудовлетворительной организации взаимодействия со стороны штабов армий и фронта удары наносились в разное время, несогласованно. Из документов видно, что контрудары танковых армий начались не 25 и 27 июля... а 27 и 29 июля 1942 года; ведь решение на контрудар было принято только в 20 час. 30 мин. 26 июля 1942 года»⁴⁵. Авторы военно-исторического очерка «Великая победа на Волге» считали ошибочным решение о нанесении фронтового контрудара по группировке противника, прорвавшейся на правом фланге 62-й армии⁴⁶.

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков занял, на наш взгляд, более принципиальную позицию. «26 июля бронетанковые и моторизованные немецкие войска прорвали оборону 62-й армии и вышли в район Каменского, – писал он. – Для противодействия прорыву Ставка приказала немедленно ввести в бой формируемые 1-ю и 4-ю танковые армии, имевшие всего лишь 240 танков и две стрелковые дивизии, которые не смогли остановить, но несколько задержали продвижение врага. Конечно, ввод в бой частей, находящихся в стадии формирования, нельзя признать правильным, но иного выхода в то время у Ставки не было, так как пути на Сталинград прикрывались слабо»⁴⁷.

Маршал Советского Союза К.С. Москаленко, вспоминая о событиях того времени, писал: «Главным результатом контрудара 1-й танковой армии было то, что враг, намеревавшийся без задержки переправиться через Дон и с ходу овладеть Сталинградом, не достиг этой цели. Был сорван также план окружения и уничтожения 62-й и 1-й танковой армий... Вместо наступления немецко-фашистским войскам пришлось перейти к обороне. Более того, их коммуникации были перерезаны, а сами они, понеся огромные потери, оказались перед угрозой окружения»⁴⁸. Он также отмечал, что решение о нанесении контрудара силами двух танковых армий, еще не закончивших формирование и не получивших всех предназначенных для них средств усиления, было оправданным. «... Не может быть и речи об ошибочности принятого в то время решения, – пишет Москаленко. – Тем же, кто видит лишь неготовность к контрудару, хотелось бы напомнить, что эта сторона дела была хорошо известна и принимавшим решение, и выполнявшим его»⁴⁹.

С мнением К.С. Москаленко был полностью согласен маршал А.М. Василевский: «Будучи одним из наиболее ответственных инициаторов этого события, лицом, которое вело все переговоры с Верховным Главнокомандующим по этому вопросу, а также непосред-

⁴⁵ Цит. по: Военно-исторический журнал. 1962. № 9. С. 41.

⁴⁶ См.: Великая победа на Волге. М., 1965. С. 65.

⁴⁷ Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. С. 290.

⁴⁸ Цит. по: Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Книга I. С. 282.

⁴⁹ См.: там же. С. 268.

ственным очевидцем всей серьезности создавшейся обстановки, я считал и считаю, что решение на проведение контрудара даже далеко не полностью готовой к боевым действиям 1-й танковой армии в тех условиях было единственно правильным и что оно, как показал дальнейший ход событий, с учетом контрудара столь же неготовой 4-й танковой армии, в значительной степени себя оправдало. Необходимость контрудара наличными силами 1-й танковой армии вызывалась тем, что противник, прорвав оборону правофланговых дивизий 62-й армии и окружив здесь две наши стрелковые дивизии и танковую бригаду, выходом крупных сил в район Верхнебузиновка, Сухановский создал непосредственную и серьезную угрозу не только переправам через Дон, но и всем войскам 62-й и левого фланга 64-й армий, оборонявшимся в большой излучине Дона. Для ликвидации этой серьезной опасности, нависшей над войсками 62-й армии, требовались немедленные контрмеры. Других войск, кроме 1-й и 4-й танковых армий, не было... Последующие события показали, что благодаря активным действиям и упорному сопротивлению войск Сталинградского фронта в целом главная группировка войск немецкой армии, вместо захвата Сталинграда с ходу, вынуждена была втянуться в затяжные бои на восточном берегу Дона. В связи с этой задержкой в наступлении 6-й немецкой армии немецко-фашистскому командованию пришлось повернуть свою 4-ю танковую армию с кавказского на сталинградское направление»⁵⁰.

Итак, в целом непосредственные участники событий того времени достаточно высоко оценивают результаты контрудара войск Сталинградского фронта. В то же время они не отрицают того, что не удалось разгромить вражескую группировку, рвавшуюся к Калачу. Основными причинами этого являлись: превосходство противника в силах и средствах; абсолютное господство его авиации в воздухе; отсутствие тесного взаимодействия между танками, пехотой и артиллерией, а также надежного авиационного прикрытия; недостаток артиллерии для борьбы с противотанковыми средствами врага; быстрое и резкое изменение обстановки и несвоевременное реагирование на это командующего Сталинградским фронтом; переход в наступление танковых армий в разное время и не всеми силами; действия танковых корпусов изолированно друг от друга; отвлечение части сил 1-й танковой армии для ликвидации угрозы Калачу с юго-запада; медлительность командиров танковых частей и соединений в выполнении боевых приказов; слабая организация разведки противника и местности и др.

⁵⁰ Цит. по: Военно-исторический журнал. 1965. № 10. С. 15.

Третья танковая армия

Третья танковая армия была сформирована второй по счету после 5-й танковой армии. Начало формированию 3-й танковой армии положила директива № 994022 от 25 мая 1942 г., подписанная И.В. Сталиным и генералом А.М. Василевским. В директиве говорилось:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Сформировать 3-ю танковую армию в составе 12-го и 15-го танковых корпусов, 164-й отд. танковой бригады, 154-й стр. дивизии, одного лап РГК пушек УСВ, одного гвардейского минометного полка смешанного типа в составе двух дивизионов М-8 и одного дивизиона М-13, одного зенитного дивизиона. Дислокация управления 3-й танковой армии – г. Тула»⁵¹.

По директиве № 170411 Ставки ВГК от 26 мая из состава 58-й армии в распоряжение командующего 3-й танковой армией передавались управление этой армии и 154-я стрелковая дивизия⁵². Одновременно директивой № 994023 был установлен следующий состав управления 3-й танковой армии: полевое управление; военная прокуратура; военный трибунал; отдельная рота охраны; отдельная штабная авторота; отдельная рота Особого отдела НКВД; отдельный батальон связи; отделение полевой связи наркомата связи; военнопочтовая база; полевая почтовая станция; полевое отделение Госбанка; военторг; управление полевой армейской базы; отдельная рота по обслуживанию армейской базы; полевые армейские артиллерийский склад, два склада ГСМ, военно-технический, интендантский и санитарный склады, склад автобронетанкового имущества; армейский ремонтно-восстановительный батальон; три подвижные ремонтные базы; две эвакуаторные роты; управление сборного пункта аварийных машин; армейские артиллерийская ремонтная мастерская и мастерская по ремонту средств связи; полевой подвижный госпиталь; автосанитарная рота; подвижная санитарная эпидемическая лаборатория; два полевых прачечных отряда; три автотранспортных батальона⁵³.

В Тульском лагере предписывалось сосредоточить 154-ю стрелковую дивизию, в районе Ново-Тульск, Ясная Поляна – 12-й танковый корпус и 164-ю танковую бригаду, в районе восточнее Тулы – 15-й танковый корпус, в Туле – 1172-й легкий артиллерийский полк РГК, 62-й гвардейский минометный полк и отдельный зенитный артиллерийский дивизион⁵⁴.

Командующим 3-й танковой армией, находившейся в резерве Ставки ВГК, был назначен генерал-лейтенант П.Л. Романенко, освобожденный от должности командующего 17-й армией (см. приложение № 3). Он, в отличие от генерала К.С. Москаленко, командовавшего 1-й танковой армией, имел опыт управления механизированными войсками. До начала войны Романенко командовал механизированной бригадой и корпусом. Он был убежденным сторонником идеи массированного применения танков в современной войне, которую отстаивал в декабре 1940 г. на совещании высшего комсостава.

15 августа директивой № 17057 Ставки ВГК генерал Романенко одновременно был назначен и заместителем командующего войсками Западного фронта и на него возлагалось руководство операциями 16-й, 61-й и 3-й танковой армий⁵⁵. Штаб армии 26 мая возглавил полковник М.И. Зинькович, освобожденный от должности заместителя командующего 17-й армией по автобронетанковым войскам. Заместителем командующего 3-й танковой армией

⁵¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 216.

⁵² Там же. С. 220.

⁵³ См.: там же. С. 219.

⁵⁴ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 216–217.

⁵⁵ Там же. С. 362.

15 августа стал генерал-майор Черняховский, освобожденный от обязанностей начальника управления военно-учебных заведений Главного автобронетанкового управления.

В соответствии с директивой № 994092 Ставки ВГК от 3 июля состав 3-й танковой армии был несколько изменен: вместо 164-й танковой бригады она получила 179-ю отдельную танковую бригаду. Этой же директивой приказывалось перебросить танковые части армии по железной дороге в район Ефремова, а мотострелковые бригады и тыловые части, имеющие автотранспорт, должны были следовать своим ходом⁵⁶. Однако уже 6 июля директивой № 994096 район переброски армии был изменен: вместо Ефремова в район станции Выползово, Чернь⁵⁷.

На основании директивы № 103512 Ставки ВГК от 25 июля в состав 3-й танковой армии из Московской зоны обороны дополнительно передавались 119-я и 264-я стрелковые дивизии⁵⁸. 26 июля по распоряжению Ставки ВГК из армии в состав Брянского фронта были переданы 86-я и 96-я танковые бригады⁵⁹.

К 1 августа 1942 г. в состав 3-й танковой армии входили три стрелковые дивизии, два танковых корпуса, отдельная танковая бригада, отдельный мотоциклетный батальон, истребительно-противотанковый артиллерийский, гвардейский минометный полки, отдельный зенитный артиллерийский дивизион и инженерный батальон.

Эти сведения расходятся с данными Д.В. Шеина, который не указывает 119-ю стрелковую дивизию, но говорит о 8-м отдельном мотоциклетном полке.

В исторической литературе встречаются и другие данные. Например, в труде «Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк» приводится следующий состав армии к середине августа 1942 г.: 12, 3 и 15-й танковые корпуса, 1-я гвардейская мотострелковая дивизия, 179-я отдельная танковая бригада, два артиллерийских полка.

Перед командованием 1-й танковой армии была поставлена задача подготовить части и соединения для активных наступательных действий, научить их самостоятельно прорывать оборону противника и развивать достигнутый тактический успех в оперативный. Войска армии, в отличие от 1-й танковой армии, получили возможность заниматься боевой подготовкой в течение двух с половиной месяцев. По огневой подготовке было отработано по 3–4 упражнения (задачи) курсов стрельб. В ходе тактической подготовки мотострелковые и стрелковые подразделения тренировались в совершении маршей на 25 и 50 км, а также марш-бросков на 7 км за 40–45 мин. Основными темами занятий были встречный и оборонительный бои, наступательный бой с прорывом обороны противника, преследование противника и закрепление захваченных рубежей, организация разведки и боевого обеспечения. Все темы отрабатывались с взводом, ротой, батальоном во взаимодействии с пехотой и артиллерией. С командирами и штабами соединений были проведены два занятия на темы: организация подхода к полю боя соединений и частей армии и их сосредоточение для наступления; организация прорыва обороны противника, развитие успеха и действие танковой армии в оперативно-тактической глубине. Одновременно на специальных сборах совершенствовалась подготовка разведывательных подразделений и подразделений связи.

12 августа Ставка ВГК своей директивой № 1036027 приказала перебросить войска 3-й танковой армии по железной дороге в пункты нового назначения: с 12 августа – управление армии, 12-й, 15-й танковые корпуса и 154-ю стрелковую дивизию; с 15 августа – 119-

⁵⁶ Там же. С. 285.

⁵⁷ Там же. С. 290.

⁵⁸ Там же. С. 326.

⁵⁹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1942 год. Т. 2312—2. М.: ТЕРРА, 1999. С. 259–260.

ю и 264-ю стрелковые дивизии⁶⁰. В состав армии были включены 106-я и 195-я танковые бригады. Штаб армии, мотострелковые бригады танковых корпусов, мотострелковые батальоны танковых бригад и другие обеспеченные автотранспортом части должны были своим ходом преодолеть от 120 до 160 км. Армия из резерва Ставки ВГК передавалась в состав Западного фронта, которым командовал генерал-полковник И.С. Конев. Ей предстояло принять участие в Ржевско-Сычевской наступательной операции.

Ржевско-Сычевская наступательная операция (30 июля – 23 августа 1942 г.)

В ходе Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции, проведенной с 8 января по 20 апреля 1942 г., образовался ржевско-вяземский выступ. В германской историографии он именуется как «ржевский выступ», «ржевская дуга», «ржевско-вяземский плацдарм». Его размеры составляли до 160 км в глубину и до 200 км по фронту (у основания). Линия фронта в районе выступа проходила западнее Белого, севернее и восточнее Ржева, западнее Юхнова, восточнее Спас-Деменска. Германское командование придавало особое значение удержанию выступа, рассматривая его как плацдарм для наступления на Москву. Здесь было сосредоточено около 2/3 войск группы армии «Центр» в составе 9-й армии и основных сил 3-й танковой и 4-й армий. Для удержания ржевско-вяземского плацдарма противник с конца декабря 1941 г. стал создавать мощную, глубоко эшелонированную оборону.

Войска Западного и Калининского фронтов, занимавшие охватывающее положение по отношению к ржевско-вяземской группировке противника, создавали постоянную угрозу удара по ее флангам и последующего окружения. С учетом этого Ставка ВГК в своей директиве № 170514 от 16 июля 1942 г. потребовала силами левого крыла Калининского фронта и правого крыла Западного фронта с 28 июля по 5 августа провести операцию с задачей очистить от противника территорию к северу от р. Волга в районе Ржев, Зубцов и территории к востоку от р. Вазуза в районе Зубцов, Карамзино, Погорелое Городище. Им также предстояло овладеть Ржевом и Зубцовом, выйти и прочно закрепиться на реках Волга и Вазуза, обеспечив за собой тет-де-поны⁶¹ в районе Ржева и Зубцова⁶². Это требование легло в основу плана Ржевско-Сычевской наступательной операции, проведенной 30 июля – 23 августа 1942 г. Мы придерживаемся традиционной датировки данной операции, так вызывает сомнение утверждение С.А. Герасимовой, что «1-я Ржевско-Сычевская (Гжатская) наступательная операция» была проведена с 30 июля по 30 сентября 1942 г.⁶³

Генеральный штаб сухопутных войск Германии, как отмечал генерал Ф. Гальдер в своем дневнике 23 июля, предполагал, что советские войска готовят новые удары против группы армий «Центр». Однако до 30 июля он фиксировал, что на фронте ее армий никаких существенных событий не происходит.

Наступление войск 30-й и 29-й армий Калининского фронта началось 30 июля, а 31-й и 20-й армий Западного фронта – 4 августа. Во второй половине августа соединения 30-й и 29-й армий вышли на подступы к Ржеву, но овладеть им не смогли. Дальнейшее развитие Ржевско-Сычевской операции невозможно было без ввода новых подвижных сил. Теперь решающую роль предстояло сыграть 3-й танковой армии. К вечеру 17 августа ее части, следовавшие на автомашинах, сосредоточились скрытно в районах южнее и юго-восточнее Козельска. Этому способствовали передвижение колонн только в ночное время и дождливая погода. Однако сосредоточение частей армии, перемещавшихся по железной дороге, из-

⁶⁰ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 359–360.

⁶¹ Тет-де-пон (от фр. tete – голова и pont – мост) – предмостная позиция, оборонительная позиция, создаваемая для удержания мостовой переправы и обеспечения войскам благоприятных условий для действий на обоих берегах водной преграды.

⁶² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 311.

⁶³ См.: Герасимова С.А. Ржев 42. Позиционная бойня. М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 106.

за несвоевременной подачи платформ и вагонов, плохой подготовки станций погрузки и выгрузки растянулось на десять дней. Воздушная разведка противника сумела обнаружить переброску войск по железной дороге. Генерал Гальдер 30 июля отмечал в своем дневнике: «Обстановка в районе Черни, в полосе 2-й танковой армии, все еще остается неясной. Выявленная здесь [русская] танковая армия может оказаться и новой наступательной группировкой, и простым скоплением войск, сосредоточенных здесь для введения нас в заблуждение»⁶⁴.

Авиация противника неоднократно наносила удары с воздуха по частям 3-й танковой армии, как во время следования по железной дороге, так и на станциях выгрузки. Командование немецкой 2-й танковой армии, наступавшей в направлении Калуги, отдало 20 августа приказ о переходе своих частей к обороне на достигнутых рубежах в связи с появлением у противника большого количества танков.

В районе Козельска в состав 3-й танковой армии были включены 1-я Московская Краснознаменная гвардейская мотострелковая дивизия, 1155-й пушечный артиллерийский полк РГК и 1245-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. В оперативном отношении командующему армией были подчинены 3-й танковый корпус с 342-й стрелковой дивизией и 105-й стрелковой бригадой, 995-й пушечный и 128-й гаубичный артиллерийские полки РГК, 319, 470 и 1264-й зенитные артиллерийские, 34-й и 77-й гвардейские минометные и 702-й легкий артиллерийский полки, а также 5 отдельных дивизионов реактивных установок М-30⁶⁵. Однако все эти части и соединения прибыли в состав армии полностью только к исходу 24 августа.

Всего в 3-й танковой армии насчитывалось 508 танков (271 средний и тяжелый, 237 легких) и 168 бронемашин⁶⁶. По данным Д.В. Шеина, армия имела 436 танков (КВ – 48, Т-34 – 223, Т-60 – 119, Т-70 – 42, Т-30 – 4), а вместе с 3-м танковым корпусом (78 танков) – 514 боевых машин. Армия располагала 227 орудиями, 124 противотанковыми пушками, 15 реактивными установками БМ-8 и 56 – БМ-13, 326 минометами (без 50-мм), 61 зенитным орудием⁶⁷. Автотранспортом она была укомплектована всего на 60 % к штату, имела 2,6 боекомплекта, 5 заправок горючего и 5–8 суточек продовольствия и фуража.

В полосе предстоящего наступления 3-й танковой армии протяженностью 23 км оборонялись части немецкой 11-й танковой дивизии, 26-й и 56-й пехотных дивизий при поддержке 62-го истребительно-противотанкового дивизиона самоходных орудий. Здесь же были сосредоточены части 17-й и 20-й танковых дивизий. Противник создал хорошо укрепленную оборону. Она состояла из узлов сопротивления и опорных пунктов, оборудованных в населенных пунктах и на высотах. При этом широко использовались противотанковые рвы, минные поля и оборонительные сооружения, ранее созданные советскими войсками и не разрушенные при отступлении.

Войскам 3-й танковой армии предстояло нанести удар из района юго-восточнее Козельска в направлении Вейно, Сорокино, Старица с целью во взаимодействии с ударной группировкой 16-й армии Западного фронта окружить и в последующем уничтожить ударную группировку войск противника в районе Колосово, Глинная. По решению генерала Романенко намечалось нанести два удара: первый – силами 154-й стрелковой дивизии и 15-го танкового корпуса в направлении Мызин, р. Вытебеть для овладения районом Перестряж,

⁶⁴ Цит. по: Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941—24.09.1942 / Пер. с нем. И. Глаголева; Предисл. и коммент. канд. ист. наук Е. Кулькова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. С. 613.

⁶⁵ См.: Шейн Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шейн. М.: Яуза, Эксмо, 2009. С. 17.

⁶⁶ См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С. 67.

⁶⁷ См.: Шейн Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шейн. С. 18.

Починок; второй – силами 264-й стрелковой дивизии и 12-го танкового корпуса в направлении Озерна, Сорокино, Обухово с целью занять район Медынцево, Никитское, Старица.

Оперативное построение войск армии было в два эшелона: в первом – 15-й танковый корпус с подчиненной ему 154-й стрелковой дивизией и 12-й танковый корпус с подчиненной ему 264-й стрелковой дивизией; во втором – 1-я Московская Краснознаменная гвардейская мотострелковая дивизия. Второй эшелон армии предусматривалось ввести в сражение после выхода 264-й стрелковой дивизии на меридиан Сорокино для развития наступления на Красногорье и прикрытия действий армии с юга. В резерве находилась 179-я отдельная танковая бригада. На участке прорыва шириной 11 км было сосредоточено 934 орудия, миномета и установки реактивной артиллерии. Действия войск армии поддерживала авиация 1-й воздушной армии.

Наступление было назначено на 19 августа. В связи с тем, что войска армии не успели сосредоточиться в указанном районе, срок перехода в наступление несколько раз переносился. Этим воспользовался противник, авиация которого стала наносить массированные удары по выдвигавшимся эшелонам армии и районам ее сосредоточения. Командиры частей и соединений 3-й танковой армии из-за ограниченного срока подготовки к наступлению не успели полностью отработать на местности все вопросы, связанные с организацией взаимодействия и управления войсками.

21 августа части 3-й танковой армии начали занимать исходное положение для наступления, сменяя стрелковые части 61-й армии.

В 6 часов 15 минут 22 августа после полуторачасовой артиллерийской подготовки и налета бомбардировщиков 1-й воздушной армии 154-я и 264-я стрелковые дивизии перешли в наступление. Артиллерийская подготовка оказалась весьма эффективной: противник начал неорганизованно отступать, бросая оружие, снаряжение и имущество. За первые часы боя обе стрелковые дивизии продвинулись на 3–4 км при незначительном сопротивлении противника. Командующий армией с целью развития успеха решил ввести в сражение танковые корпуса.

В 10 часов части 12-го танкового корпуса генерала С.И. Богданова начали выдвижение из исходного района. Однако противник к этому времени сумел оправиться от внезапности нанесенного удара. Его авиация, господствуя в воздухе, предприняла 500–600 самолето-вылетов для воздействия на боевые порядки стрелковых дивизий и 12-го танкового корпуса. Истребительная авиация 1-й воздушной армии не обеспечила должной поддержки с воздуха 3-й танковой армии. В результате темп продвижения ее войск резко снизился, что позволило противнику закрепиться на промежуточных рубежах и ввести в бой свои вторые эшелоны. Наступление превратилось в медленное кровопролитное «выдавливание» с позиций упорно оборонявшегося противника.

На правом фланге 3-й танковой армии наступал 3-й танковый корпус. Его командир около полудня 22 августа доложил генералу Романенко о захвате Сметских Выселок. В этой связи командующий армией решил немедленно перебросить 15-й танковый корпус генерала В.А. Копцова и 1-ю Московскую Краснознаменную гвардейскую мотострелковую дивизию на правый фланг армии и развивать наступление в направлении Сметские Выселки, Слободка. В два часа дня 17-я мотострелковая бригада, 13-я и 105-я танковые бригады 15-го танкового корпуса перешли в наступление с рубежа восточнее Сметских Выселок. К исходу дня 1-я Московская Краснознаменная гвардейская мотострелковая дивизия вышла к лесу северо-восточнее от Сметских Выселок, а 15-й танковый корпус продвигался в направлении р. Вытебеть. Части 264-й стрелковой дивизии овладели районом Озерна, Госьково, а 12-й танковый корпус передовыми бригадами вышел на рубеж, достигнутый 154-й и 264-й стрелковыми дивизиями.

Генерал Романенко, оценив сложившуюся обстановку, приказал стрелковым дивизиям 23 августа продолжить выполнение ранее поставленных задач. 15-му танковому корпусу и 1-й Московской Краснознаменной гвардейской мотострелковой дивизии предписывалось развивать наступление в направлении Слободки. 12-му танковому корпусу предстояло сосредоточиться в лесу в 3 км к западу от Озеренского и после занятия частями 154-й стрелковой дивизии Бабинково наступать в направлении Дебри.

Однако боевые действия с утра 23 августа приняли затяжной характер. Противник силами до батальона пехоты при поддержке 30–40 танков и авиации неоднократно предпринимал контратаки с целью восстановить утраченное положение. Кроме того, с 24 августа войска армии стали испытывать нехватку артиллерийских снарядов. К этому времени соединения 31-й армии Западного фронта при помощи войск 29-й армии Калининского фронта освободили 23 августа Зубцов, а войска 20-й армии – Карманово. На этом наступательные возможности войск были исчерпаны, и они перешли к обороне.

В ходе Ржевско-Сычевской наступательной операции войска Западного и Калининского фронтов продвинулись на 30–45 км, ликвидировали плацдарм противника на левом берегу Волги в районе Ржева, сковали крупные силы группы армий «Центр» и вынудили противника перебросить в этот район 12 дивизий с других участков советско-германского фронта. При этом Г.К. Жуков был уверен: «Если бы в нашем распоряжении были одна-две армии, можно было бы во взаимодействии с Калининским фронтом не только разгромить ржевскую группировку, но и всю ржевско-вяземскую группу немецких войск и значительно улучшить оперативное положение на всем западном стратегическом направлении. К сожалению, эта реальная возможность Верховным Главнокомандованием была упущена»⁶⁸.

С этим мнением можно согласиться, так как сил для выполнения задач, поставленных войскам Западного и Калининского фронтов, действительно не хватало. Да еще в ходе операции Ставка ВГК изымала из Западного фронта части и соединения. Следует также учесть, что советским войскам пришлось прорывать заблаговременно созданную глубоко эшелонированную и сильно укрепленную оборону. Поэтому и потери войск были значительны. Из 345,1 тыс. человек, привлеченных к операции, в ходе боевых действий были потеряны 193,7 тыс., в том числе почти 51,5 тыс. (14,9 %) – безвозвратно⁶⁹. В ходе ожесточенных боев 16 вражеских дивизий, по оценкам авторов энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945», потеряли 50–80 % личного состава, а в каждой танковой дивизии из 150–160 боевых машин осталось не более 20–30.

* * *

После завершения Ржевско-Сычевской наступательной операции войска 3-й танковой армии принимали участие в контрударе войск Западного фронта против немецкой 2-й танковой армии противника в районе южнее Козельска. Однако наступление войск 3-й танковой армии на широком фронте не принесло успеха. Поэтому генерал П.Л. Романенко около шести часов вечера 25 августа 1942 г. приказал 15-му танковому корпусу повернуть на юг и в 6 часов 26 августа из района 2 км западнее Сметских Выселок во взаимодействии со стрелковым полком 154-й стрелковой дивизии нанести удар на Сорокино с северо-запада. 12-й танковый корпус должен был в 4 часа 30 минут перейти в наступление на Бабинково, Богдановка, а в дальнейшем во взаимодействии с 15-м танковым корпусом наступать на Сорокино.

Выполняя поставленные задачи, 3-й танковый корпус к исходу дня 26 августа форсировал р. Вытебеть и занял Белый Камень. 1-я Московская Краснознаменная гвардейская

⁶⁸ Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 2. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. С. 294.

⁶⁹ См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 312.

мотострелковая дивизия овладела Сметскими Выселками. Частям 15-го танкового корпуса и 154-й стрелковой дивизии не удалось захватить Сорокино. Не увенчалось успехом и наступление 12-го танкового корпуса в направлении Бабинково, Богдановка.

К этому времени осложнилась обстановка на левом фланге армии, где противник силами до полка пехоты при поддержке 40–50 танков предпринял атаку в направлении Госьково. С целью не допустить прорыва противника на этом направлении генерал Романенко решил к утру 27 августа сосредоточить основные силы 15-го танкового корпуса в районе Новогрынь с задачей быть готовыми к контратакам в направлении Грынь, Железница. Однако вечером 27 августа корпусу ставится новая задача: в ночь на 28 августа осуществить перегруппировку на левый фланг армии в район Паком для наступления на Леоново, Блиновский во взаимодействии с 12-й гвардейской и 149-й стрелковыми дивизиями 61-й армии. Корпусу предстояло занять рубеж Симоновский, Блиновский и в дальнейшем наступать на Уколицы.

К 4 часам утра 28 августа части 15-го танкового корпуса сосредоточились в районе Паком. В половине шестого вечера они перешли в наступление, но на подходе к Леонову натолкнулись на широкий и глубокий противотанковый ров и минные поля, прикрытые огнем противотанковых орудий и тяжелой артиллерии противника. В течение ночи отдельные группы танков и пехоты разминировали проходы и преодолели противотанковый ров и в 6 часов утра 29 августа возобновили атаку, но через 150 м встретили второй такой же ров и минные поля. Все попытки разминировать проходы и преодолеть ров успеха не имели. Поэтому в десять часов вечера командующий армией приказал отвести 15-й танковый корпус в район Озерна, Грынь и начать подготовку к наступлению в 12 часов 30 августа на Сорокино.

Столь же неуспешно действовал и 12-й танковый корпус, наступавший на Мызин, Бабинково, Богдановку. Его мотопехота понесла большие потери и не была в состоянии закрепить достигнутый танковыми подразделениями успех. Поэтому с утра 29 августа корпус перешел к обороне севернее Мызина. Не имела продвижения в направлении Широкий, Сорокино и 264-я стрелковая дивизия, поддержанная 179-й отдельной танковой бригадой. Безуспешными были действия 154-й стрелковой дивизии северо-восточнее Мызина. Части 3-го танкового корпуса и 1-й Московской Краснознаменной гвардейской мотострелковой дивизии сумели занять Мушкань.

Командующий Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков, учитывая неудачные действия 3-й танковой армии в направлении Вейно, Старица решил перенацелить ее на новое направление – Ожигово, Перестряж, Речица. По решению командующего армией предусматривалось перебросить на правый фланг армии 15-й танковый корпус и 264-ю стрелковую дивизию. Этой дивизии предстояло захватить переправы через р. Вытебеть и обеспечить ее форсирование 15-м танковым корпусом. К началу наступления боевой состав 3-й танковой армии по сравнению с 1 августа несколько изменился. Она дополнительно получила отдельный мотоциклетный батальон, два армейских артиллерийских, гаубичный артиллерийский, пушечный артиллерийский, истребительно-противотанковый артиллерийский, два гвардейских минометных, 4 зенитных артиллерийских полка, два отдельных тяжелых минометных и один зенитный артиллерийский дивизионы.

Атака была запланирована на 15 часов 45 минут 2 сентября. Но из-за несвоевременной смены 264-й стрелковой дивизии частями 61-й армии дивизия не смогла вовремя прибыть в исходный район для наступления. Несмотря на это, командир 15-го танкового корпуса приказал 17-й мотострелковой бригаде форсировать Вытебеть и атаковать Ожигово.

К 22 часам 30 минутам 2 сентября части 17-й мотострелковой бригады форсировали Вытебеть и завязали бой за Ожигово. В ночь на 3 сентября к реке подошли передовые части 264-й стрелковой дивизии. Около полудня на западный берег Вытебети были переправлены

основные силы 195-й танковой бригады 15-го танкового корпуса и два полка 264-й стрелковой дивизии. К часу ночи 4 сентября части 15-го танкового корпуса и 264-й стрелковой дивизии заняли Ожигово, но их наступление на Перестряж успеха не имело. 5 сентября войскам 3-й танковой армии было приказано перейти к обороне.

В ходе трех недель кровопролитных боев войска армии сумели продвинуться всего на 6–8 км на 20-километровом фронте и освободить 11 населенных пунктов. Они, насчитывая к 21 августа почти 61 тыс. человек, потеряли около 26,4 тыс. (43,3 %), в том числе убитыми 5210 человек (без учета 3-го танкового корпуса, 342-й стрелковой дивизии и 105-й стрелковой бригады). При этом 154-я стрелковая дивизия потеряла 52 % личного состава, 264-я стрелковая дивизия – свыше 60 %, 13-я мотострелковая бригада 12-го танкового корпуса – 45 %, а 17-я мотострелковая бригада 15-го танкового корпуса – 54 % личного состава. Армия потеряла 224 танка, в том числе 117 безвозвратно⁷⁰.

Ставка ВГК, принимая во внимание столь большие потери, 9 сентября своей директивой № 170606 приказала командующему Западным фронтом вывести 3-ю танковую армию в резерв Ставки в район Калуги⁷¹. Позже, 22 сентября, последовало изменение в руководстве армией. По директиве № 994202 Ставки ВГК генерал-лейтенант П.Л. Романенко был назначен заместителем командующего Брянским фронтом и командующим 5-й танковой армией. 3-ю танковую армию возглавил генерал-майор П.С. Рыбалко, освобожденный от должности командующего 5-й танковой армией⁷², а его заместителем стал генерал-майор А.П. Панфилов, являвшийся ранее заместителем командующего 5-й танковой армией.

Генерал П.С. Рыбалко, как и генерал К.С. Москаленко, не был танкистом по образованию (см. приложение № 3). В войну вступил в мае 1942 г. заместителем командующего 5-й танковой армией. Теперь ему, не имевшему опыта командования ни корпусом, ни тем более армией, было поручено руководить танковым объединением. Несмотря на это, он быстро освоился с новой должностью. Подтверждением тому служит характеристика, которую 6 января 1943 г. дали ему представители Ставки ВГК генералы армии Г.К. Жуков и А.М. Василевский в телеграмме на имя И.В. Сталина: «Лично о Рыбалко можно сказать следующее: человек он подготовленный и в обстановке разбирается неплохо»⁷³.

Из состава 3-й танковой армии на основании директивы № 994203 Ставки ВГК от 22 сентября 1942 г. в 5-ю танковую армию передавались 154-я стрелковая дивизия, 105-я танковая бригада и мотоциклетный полк⁷⁴. На следующий день Ставка директивой № 994204 приказала сосредоточить: управление 3-й танковой армии и армейские части в районе Никольского (10 км южнее Калуги); 12-й, 15-й танковые корпуса и 179-ю танковую бригаду – в лесах южнее Калуги; 264-ю стрелковую дивизию – в районе Сладнево, Тихонова Пустынь, Горянск. Командующему войсками Московского военного округа предписывалось доукомплектовать армию к 5 октября личным составом, лошадьми, оружием, транспортом и имуществом⁷⁵.

Под руководством генерала П.С. Рыбалко была развернута работа по доукомплектованию армии, обучению и боевому слаживанию подразделений и частей с учетом накопленного к тому времени опыта. Во главу угла был взят приказ № 325, подписанный 16 октября 1942 г. наркомом обороны И.В. Сталиным (см. приложение № 5). В нем был обобщен опыт использования бронетанковых и механизированных войск в первом периоде Великой

⁷⁰ См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 34.

⁷¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 389.

⁷² 19 января 1943 г. П.С. Рыбалко было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта танковых войск.

⁷³ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 271.

⁷⁴ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 395.

⁷⁵ См.: там же. С. 396.

Отечественной войны и даны принципиальные установки об их тактическом и оперативном применении. Кроме того, 1 и 2 октября в штабе 3-й танковой армии состоялся разбор ранее проведенных операций⁷⁶. В ходе разбора были выделены следующие недостатки в действиях войск: ведение пехотой наступления в скученных боевых порядках, что приводило к большим потерям от огня противника; перемешивание подразделений и частей, что влекло за собой потерю управления; отсутствие огневой связи между стрелковыми и танковыми подразделениями; слабая организация взаимодействия между пехотой и танками; неумение использовать танковые соединения массированно; движение танков в атаку на небольшой скорости; неумение вести из танков огонь с ходу, организовать разведку и эффективно использовать радиосвязь. В этой связи генерал Рыбалко в качестве основных задач боевой подготовки выделил следующие: отработка наступательного боя, особенно в зимних условиях; самостоятельный прорыв обороны противника и развития успеха в оперативно-тактической глубине; обучение танкистов стрельбе с ходу и маневрированию на поле боя. Командарм требовал воспитывать экипажи в духе дерзости, решительности, атаке на больших скоростях.

На боевую подготовку отводилось по 12–14 часов в сутки. В тактической подготовке основными темами являлись: встречный бой, наступательный бой с прорывом обороны противника и развитие успеха, закрепление захваченных рубежей, оборонительный бой, организация разведки и боевого охранения, борьба с танками противника. Все темы отрабатывались в составе взвод, рота, батальон и завершались тактическими учениями стрелковой дивизии во взаимодействии с танковой бригадой. С командным и начальствующим составом было проведено учение на тему «Ввод танковой армии в прорыв и ее действия в оперативно-тактической глубине и организация боя за крупный населенный пункт». Кроме того, состоялись две военные игры на картах со штабами соединений и частей, а также четыре штабных радиоучения. По огневой подготовке в стрелковых дивизиях, мотострелковых и танковых бригадах было отработано по 3–4 упражнения курса стрельб.

С 22 декабря 1942 г. по 5 января 1943 г. была осуществлена переброска войск 3-й танковой армии по железной дороге на расстояние 750 км. Разгрузка эшелонов осуществлялась на станциях Таловая, Бутурлиновка, Калач. Средний темп переброски составлял всего 50 км в сутки. Это было обусловлено запущенностью станционного хозяйства недавно отбитых у противника станций, несвоевременной подачей эшелонов, запозданием частей с подходом к станциям погрузки, отсутствием достаточного опыта у ряда командиров в организации погрузки боевой техники. При выгрузке эшелоны подвергались бомбардировке со стороны авиации противника. В результате погибли 38 человек, в том числе командир 12-го танкового корпуса полковник М.И. Чесноков.

Со станций выгрузки соединения армии совершали марш своим ходом в район Кантемировки. Марш осуществлялся в тяжелых условиях на расстояние около 200 км почти без технической помощи, так как основные ремонтные средства еще находились в пути по железной дороге. Танкам пришлось двигаться по пересеченной местности по тяжелым, заснеженным дорогам или почти по бездорожью в сильный мороз. Кроме того, значительная часть боевых машин уже имела значительный расход моторесурсов – от 50 до 110 моточасов. В результате технические потери составили 110 танков.

В новом районе в состав армии были дополнительно включены 180-я, 184-я стрелковые и 8-я артиллерийская дивизии, 37-я отдельная стрелковая бригада, 173-я отдельная танковая и 15-я гвардейская минометная бригады, 95-й гвардейский минометный полк, 46-й и 47-й отдельные инженерные батальоны. В армии к 14 января 1943 г. насчитывалось 306 танков.

⁷⁶ См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 20. С. 35–36.

По другим данным армия имела 493 танка, из которых в назначенный район исправным прибыл только 371 танк⁷⁷. В армии имелось в среднем около 1,5 боекомплекта боеприпасов, около 1,5 заправки дизтоплива, от 2 до 5 суточах продовольствия и фуража⁷⁸.

Войскам 3-й танковой армии предстояло в составе Воронежского фронта принять участие в Острогожско-Россошанской наступательной операции.

Острогожско-Россошанская наступательная операция (13–27 января 1943 г.)

Контрнаступление советских войск под Сталинградом, начатое 19 ноября 1942 г., решительным образом изменило стратегическую обстановку на советско-германском фронте в пользу Красной Армии. В этих условиях Ставка ВГК решила, максимально используя успех контрнаступления, развернуть общее наступление от Ленинграда до Кавказа. Не распыляя сил, как это имело место зимой 1941/42 г., Ставка сосредоточила основные усилия на юго-западном направлении, то есть там, где противнику было нанесено особенно ощутимое поражение и где ожидалось менее упорное его сопротивление. Здесь планировалось силами Брянского, Воронежского, Юго-Западного, Южного и Закавказского фронтов разгромить войска групп армий «Б», «Дон» и «А», освободить Харьковский промышленный район, Донецкий бассейн и Северный Кавказ. Одновременно войскам Донского фронта было приказано ликвидировать окруженную под Сталинградом вражескую группировку. Активные действия намечались и на других участках фронта. В январе 1943 г. планировалась наступательная операция по прорыву блокады Ленинграда. На северо-западном и западном направлениях очередную попытку разгрома демянской и ржевско-вяземской группировок противника должны были предпринять армии Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов.

На начало января 1943 г. действующие фронты Красной Армии насчитывали около 370 стрелковых дивизий и около 160 бригад, 19 танковых и механизированных корпусов. В резерве Ставки находилось всего 14 стрелковых и воздушно-десантных дивизий, 3 танковых и 4 авиационных корпуса. Противник имел на советско-германском фронте немногим более 260 дивизий, в том числе 208 немецких, остальные – финские, венгерские, румынские, итальянские, словацкие и одна испанская⁷⁹. Германское командование намеревалось задержать наступление Красной Армии на юго-западном направлении. Угроза выхода армий Южного фронта в тыл кавказской группировке заставила врага оставить часть захваченной территории в расчете на удержание Донбасса и части Северного Кавказа. Основные силы противоборствовавших сторон действовали на южном участке фронта – от Долгорукова до Новороссийска.

На воронежском и харьковском направлениях силами войск Воронежского, левого крыла (13-я армия) Брянского и правого крыла (6-я армия) Юго-Западного фронтов с 13 января по 3 марта 1943 г. была проведена Воронежско-Харьковская стратегическая наступательная операция в целях разгрома основных сил группы армий «Б», расширения фронта стратегического наступления и освобождения Харьковского промышленного района. Операция включала Острогожско-Россошанскую, Воронежско-Касторненскую и Харьковскую фронтовые наступательные операции.

Острогожско-Россошанская операция проводилась в целях разгрома основных сил группы армий «Б» (командующий – генерал-полковник М. Вейхс) и созданий условий для последующего наступления на харьковском направлении. В состав группы армий «Б» вхо-

⁷⁷ См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С. 104.

⁷⁸ Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 65.

⁷⁹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 7.

дили итальянская 8-я, венгерская 2-я армии и корпусная группа «Крамер» – всего около 270 тыс. человек, 2,6 тыс. орудий и минометов, более 300 танков и штурмовых орудий. С воздуха ее поддерживала авиация командования ВВС «Дон», а также часть сил 4-го воздушного флота и командования ВВС «Восток» – всего до 300 самолетов. Оборона противника носила очаговый характер и была развита в инженерном отношении лишь в тактической зоне. В оперативной глубине заблаговременно подготовленные рубежи отсутствовали.

К проведению операции привлекались главные силы Воронежского фронта (40-я, 3-я танковая, 2-я воздушная армии, 18-й отдельный стрелковый и 7-й кавалерийский корпуса) и 6-я армия Юго-Западного фронта. Они занимали оборону по левому берегу р. Дон от Костенков до Новой Калитвы, далее на юг восточнее Михайловки, восточнее Тишкова, удерживая на правом берегу, в районах 1-е Сторожевое и Щучье, два небольших плацдарма. Всего войска, участвовавшие в операции, насчитывали около 200 тыс. человек, до 3 тыс. орудий и минометов, 909 танков и 208 самолетов. Они уступали противнику в 1,3 раза по живой силе и в 1,5 раза по авиации, имели почти равное с ним количество орудий и минометов и в 3 раза больше танков. В результате решительного массирования сил и средств на направлениях главных ударов удалось создать превосходство над противником по пехоте в 2,3–3,7 раза, по танкам – в 1,3–3 и по артиллерии – в 4,5–8 раз.

По замыслу Острогожско-Россошанской операции предусматривалось нанесение трех ударов по сходящимся направлениям. Главные удары наносили: по центру группы армий «Б» (венгерская 2-я армия) со сторожевского плацдарма – 40-я армия; по центру итальянской 8-й армии из района южнее Новой Калитвы – 3-я танковая армия. Она должна была прорвать оборону противника и главными силами развить успех в северо-западном направлении. К исходу четвертого дня наступления армии предстояло выйти на рубеж Каменка, Алексеевка, соединиться с 40-й армией и 18-м отдельным стрелковым корпусом и окружить остроогожско-россошанскую группировку противника. Для быстрейшей ликвидации окруженной группировки противника 18-й отдельный стрелковый корпус наносил рассекающий удар с щучьинского плацдарма в общем направлении на Карпенково. С целью связать противника в районе Воронежа войска 60-й армии должны были нанести отвлекающий удар с плацдарма из района Сторожевое-1 на север в направлении Борисово, Гремячье.

Действия войск Воронежского фронта (командующий – генерал-лейтенант Ф.И. Голиков) с юга обеспечивала 6-я армия Юго-Западного фронта, наступавшая из района юго-западнее Кантемировки в общем направлении на Покровское (125 км западнее Кантемировки). Одновременно с окружением противника часть сил 40-й армии и 7-й кавалерийский корпус, усиленный 201-й отдельной танковой бригадой, должны были выдвинуться к р. Оскол и образовать внешний фронт окружения.

Оперативное построение войск Воронежского фронта и 6-й армии было в один эшелон с выделением резервов. Оперативное построение всех трех ударных группировок было двухэшелонным. По решению командующего 3-й танковой армией генерала П.С. Рыбалко в первый эшелон были включены 37-я отдельная стрелковая бригада, 48-я гвардейская, 180-я и 184-я стрелковые дивизии, 97-я танковая бригада 12-го танкового корпуса, 173-я и 179-я отдельные танковые бригады. Их действия поддерживала артиллерийская группа в составе 39, 389 и 390-го отдельных гвардейских минометных дивизионов, 62-го гвардейского минометного полка, 135, 265 и 306-го гаубичных артиллерийских полков. Во втором эшелоне (эшелон развития прорыва) находились: 15-й танковый корпус (без двух танковых бригад) с приданными ему 368-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком и 47-м отдельным инженерным батальоном; 12-й танковый корпус с приданными ему 1172-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком и 46-м отдельным инженерным батальоном. Резерв командарма составляли 111-я стрелковая дивизия, 113-я и 195-я танковые бригады 15-го танкового корпуса, прибытие которых задерживалось.

При подготовке к операции особое внимание было уделено огневому обеспечению войск. На участках прорыва плотность артиллерии составляла в 40-й армии 150–170 стволов на 1 км фронта, а в полосе 18-го стрелкового корпуса и 3-й танковой армии – по 120–130 стволов⁸⁰. По данным Д.В. Шеина, на участке прорыва 3-й танковой армии шириной 16 км было сосредоточено 556 минометов (без 50-мм минометов), 682 орудия и 287 реактивных установок, что в среднем составляло 77,3 орудия и миномета на 1 км фронта.

Темп операции планировался в 17–20 км в сутки для стрелковых и 40–50 км в сутки для танковых частей. Ввод эшелона развития прорыва в сражение предусматривался после прорыва обороны противника соединениями первого эшелона на глубину 3 км.

В ходе подготовки к операции была разработана и проведена в жизнь система мер по маскировке и сохранению в тайне всех перегруппировок войск, по дезинформации противника и организации управления войсками. С этой целью по распоряжению штаба Воронежского фронта 40-я армия должна была в период с 7 по 20 декабря 1942 г. демонстрировать сосредоточение войск и подготовку к переходу в наступление со сторожевого плацдарма в направлении Коротояка и из района железнодорожной станции Свобода. Последующие события показали, что противник действительно был введен в заблуждение.

Особенностью Острогожско-Россошанской операции являлось то, что вместо метода последовательного выполнения задач (прорыв обороны – окружение противника – дробление окруженной группировки на части – уничтожение ее по частям) планировалось окружение и уничтожение противника как одновременное действие. При этом уничтожение намечалось проводить, не дожидаясь полного окружения и создания внешнего фронта. Другой особенностью операции было то, что основные ударные группировки войск Воронежского фронта действовали в совершенно разных условиях. Войскам 40-й армии в начале операции предстояло совершить фронтальный прорыв хорошо развитой обороны противника. Перед соединениями 3-й танковой армии находился противник, поспешно перешедший к обороне. По сути дела, здесь создались условия для стремительного наступления на Россошь и Алексеевку. «Общим же для всех трех наших ударных группировок являлось то, что на первом этапе операции они действовали на узком фронте, – вспоминал генерал армии М.И. Казаков. – 40-я армия прорывала оборону противника с плацдарма в 13 километров. 18-й стрелковый корпус имел фронт прорыва восемь километров. А 3-я танковая армия наносила удар с рубежа в 12–13 километров. При этом каждая из группировок была отделена от другой значительным расстоянием: участок прорыва 18-го стрелкового корпуса находился в 50 километрах от участка прорыва 40-й армии и в 130 километрах от района действий 3-й танковой армии»⁸¹.

4 января 1943 г. уполномоченный Ставки ВГК генерал-полковник М.С. Хозин вручил генералу П.С. Рыбалко карту с нанесенной на ней боевой задачей армии. Она вводилась в сражение в полосе 6-й армии Юго-Западного фронта с целью ударом «...в общем направлении через Россошь, Ольховатка на Алексеевка и в северном направлении на Каменка, Татарино во взаимодействии с частями 40-й и 6-й армий окружить и уничтожить Россошанско-Павловско-Алексеевскую группировку противника, освободить железные дороги Лиски – Кантемировка, Лиски – Валуйки»⁸².

6 января представители Ставки ВГК генералы армии Г.К. Жуков и А.М. Василевский прибыли в 3-ю танковую армию. Они провели совещание и инструктаж с командирами соединений. В результате выяснилось, что возникли проблемы с переброской по железной

⁸⁰ См.: Казаков М.И. Над картой былых сражений. М.: Воениздат, 1971. С. 148. Маршал Советского Союза К.С. Москаленко, командовавший в то время 40-й армией, отмечал, что плотность артиллерии составляла 108 орудий и минометов на 1 км фронта.

⁸¹ Цит. по: Казаков М.И. Над картой былых сражений. С. 145.

⁸² Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 66.

дороге транспортов с боеприпасами, горючим и войск. После выгрузки частям предстояло совершить марш в намеченные районы сосредоточения, на что требовалось от 4 до 6 суток.

7 января генералы Жуков и Василевский докладывали в Ставку ВГК:

«1. Сегодня закончили по всем направлениям отработку с командармами, командирами корпусов, дивизий и бригад всех оперативно-тактических решений и плана действий. Лучше других и наиболее грамотно оказались отработанными решения и план действий у товарища Москаленко⁸³. В худшую сторону выделяется щучьинское направление – корпус Зыкова⁸⁴. По действиям армии Рыбалко – пришлось направление главного удара сместить западнее жд Кантемировка – Россошь, чтобы не преодолевать танками полотна жд и избежать здесь подготовленных отсечных позиций противника, подготовленных вдоль жд.

2. Действия Рыбалко увязаны с действиями Харитонов⁸⁵ и корпуса Зыкова. По увязке действий с Харитоновым договорились с тов. Ватутиным⁸⁶, что Харитонов начнет одновременно с Рыбалко действия, нанося главный удар правым флангом армии с ближайшей задачей выйти на р. Айдар; в дальнейшем тов. Харитонов обязан действовать левее 7 кк, выдвинуться и обеспечить за собой жд Уразово – Старобельск. 7 кк с лыжными бригадами поставлена задача захватить Валуйки и Уразово и обеспечить за собой эти жд узлы.

3. Главные силы 3 ТА обязаны захватить Алексеевку, отрезать пути отхода противнику и обеспечить себя с запада, соединившись в районе Алексеевка, Острогожск с подвижными войсками 40 А и тем завершить окружение войск противника в известном Вам районе...»⁸⁷

В докладе также отмечалось, что сосредоточение войск идет исключительно плохо: от 4-й минометной дивизии до сих пор не прибыло ни одного эшелона; от 3-й танковой армии в пути все еще находится 15 эшелонов; от 7-го кавалерийского корпуса еще не прибыло 10 эшелонов; из трех стрелковых дивизий, данных фронту на усиление, прибыло всего лишь 5 эшелонов. Еще хуже осуществляется подача боеприпасов и горючего. Поэтому представители Ставки считали необходимым перенести начало наступления на два дня. В результате оно было назначено на 12 января 1943 г.

В ночь на 8 января войска 6-й армии были сменены частями 37-й отдельной стрелковой бригады, 48-й гвардейской, 180-й и 184-й стрелковых дивизий 3-й танковой армии. В тот же день стрелковые батальоны соединений первого эшелона провели разведку боем с целью уточнения переднего края обороны противника и выявления системы его огня. Одновременно командный состав провел рекогносцировку и непосредственно на местности отработал вопросы взаимодействия родов войск.

10 января командующий 3-й танковой армией поставил войскам следующие задачи⁸⁸.

37-я отдельная стрелковая бригада должна была наступать на правом фланге армии, на участке от Валентиновки до Пасеково, имея ближайшей задачей овладеть районом Солонцы. После чего подчинить себе 173-ю отдельную танковую бригаду и к исходу дня занять Митрофановку.

180-я стрелковая дивизия при поддержке 173-й отдельной танковой бригады, 265-го гаубичного артиллерийского полка, 386-го и 390-го отдельных гвардейских минометных дивизионов прорывала оборону противника в районе Пасеково. Затем ей предстояло пропустить через свои боевые порядки части 12-го танкового корпуса и, используя его продвижение, развивать наступление в направлении Михайловка, Софиевка, имея ближайшей задачей

⁸³ Генерал К.С. Москаленко – командующий 40-й армией.

⁸⁴ Генерал П.М. Зыков – командир 18-го отдельного стрелкового корпуса.

⁸⁵ Генерал Ф.М. Харитонов – командующий 61-й армией.

⁸⁶ Генерал-полковник Н.Ф. Ватутин – командующий войсками Юго-Западного фронта.

⁸⁷ Цит. по: Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Книга I. С. 385.

⁸⁸ См.: Шейн Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шейн. С. 68–70.

выйти к северной окраине Михайловки, а к исходу первого дня операции занять Васильевку и Софиевку.

Левее 180-й стрелковой дивизии наступала 48-я гвардейская стрелковая дивизия при поддержке 97-й танковой бригады 12-го танкового корпуса, 1172-го истребительно-противотанкового артиллерийского, 206-го гаубичного артиллерийского и 62-го гвардейского минометного полков. Дивизии предстояло после прорыва обороны противника, не снижая темпа наступления, пропустить через свои боевые порядки части 12-го и 15-го танковых корпусов и, используя их продвижение, развить наступление в направлении на Шрамовку, Владимировку, захватить Шрамовку и Еленовку. При подходе частей дивизии к району Златополь, Михайловка 97-я танковая бригада возвращалась в распоряжение командира 12-го танкового корпуса.

На левом фланге армии в направлении на Куликовку наступала 184-я стрелковая дивизия при поддержке 179-й отдельной танковой бригады и 138-го гаубичного артиллерийского полка. Она должна была пропустить через свои боевые порядки части 15-го танкового корпуса и, используя его продвижение, овладеть рубежом Златополь, Куликовка.

12-й танковый корпус при поддержке 1172-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, 46-го отдельного инженерного батальона и 319-го полка ПВО вводился в прорыв на участках 180-й и 48-й гвардейской стрелковых дивизий у Пасеково. Ему предписывалось развивать прорыв в общем направлении Михайловка, Шрамовка, Лизинówka, Ольховатка, по достижении Шрамовки выделить танковую и мотострелковую бригады для действий в направлении Софиевка, Россошь, Гончаровка. К исходу первого дня операции левой группе корпуса приказывалось выйти в район Лизинówka, Чагары, а правой группе – занять Россошь.

15-й танковый корпус при поддержке 265-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, 47-го отдельного инженерного батальона и 71-го полка ПВО вводился в прорыв на участках 184-й и 48-й гвардейской стрелковых дивизий. Он должен был развивать наступление в общем направлении Куликовка, Еленовка, Новоселково, Неровновка и к исходу первого дня операции выйти в район Новоселково, Александровка.

В полосе предстоящего наступления 3-й танковой армии оборонялись 543-й пехотный полк 387-й пехотной дивизии, остатки 114-го пехотного полка, 15-й и 3-й полицейские полки СС, полк «Великая Германия». Кроме того, предполагалось сосредоточение частей 130-й пехотной дивизии в Митрофановке, 168-й и неустановленной пехотной дивизии – в Россоши. Оборона противника представляла собой систему опорных пунктов, оборудованных окопами полного профиля и блиндажами. В населенных пунктах дома были приспособлены под огневые точки. На направлениях вероятного наступления советских войск были установлены минные поля.

Перед началом операции 12 января в полосе 40-й армии была проведена разведка боем силами передовых отрядов, которые вклинились в оборону противника на 6 км по фронту и более чем на 3 км в глубину. На рассвете 13 января после мощной артиллерийской подготовки войска первого эшелона армии перешли в наступление и к 14 ноября осуществили прорыв тактической зоны обороны противника, создав благоприятные условия для активных действий войск левого фланга 60-й армии.

Как же развивались события в полосе 3-й танковой армии?

Задержка сосредоточения войск 3-й танковой армии и артиллерии РГК, отсутствие требуемых для ведения наступления запасов боеприпасов, горючего и продовольствия привели к переносу начала наступления на утро 14 января. Из-за сильного тумана (видимость ограничивалась 5—10 метрами) командующий армией генерал Рыбалко вынужден был перенести начало артиллерийской подготовки с 8 часов на 10 часов 45 минут.

После артиллерийской подготовки, продолжавшейся полтора часа, стрелковые соединения 3-й танковой армии при поддержке 173-й и 179-й отдельных танковых бригад перешли в атаку. Противник, невзирая на понесенные в ходе артиллерийской подготовки потери, оказал упорное сопротивление. В результате продвижение стрелковых частей было медленным. Поэтому около трех часов дня генерал Рыбалко принял решение ввести в сражение эшелон развития прорыва. Это позволило сломить сопротивление врага, который начал поспешно отходить в северном и северо-западном направлениях. К исходу дня 14 января 12-й танковый корпус под командованием полковника М.И. Зиньковича продвинулся до 18 км и овладел Шрамовкой, а 15-й танковый корпус генерала В.А. Копцова, преодолев 20 км, занял Жилино, где разгромил штабы 24-го танкового корпуса, 385-й и 387-й пехотных дивизий и двух полков СС. С выходом на этот рубеж корпуса вынуждены были остановиться, так как в баках танков не осталось горючего.

В ночь на 15 января продолжала наступать только 106-я танковая бригада (16 танков) 12-го танкового корпуса под командованием полковника И.Е. Алексеева. Обходя узлы сопротивления, она на рассвете ворвалась в Россось и освободила город. Однако в середине дня противник при поддержке авиации перешел в наступление. Бригада, израсходовав почти все горючее и боеприпасы, оказалась в окружении. Но танкисты не дрогнули. Стремительным ударом они пробились к станции и закрепились. Здесь в ожесточенном бою погиб командир бригады полковник И.Е. Алексеев.

Одновременно утром 15 января в наступление перешел 18-й отдельный стрелковый корпус, наносивший главный удар на Каменку. Часть сил (одна дивизия) корпуса наступала в направлении Марки, Старые Сагуны, чтобы во взаимодействии с 270-й стрелковой дивизией, наступавшей из района Павловска, уничтожить левофланговый корпус венгерской армии.

Утром 16 января к Россоси подошли главные силы 12-го танкового корпуса, и город вновь был освобожден от врага. В тот же день части 12-го танкового корпуса заняли Каменку, а 15-й танковый корпус – Ольховатку. В результате в окружении оказались итальянский корпус и часть сил 156-й пехотной дивизии. Оставалось только пленить или уничтожить эти части и соединения. Однако генерал Рыбалко допустил просчет: увлекшись, очевидно, первым успехом, он выделил для этой цели слишком мало сил – всего одну дивизию. Альпийские дивизии итальянцев смяли ее боевые порядки и начали отход на Валуйки, правда, без артиллерии и тылов.

17 января левофланговые соединения 40-й армии, наступавшие с севера, вышли к Острогжску. К исходу следующего дня 15-й танковый корпус и 305-я стрелковая дивизия 40-й армии вышли в район Алексеевки, замкнув кольцо окружения острогжско-россошанской группировки врага. Одновременно 12-й танковый и 18-й отдельный стрелковый корпуса встречными ударами с юга и севера в общем направлении на Карпенково рассекли окруженную группировку противника на две части. Одна из них (5 дивизий) была блокирована в районе Острогжск, Алексеевка, Карпенково, другая (8 дивизий) – в районе севернее Россоси. Из-за недостатка сил 3-я танковая армия и 18-й отдельный стрелковый корпус не смогли создать прочный внутренний фронт окружения. Несмотря на это, представитель Ставки ВГК генерал армии А.М. Василевский, командующий Воронежским фронтом генерал-полковник Ф.И. Голиков и член Военного совета фронта Ф.Ф. Кузнецов 18 января заверили И.В. Сталина в том, что «ликвидация противника, окруженного в районе восточнее Россось, Подгорное (до пяти пд), и уничтожение отдельных групп в районе Каменка, Татарино потребуют еще два-три дня»⁸⁹. Последующие события показали несбыточность такого прогноза.

⁸⁹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4–3). М.: ТЕРРА, 1997. С. 72–73.

Разгром острогожской группировки противника был завершён только 24 января, росошанской группировки – 27 января. Но полностью уничтожить их не удалось. Они, имея значительное численное превосходство, сумели прорваться на запад через неплотный внутренний фронт окружения. Всего в ходе Острогожско-Росошанской операции было разгромлено 12 дивизий группы армий «Б», уничтожено три, а шести дивизиям нанесены большие потери. Противник потерял свыше 140 тыс. солдат и офицеров, в т. ч. 86 тыс. пленными⁹⁰. Войска 3-й танковой армии, по данным ее штаба, уничтожили около 30 тыс. солдат и офицеров противника, 28 танков, 13 бронемашин, 78 орудий, захватили в плен около 73,2 тыс. человек, а также, в качестве трофеев, 44 танка, 13 бронемашин, 4517 грузовых, 196 легковых и 83 специальных автомобиля, 39 самолетов, 196 орудий. Потери армии составили 11902 человека, в том числе 3016 убитыми и умершими от ран, а также 58 танков и 60 орудий⁹¹.

В ходе операции войска 3-й танковой армии получили значительный опыт перегруппировок в условиях зимнего бездорожья, прорыва вражеской обороны и развития тактического успеха в оперативный, создания внешнего и внутреннего фронтов окружения. Однако недостаток горючего и боеприпасов привел к снижению темпов наступления, а недостаток сил не позволил создать прочный внутренний фронт окружения противника.

Харьковская наступательная операция (2 февраля – 3 марта 1943 г.)

После завершения Острогожско-Росошанской операции войска Воронежского фронта начали подготовку к Харьковской наступательной операции. Ее цель – завершить разгром основных сил группы армий «Б» (до 15 пехотных и танковых дивизий 2-й армии и оперативной группы «Ланц») на харьковском направлении и освободить харьковский промышленный район. Общие контуры операции (условное наименование «Звезда») были изложены в докладе № 00179/оп представителя Ставки ВГК генерала армии А.М. Василевского и командующего Воронежским фронтом генерал-полковника Ф.И. Голикова, направленного 21 января И.В. Сталину⁹². Они рассчитывали, что войска левого крыла фронта (3-я танковая армия и 18-й отдельный стрелковый корпус) после ликвидации росошанской группировки противника выйдут к 25 января на рубеж Новый Оскол, Валуйки, Покровское.

В течение трех дней намечалось завершить подготовку войск 3-й танковой армии к нанесению удара на Харьков. Она должна была основными силами нанести главный удар в направлении Валуйки, Ольховатка, Печенеги, Чугуев, Мерефа с задачей обойти и на пятый-шестой день овладеть Харьковом с юго-запада. Обеспечение наступления главных сил армии с юга, с направления Уразово, Двуречная, Шевченко, Андреевка, Алексеевское, станция Беспаловка предусматривалось возложить на 6-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-майора С.В. Соколова⁹³. В направлении Волоконовка, Волчанск, Непокрытое, Харьков должен был наступать 18-й отдельный стрелковый корпус.

На правое крыло Воронежского фронта (60-я и 40-я армии) возлагалась задача после завершения Воронежско-Касторненской операции быть в готовности с 30 января к переходу в наступление с рубежа р. Оскол в направлении на Белгород, Харьков с расчетом выхода на северо-западную окраину Харькова на 9—10-й день операции. Войскам 38-й армии предстояло обеспечить удар 60-й и 40-й армий со стороны Курска. Подвижная группа правого крыла Воронежского фронта (4-й танковый корпус, три танковые и три лыжные бригады)

⁹⁰ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М.: Воениздат, 1970. С. 228.

⁹¹ Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 81–83.

⁹² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 33. Своим названием операция была обязана тому, что намечалось нанести концентрический удар на Харьков по сходящимся направлениям.

⁹³ 93 19 января 1943 г. 7-й кавалерийский корпус был преобразован в 6-й гвардейский кавалерийский корпус.

должна была наступать в направлении Старый Оскол, Боброво-Дворское, Белгород, Уды, северо-западная и западная окраины Харькова.

Для обеспечения операции с юга 6-я армия Юго-Западного фронта, проводившего Донбасскую операцию, наносила удар на Балаклею, Красноград. Одновременно левое крыло Брянского фронта должно было наступать в общем направлении на Курск и выйти на рубеж Курск, Обоянь.

23 января И.В. Сталин утвердил представленный план операции, которая должна была начаться 28 января⁹⁴.

Войскам Воронежского фронта предстояло перейти в наступление без оперативной паузы. Они были утомлены в ходе почти 2,5-месячного наступления, имели большой некомплект в личном составе и боевой технике. Часть сил в тылу вела боевые действия по ликвидации 9 окруженных дивизий противника. Трудность усугублялась еще и тем, что наступала распутица. Кроме того, из-за большого отрыва от станций снабжения пришлось для подвоза горючего и боеприпасов использовать автотранспорт корпусов и бригад.

Общая глубина операции «Звезда» определялась в 200–250 км с выходом войск на рубеж Ракитное, Грайворон, Богодухов, Люботин, Мерефа. Она проводилась в два этапа. На первом этапе предусматривалось уничтожение войск противника по линии железной дороги Старый Оскол – Валуйки и выход к Северскому Донцу на рубеже Белгород, Волчанск, Печенега. На втором этапе планировалось овладеть Харьковом и выдвинуться на рубеж, завершающий операцию.

«При разработке решения и планировании операции штаб фронта не избежал ошибок, – вспоминал генерал армии М.И. Казаков. – Наиболее существенная из них состояла в том, что наступление войск фронта предусматривалось в одном оперативном эшелоне и даже не создавались оперативные резервы. Командующий фронтом поставил себя в такое положение, при котором он фактически почти не мог влиять на ход операции. Не имели резервов и командующие армиями. Все надежды связывались с успешным и решительным продвижением войск. Очевидным просчетом являлось и то, что усилия трех армий, составлявших ударную группировку, направлялись к одному объекту – городу Харьков»⁹⁵.

Армия насчитывала около 57,6 тыс. человек, 1223 миномета различных калибров, 588 орудий, 223 танка, из которых в строю были лишь 85 машин (в 12-м и 15-м танковых корпусах – по 20 танков, в 179-й отдельной танковой бригаде – 10, в 201-й отдельной танковой бригаде – 35 боевых машин)⁹⁶. Армия имела недостаточное материально-техническое обеспечение: от 0,2 до 3 боекомплектов артиллерийских боеприпасов, от 1,4 до 5 заправок дизтоплива, 0,7–2,5 заправки автобензина. «Что касается обеспеченности армии в целом, – говорилось в отчете штаба армии, – то надо отметить, что Воронежский фронт мало заботился о своевременном и полном удовлетворении армии ГСМ. Если бы не трофейные ГСМ, то вряд ли армия смогла пройти с боями и по бездорожью такое расстояние»⁹⁷. Потребности войск в продовольствии и фураже также обеспечивались за счет захваченных трофеев.

25 января 1943 г. офицер связи штаба Воронежского фронта вручил командующему 3-й танковой армией карту с нанесенной на ней боевой задачей. Армии предписывалось перейти в наступление на участке Козинки, Купянск с целью разгромить противостоящего противника и во взаимодействии с соседями справа (18-й отдельный стрелковый корпус и 40-я армия) не позднее 5–6-го дня операции овладеть г. Харьков. Главный удар требова-

⁹⁴ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 33.

⁹⁵ Цит. по: Казаков М.И. Над картой былых сражений. М.: Воениздат, 1971. С. 162–163.

⁹⁶ Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 89.

⁹⁷ Цит. по: Танковый удар. Советские танки в боях. 1942–1943. Сборник / А. Исаев, В. Гончаров, И. Кошкин, С. Федосеев, Д. Козырев; ред. – сост. В. Гончаров. М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 215.

лось нанести левым флангом в направлении Чугуев, Мерефа с выходом на рубеж Люботин, Валки, отрезая пути отхода противнику на Полтаву⁹⁸. Срок начала наступления – 27 января. Глубина задачи составляла 200 км.

Генерал Рыбалко, учитывая реальное состояние и возможности своих войск, а также возможность организации противником прочной обороны на рубеже р. Северский Донец, принял решение иметь оперативное построение армии в два эшелона с выделением резерва. В первом эшелоне находились четыре стрелковые дивизии (48-я, 62-я гвардейские, 160-я и 111-я) и одна отдельная стрелковая бригада (37-я). Во второй эшелон входили 12-й, 15-й танковые и 6-й гвардейский кавалерийский корпуса, 179-я и 201-я отдельные танковые бригады. В резерве командарма находились 184-я стрелковая дивизия и 1245-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

Согласно решению командующего 3-й танковой армией, предусматривалось силами 48-й гвардейской стрелковой дивизии при поддержке 265-го гаубичного артиллерийского полка и 293-го отдельного гвардейского минометного дивизиона нанести удар из района Козинки в общем направлении на Ольховатку, к исходу первого дня операции главными силами выйти в район Приколотное, а передовыми отрядами – на рубеж Гарбузовка, Дорошенково. Части 62-й гвардейской стрелковой дивизии при поддержке 133-го гаубичного артиллерийского и 315-го гвардейского минометного полков должны были наступать из района Новопетровки в общем направлении на Великий Бурлук с задачей к исходу первого дня операции выйти главными силами в район Великий Бурлук, а передовыми отрядами – на рубеж Гнилица, Зеленый Гай. От 160-й стрелковой дивизии, поддерживаемой 206-м гаубичным артиллерийским полком, 294-м и 318-м гвардейскими минометными дивизионами, требовалось перейти в наступление из района Криничное, Каменка в направлении Колодезное, Рогозянка, Шиповатое, Шевченко и к исходу первого дня операции достичь главными силами района Шиповатое, а передовыми отрядами выйти на рубеж Ново-Александровка, Лозовое. На 111-ю стрелковую дивизию возлагалась задача по переходу в наступление из района Червоной Долины в направлении Смородьковка, Аркадьевка, овладению к исходу первого дня операции рубежом Гусинка, Смородьковка, поддержанию связи с наступающей слева 350-й стрелковой дивизией 6-й армии и обеспечению 3-й танковой армии от возможных контратак с юга и юго-запада.

6-му гвардейскому кавалерийскому корпусу (8-я и 13-я гвардейские кавалерийские дивизии⁹⁹ с корпусными частями и приданной 201-й отдельной танковой бригадой) предстояло совершить глубокий обход Харькова с юга с целью соединения с частями 40-й армии, создания внешнего фронта окружения вражеской группировки, перехвата путей отхода противника и недопущения подхода его резервов.

Второй эшелон армии предназначался для ввода в сражение после выхода на непосредственные подступы к Харькову, с тем чтобы нанести внезапный стремительный удар на город с юга и юго-запада. Танковым корпусам предстояло создать внутренний фронт окружения противника. По решению генерала Рыбалко 15-й танковый корпус получил в качестве усиления 368-й артиллерийский полк, 12-й танковый корпус – 1172-й легкий артиллерийский полк, а 6-й гвардейский кавалерийский корпус – 288-й артиллерийский полк, 388-й и 390-й отдельные гвардейские минометные дивизионы. В армейскую группу артиллерии дальнего действия (АДД) входили два пушечных артиллерийских полка 8-й артиллерийской дивизии.

⁹⁸ Танковый удар. Советские танки в боях. 1942–1943: Сборник / А. Исаев, В. Гончаров, И. Кошкин, С. Федосеев, Д. Козырев; ред. – сост. В. Гончаров. С. 258.

⁹⁹ Несмотря на присвоение дивизиям 6-го гвардейского кавалерийского корпуса новой гвардейской нумерации, они в документах штаба 3-й танковой армии продолжали именоваться по-старому – 11-я и 83-я.

Большое внимание было уделено организации противотанковой обороны. В стрелковых дивизиях и танковых бригадах за счет штатных средств истребительно-противотанковых артиллерийских дивизионов и батарей были созданы противотанковые резервы, а в танковых корпусах для этого использовались приданные артиллерийские полки.

Воздушную поддержку войск Воронежского фронта обеспечивала 2-я воздушная армия генерал-майора авиации К.Н. Смирнова. Непосредственное взаимодействие с 3-й танковой армией осуществляла Южная оперативная группа 2-й воздушной армии в составе 205-й истребительной и 227-й штурмовой авиационных дивизий, а также оперативно подчиненных ей двух полков 208-й ночной легкомобильной дивизии – всего около 70 боевых самолетов¹⁰⁰. Руководство Южной группой осуществлял заместитель командующего 2-й воздушной армией с оперативной группой штаба, находившийся на выносном пункте управления, развернутом в непосредственной близости от штаба 3-й танковой армии.

В оперативном отношении командующему 3-й танковой армией были подчинены 46-й и 47-й отдельные саперные батальоны 60-й инженерно-саперной бригады. Они были приданы танковым корпусам. Прокладку дорог фронтового значения в тылу армии и постройку переправ и мостов предполагалось осуществлять силами частей и подразделений, подчиненных начальнику инженерных войск фронта. Ввиду ограниченной численности саперных подразделений, для расчистки и ремонта дорог и колонных путей широко привлекалось местное население.

При разработке плана операции штаб 3-й танковой армии особое внимание уделял обеспечению флангов и организации взаимодействию с соседними соединениями. Обеспечение стыка с соседом справа – 180-й стрелковой дивизией 69-й армии – возлагалось сначала на правифланговую 48-ю гвардейскую стрелковую дивизию, а затем на 184-ю стрелковую дивизию. Поддерживать связь с левым соседом – 350-й стрелковой дивизией 6-й армии – должна была левифланговая 111-я стрелковая дивизия.

К установленному сроку (27 января) войска 3-й танковой армии не успевали сосредоточиться на исходных для наступления позициях. Части 15-го танкового корпуса, которые вели боевые действия в районе Алексеевки, смогли только утром 27 января начать марш в район сосредоточения, прибыв в него лишь 29 января. К этому же сроку прибыл и 12-й танковый корпус, которому пришлось во время марша принимать меры по уничтожению прорывающихся групп противника. Стрелковые дивизии, совершавшие марш своим ходом, завершили сосредоточение только 29–31 января. Учитывая все это, генерал Рыбалко обратился к командующему фронтом с просьбой перенести начало перехода в наступление на 2 февраля. Эта просьба была удовлетворена генералом Голиковым.

По данным штаба армии, в полосе предстоящих действий оборонялись полк «Великая Германия», части 320, 357 и 387-й пехотных дивизий общей численностью 4,5–5 тыс. активных штыков, до 50 танков и до 4 дивизионов артиллерии¹⁰¹. «Противник отдельными гарнизонами занимал населенные пункты и высоты по западному берегу р. Оскол, – отмечал штаб армии, – приспособив здания и сооружения для обороны. Кратковременность не дала возможности противнику полностью произвести инженерные работы, и к началу операции противник имел в основном снежные окопы неполной профили, незначительное количество минированных участков, противотанковых и противопехотных препятствий»¹⁰².

Утром 2 февраля войска 3-й танковой и 69-й армий Воронежского фронта и 6-й армии Юго-Западного фронта перешли в наступление. Противник оказывал упорное сопротивление.

¹⁰⁰ См.: Танковый удар. Советские танки в боях. 1942–1943. Сборник / А. Исаев, В. Гончаров, И. Кошкин, С. Федосеев, Д. Козырев; ред. – сост. В. Гончаров. С. 235.

¹⁰¹ См.: Танковый удар. Советские танки в боях. 1942–1943. Сборник / А. Исаев, В. Гончаров, И. Кошкин, С. Федосеев, Д. Козырев; ред. – сост. В. Гончаров. С. 263.

¹⁰² Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 90.

ние, в результате чего продвижение стрелковых соединений 3-й танковой армии было медленным. После прорыва ими обороны противника в сражение вступили танковые корпуса. 4 февраля стрелковые соединения вышли к Северскому Донцу и с ходу попытались его форсировать. Однако танковая дивизия СС «Адольф Гитлер», подошедшая из Харькова, сорвала эту попытку. 5 февраля осложнилось положение на правом фланге 3-й танковой армии. Части дивизии «Дас Райх», развернувшиеся в районе Белый Колодезь, нанесли контрудар в направлении Ольховатка, Великий Бурлук, где оборонялась 48-я гвардейская стрелковая дивизия. Для парирования этого удара генерал Рыбалко ввел в сражение 184-ю стрелковую дивизию при поддержке 179-й отдельной танковой бригады и 1245-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка. В течение четырех дней на правом фланге армии велись упорные бои с контратакующими частями противника. Только 6-й гвардейский кавалерийский корпус сумел выйти к Новой Водолаге, оказавшись на фланге харьковской группировки врага. 9 февраля атаки дивизии «Дас Райх» прекратились, ее части стали отходить на западный берег Северского Донца.

Войска 60-й и 40-й армий начали наступление 3 февраля. Соединения 40-й армии 7 февраля освободили Корочу. В тот же день Верховное Главнокомандование вермахта (ОКХ), оценивая замыслы советского командования, пришло к выводу, что оно на Юго-Западном фронте стремится отрезать и уничтожить группу армий «Дон» ударом во фланг из района Лисичанск, Изюм в общем направлении на юг.

«На Брянском фронте намечается операция 13-й русской армии против южного фланга центральной группы армий, – отмечалось в докладе ОКХ, – где, судя по попытке тактического окружения 55-го армейского корпуса, целью армии является продвижение в направлении Орла, левым крылом – вдоль дороги Курск – Орел, при одновременном опрокидывании южного фланга центральной группы армий. (Переброска сил из района центра Сталинграда.)

В. На Воронежском фронте – широкое прикрытие активными действиями обеих этих операций на запад в находящемся между ними районе Изюм, Харьков, Курск 3-й танковой армией, 40-й и предположительно также 60-й армиями с одновременной целью уничтожения стоящих здесь немецких сил.

При этом выявляются две частичные операции:

Г. Окружение германских дивизий, находящихся в районе Харьков, Белгород, 3-й танковой армией с юга, 40-й армией, предположительно также 60-й армией с северо-востока и севера.

Д. Окружение германских сил в районе Курска с юга, востока и севера предположительно 38-й русской армией, которая одновременно должна быть частично использована для уничтожения отбивающихся германских частей в районе южнее и восточнее Тима»¹⁰³.

8 февраля войска 60-й армии освободили Курск. На следующий день соединения 40-й армии заняли Белгород, а 69-й армии – Волчанск. В связи с успешным продвижением фланговых группировок Воронежского фронта над харьковской группировкой противника нависла угроза окружения. В ночь на 10 февраля она оставила рубеж у Северского Донца и начала отходить к Харькову. Используя выгодную обстановку, 3-я танковая армия освободила Печенеги, Чугуев и развивала успех на Харьков. Однако с ходу овладеть городом не удалось, так как на внешнем оборонительном обводе, в районе Рогани (20 км юго-западнее Харькова), противник оказал упорное сопротивление. Гитлер требовал от группы Ланца «во что бы то ни стало удержать Харьков, потеря которого могла отразиться на престиже Германии, как своего рода новый Сталинград». Не ограничившись этим, он 13 февраля издал еще

¹⁰³ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4–3). С. 407–408.

один строгий приказ, в котором приказывал «при всех обстоятельствах удерживать Харьков», что, несомненно, означало и оборону в условиях окружения¹⁰⁴.

Только к исходу 14 февраля части 3-й танковой армии сумели выйти к внутреннему оборонительному обводу Харькова. К этому времени к северо-восточной окраине города подошли соединения 69-й армии.

В полосе наступления 40-й армии противник оказывал слабое сопротивление. С севера к Харькову продвигалась танковая группа (116-я танковая бригада, 59, 60 и 61-й отдельные танковые полки) полковника В.Г. Романова. Одновременно в наступление перешел 5-й гвардейский танковый корпус (20 танков), который прибыл из района Касторное. 13 февраля они освободили Дергачи и Ольшаны, охватив Харьков с северо-запада. Используя успех танковых соединений, стрелковые дивизии 40-й армии подошли к северной и северо-западной окраинам Харькова.

Утром 15 февраля войска 40, 69 и 3-й танковой армий начали штурм Харькова. Город удерживал 2-й танковый корпус СС, имевший 200 танков. На всем фронте завязались ожесточенные бои. Преодолевая яростное сопротивление противника, соединения 3-й танковой и 69-й армий прорвали внутренний обвод и проникли в город, а 5-й гвардейский танковый корпус совместно с 340-й стрелковой дивизией ворвался на его западную окраину. Видя бесперспективность сопротивления и опасаясь окружения, 2-й танковый корпус СС начал отходить в юго-западном направлении. К 12 часам 16 февраля Харьков был полностью очищен от врага.

После освобождения Харькова 3-я танковая и 69-я армии получили задачу наступать на Полтаву, а остальные силы фронта – на запад. К этому времени 3-я танковая армия насчитывала 49 663 человека, 110 танков, 1044 минометов различных калибров, 318 орудий и 189 противотанковых пушек¹⁰⁵. Войска были сильно переутомлены непрерывными боями и понесли большие потери: 11,5 тыс. человек убитыми, ранеными, контуженными и пропавшими без вести, 66 орудий, 40 противотанковых пушек и 45 танков¹⁰⁶. В этой связи генерал Рыбалко докладывал Военному совету Воронежского фронта: «Войска требуют хотя бы суточного, трехсуточного отдыха и приведения себя в порядок, приема пополнения. За эти дни части понесли очень большие потери в людском составе и матчасти, особенно большие потери в командном составе». Ответ командующего фронтом от 19 февраля гласил: «До выхода за р. Коломак на рубеже Константиновка, Артемовка предоставлять войскам дневку не разрешаю. Голиков». В новой шифровке от того же числа подчеркивалось:

«До Киева осталось около 400 км, до разлива рек, приведения в труднопроходимое состояние дорог осталось 25 суток. Крепко учтите это и обеспечьте всеми мерами такие темпы продвижения, чтобы р. Днепр до распутицы была, безусловно, за нами. На основе Ваших расчетов предъявите требования войскам. Используйте гидрометеотделение Вашего штаба и постоянно держите в курсе метеобстановки войска»¹⁰⁷.

Войска 3-й танковой армии, преодолевая сопротивление арьергардов противника, медленно продвигались на запад, производя в то же время перегруппировку для планировавшегося наступления на Полтаву. Однако к этому времени обстановка резко изменилась. Противник, перейдя 19 февраля в контрнаступление, отбросил войска Юго-Западного фронта к Северскому Донцу. В результате левое крыло Воронежского фронта оказалось неприкрытым. В этой связи 3-й танковой армии было приказано прекратить подготовку к наступлению

¹⁰⁴ См.: Манштейн Э. Утерянные победы / Пер. с нем. Худож. А. Шуплецов. Смоленск: «Русич», 2003. С. 488, 489.

¹⁰⁵ Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 107, 112.

¹⁰⁶ См.: Танковый удар. Советские танки в боях. 1942–1943. Сборник / А. Исаев, В. Гончаров, И. Кошкин, С. Федосеев, Д. Козырев; ред. – сост. В. Гончаров. С. 266.

¹⁰⁷ Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 113.

на Полтаву, после подхода частей 69-й армии передать им занятые рубежи и форсированным маршем занять район Карловка, Красноград. На Южную группу войск (6-й гвардейский кавалерийский корпус, 184, 219 и 350-я стрелковые дивизии, 201-я отдельная танковая бригада), созданную 24 февраля под командованием генерала С.В. Соколова, возлагалась задача по уничтожению противника и овладению рубежом Козачий Майдан, Шляховая, Ленинский Завод.

12-й танковый корпус, преодолевая упорное сопротивление противника, совместно с 25-й гвардейской стрелковой дивизией и частью сил 305-й стрелковой дивизии 69-й армии 25 февраля овладел Валками. 27 февраля танковые корпуса 3-й танковой армии вышли к Варваровке, где встретили упорное сопротивление противника и были остановлены. Тогда было принято решение овладеть Красноградом ударом с востока. 15-й танковый корпус, имея 19 танков, занял Кегичевку, сюда же 28 февраля вышел и 12-й танковый корпус, в котором было 20 танков. Здесь танковые соединения вынуждены были ожидать машины с горючим.

Пока части 3-й танковой армии ждали горючее, ее оперативное предназначение было изменено. Согласно директиве № 30059 Ставки ВГК от 28 февраля она, включая подвижную группу генерала С.В. Соколова, с 22 часов передавалась в состав войск Юго-Западного фронта. Командующему фронтом предписывалось использовать армию и подвижную группу генерала Соколова для нанесения флангового удара по наступающему противнику. Командующему войсками Воронежского фронта до подхода войск из резерва Ставки приказывалось перебросить несколько дивизий с других участков фронта и направить их на подкрепление левого крыла фронта¹⁰⁸.

К этому времени 3-я танковая армия по сравнению с 1 февраля 1943 г. дополнительно получила одну стрелковую дивизию, один истребительно-противотанковый артиллерийский полк и инженерную минную бригаду.

Вечером 28 февраля командующий 3-й танковой армией принял решение перейти частью сил к обороне на достигнутых рубежах, все танковые соединения и часть пехоты свести в оперативную группу под командованием командира 12-го танкового корпуса генерал-майора Зиньковича.

Противник, воспользовавшись остановкой частей 3-й танковой армии, утром 2 марта оттеснил 6-ю армию за Северский Донец, а затем нанес удар по 3-й танковой армии силами 2-го танкового корпуса СС с востока и подошедшей из Киева танковой дивизии СС «Мертвая голова» с запада. Отражая непрерывные удары превосходящих сил врага, соединения армии отошли за боевые порядки стрелковых дивизий, перешедших к обороне на рубеже Новая Водолага, Тарановка. При отходе погиб командир 15-го танкового корпуса Герой Советского Союза генерал В.А. Копцов.

Командующий оперативной группой генерал Зинькович в половине десятого вечера 2 марта докладывал в штаб армии:

«ГСМ совершенно нет. Вся артиллерия и малые танки стоят. Доставить колесным транспортом невозможно. Дорога Медведовка – Шляховая противником отрезана. Без обеспечения горючего перейти в наступление нельзя. Противник ведет с утра наступление из Павловка, Краснополье. Обеспечение горючим во всех соединениях тяжелое. Прошу подать горючего первого и второго сорта»¹⁰⁹.

Генерал Зинькович предложил вывести оперативную группу на соединение с войсками армии. В этой связи генерал Рыбалко приказал группе под прикрытием ночной темноты оторваться от противника и выйти в район Тарановка, Рябухино, Охочее.

¹⁰⁸ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 83.

¹⁰⁹ Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 126.

К 4 часам 3 марта соединения группы генерала Зиньковича, оторвавшись от противника, попытались прорваться к Лозовой. Потерпев неудачу, они предприняли попытку обойти ее справа.

«Противнику удалось сильным артминометным огнем вывести из строя большое количество автомашин и орудий частей группы, – докладывал в штаб армии генерал Зинькович. – Большое количество автомашин, орудий и несколько танков были уничтожены в пути движения из-за отсутствия горючего. Попытка буксировать орудия и автомашины за танками не увенчалась успехом, так как глубокий снежный покров и целый ряд глубоких балок с крутыми подъемами не давал возможности двигаться ввиду перегревов моторов. Радиостанции соединений прекратили работу после первого боя с противником, так как часть из них была выведена из строя полным уничтожением, а часть имела повреждения. Попытки установить связь с соединениями группы через офицеров связи на танках также успеха не имели»¹¹⁰.

К исходу дня 3 марта 160-я стрелковая дивизия под давлением превосходящих сил противника оставила Ландышево. На левом фланге 3-й танковой армии 350-я стрелковая дивизия, не выдержав удара противника, отошла к 10 часам до Борков, что привело к окружению группы генерала Зиньковича. За оставление оборонительного рубежа без приказа командующего армией командир 350-й стрелковой дивизии генерал-майор Гриценко был отстранен от должности и предан суду Военного трибунала. 6-й гвардейский кавалерийский корпус отошел на рубеж Рябухино, Охочее.

К утру 5 марта основные силы группы генерала Зиньковича вышли к войскам армии в районе Охочее, Рябухино. Части группы, потеряв материальную часть транспортных машин и тяжелое оружие, были не боеспособны и нуждались в доукомплектовании. Из 26 исправных танков 12-го танкового корпуса из окружения вышло только 13 машин, а 15-й танковый корпус потерял все 25 исправных танков. Остатки обоих танковых корпусов были выведены в тыл, где их свели под общее командование командира 195-й танковой бригады 15-го танкового корпуса. В 179-й отдельной танковой бригаде, оборонявшейся в районе Тарановки, имелось всего 22 танка. Войска 3-й танковой армии фактически утратили возможность вести активные наступательные действия.

В то время как 3-я танковая армия вела боевые действия южнее Харькова, соединения 40-й армии освободили 21 февраля Тростянец, а 23-го – Ахтырку и Опошню. Войска 60-й армии 3 марта заняли Льгов.

1 марта командующий Воронежским фронтом обратился в Ставку ВГК с просьбой разрешить перейти к временной обороне с целью обеспечения устойчивости войск фронта¹¹¹. На следующий день Сталин удовлетворил эту просьбу. 3 марта войска фронта, не располагая резервами и исчерпав наступательные возможности, перешли к обороне. Соединения 3-й танковой армии с 24 часов 3 марта были переданы из Юго-Западного фронта вновь в состав Воронежского фронта, имея задачей не допустить прорыва противника в Харьков. Начальником обороны города был назначен заместитель командующего Воронежским фронтом генерал Д.Т. Козлов. В его непосредственное подчинение вошли 62-я гвардейская стрелковая дивизия, 17-я бригада войск НКВД, затем 3 истребительно-противотанковых артиллерийских полка, дивизион РС, 86-я танковая бригада и 19-я стрелковая дивизия.

В результате Харьковской операции войска Воронежского фронта продвинулись на 100–260 км и нанесли тяжелое поражение противнику. По оценке штаба 3-й танковой армии, ее войска уничтожили около 17 тыс. солдат и офицеров противника, захватили в плен 27038

¹¹⁰ Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 128.

¹¹¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 283.

человек, в качестве трофеев – 12 танков, 4 бронемашины, 1376 грузовых и 15 легковых машин, 35 орудий. Армия потеряла почти 19,3 тыс. человек, в том числе 5804 убитыми¹¹².

Особенностью операции было то, что она готовилась в ходе преследования противника и была начата без оперативной паузы, осуществлялась тем же составом войск, что и предыдущая операция. Наступление велось на широком фронте. Однако успех, достигнутый в наступлении на харьковском направлении, закрепить не удалось. «Нам не удалось окружить и полностью уничтожить харьковскую группировку немецко-фашистских войск, – отмечал К.С. Москаленко. – Это произошло в значительной мере потому, что Мерефа не была занята 6-м гвардейским кавкорпусом: своих сил у него для этого не хватало, а усиление от 3-й танковой армии он так и не получил. Противник воспользовался этим единственным оставшимся у него выходом на запад (пути на Полтаву перекрыли войска 40-й армии) и бежал в направлении Краснограда»¹¹³.

Харьковская оборонительная операция (4—25 марта 1943 г.)

Наступление советских войск зимой 1942/43 г. и выход их к середине февраля на подступы к Днепропетровску и Запорожью создали угрозу расчленения всего Восточного фронта противника. Спасти положение он рассчитывал путем отвода войск в Донбассе, переброски резервов с запада и создания ударных группировок с целью перехода в контрнаступление. Вначале предусматривалось разгромить выходившие к Днепру войска Юго-Западного фронта и отбросить их за р. Северский Донец, затем осуществить удар по войскам Воронежского фронта в районе Харькова и вновь захватить Харьков и Белгород. После этого намечалось встречными ударами с юга от Белгорода и с севера от Орла в общем направлении на Курск нанести поражение действовавшим в этом районе советским войскам. Эта задача возлагалась на созданную 13 февраля 1943 г. группу армий «Юг» (4-я и 1-я танковые армии, оперативные группы «Кемпф» и «Холлидт»; командующий – генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн). Она имела в своем составе 30 дивизий, из них 13 танковых и моторизованных. Поддержка наземных войск осуществлялась 4-м воздушным флотом.

Как уже отмечалось, 19 февраля противник перешел в контрнаступление против войск правого крыла Юго-Западного фронта в Донбассе и вынудил его ослабленные в предыдущих наступательных боях соединения 3 марта отойти за Северский Донец. Это значительно ухудшило оперативное положение войск Воронежского фронта, осуществлявших в то время своим левым крылом Харьковскую наступательную операцию. Их левый фланг оказался открытым. Командующий группой армий «Юг», перегруппировав свои войска, создал в районе юго-западнее Харькова против левого крыла Воронежского фронта (40-я, 69-я, 3-я танковая армии) сильную группировку войск (4-я танковая армия и оперативная группа «Кемпф»). Противник превосходил советские войска в личном составе в 2 раза, в артиллерии – в 2,6, в танках – в 11,4, а в самолетах более чем в 3 раза.

Соединения Воронежского фронта в предыдущих наступательных боях понесли значительные потери, резервы отсутствовали, не хватало горючего, боеприпасов, вооружения, тылы растянулись на 250–300 км.

4 марта соединения 4-й танковой армии противника нанесли удар по 3-й танковой армии Воронежского фронта. Несмотря на недостаток сил, она оказала упорное сопротивление противнику, которому в течение двух дней удалось вклиниться в ее оборону всего на 6–8 км. Тогда он 6 марта перенес направление главного удара в стык 69-й и 3-й танковой армий. Под давлением противника войска 3-й танковой армии отошли на рубеж Просяное, Новая Водолага, Московка, Рябухино.

¹¹² Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 115, 116.

¹¹³ Цит. по: Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Книга I. С. 431–432.

7 марта противник, осуществив перегруппировку, нанес главный удар в направлении Валки, Новая Водолага, Мереха и вспомогательный – в направлении Знаменка, Старая Водолага, Одринка. Части ослабленной в предыдущих боях 48-й гвардейской стрелковой дивизии не смогли сдержать натиск противника и отошли в район Мануилово. Два полка дивизии попали в окружение и были вынуждены самостоятельно пробиваться к своим войскам. 104-я стрелковая бригада удерживала рубеж Паньково, Старая Водолага. 253-я стрелковая бригада со 195-й танковой бригадой получила приказ отойти на северный берег р. Мжа, на рубеж Ракитное, Утковка. 6-й гвардейский кавалерийский корпус и 350-я стрелковая дивизия отошли на северный берег р. Мжа в район Кравцово, Тимченков, Миргород. В связи с обострением обстановки севернее Харькова распоряжением командующего войсками Воронежского фронта 6-й гвардейский кавалерийский корпус был выведен из состава 3-й танковой армии и направлен в район Дергачи.

9 марта на усиление 3-й танковой армии прибыли 86-я танковая бригада и 303-я стрелковая дивизия, занявшая оборону в районе Коротич, Березовка, Буды, а также 2-й гвардейский танковый корпус (до 120 танков). Но уже в 4 часа утра 10 марта командир корпуса получил приказ о выходе из состава армии и переброске к северу от Харькова. В состав армии был введен 18-й танковый корпус, имевший всего 6 боеготовых малых танков¹¹⁴. В этот же день противник вышел с юга к Богодухову, обошел Харьков с севера и прорвал оборону 6-го гвардейского кавалерийского корпуса в районе Дергачей. После этого вражеские части стали развивать наступление в северном и северо-восточном направлениях, создав угрозу окружения всей группировки советских войск, оборонявшейся в районе Харькова. К исходу дня пехота противника начала отдельными группами просачиваться в город со стороны северных окраин.

11 марта в Харьков прорвались танки противника, а его передовые отряды дошли до центра города и заняли дом Госпрома. Начальник обороны Харькова генерал Козлов, не имея связи с войсками, передал управление гарнизоном командующему 3-й танковой армией, а сам выехал из города в неизвестном направлении. После ожесточенных боев защитники Харькова к исходу дня 12 марта отошли за р. Лопань, оставив северную и северо-восточную части города. В документах штаба 3-й танковой армии отмечалось:

«Построенная оборона принесла мало пользы, хотя сил и средств на нее потрачено было много. Построенные огневые точки и баррикады были не использованы из-за отсутствия расчета огневых средств на их прикрытие и просто из-за отсутствия достаточного количества огневых средств у начальника обороны. Частям, обороняющим город Харьков, схемы оборонительных сооружений штаб обороны не дал, в силу чего и не все укрепления были частями использованы. Заблаговременно эти укрепления никем не занимались, а отходящие части в лучшем случае случайно на них натыкались и использовали. В большинстве же случаев не использовались вовсе. Передача обороны Харькова 3-й танковой армии начальником обороны была произведена по причинам отсутствия у него надлежащих средств управления обороняющимися частями и в момент, когда уже штабу 3-й танковой армии было поздно изучать участки обороны, рубежи и части, обороняющие город. Поздно было заниматься и перегруппировкой сил, хотя это и диктовалось обстановкой»¹¹⁵.

Противник, наращивая усилия, к исходу дня 14 марта занял Терновую, Лизогубовку, Боровое и Водяное, прервав все пути подвоза. К этому моменту в Харькове продолжали обороняться части 19-й стрелковой дивизии и 17-й бригады войск НКВД при поддержке 179-й отдельной и 86-й танковых бригад. 62-я гвардейская стрелковая дивизия и остатки 303-й и 350-й стрелковых дивизий занимали оборону в районе Жихар, Безлюдовка, 104-

¹¹⁴ См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 136.

¹¹⁵ Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 137–138.

я стрелковая бригада удерживала район Лялюки, а 253-я стрелковая бригада – Кулинич. Утром 15 марта, получив разрешение штаба фронта на оставление Харькова, командующий 3-й танковой армией отдал приказ о прорыве частей в направлении Малиновка, Граково с последующим выходом на восточный берег р. Северский Донец на рубеж Старый Салтов, Волчанск.

Несмотря на то что Харьков был потерян, Ставка ВГК не теряла надежды на разгром харьковской группировки противника. 15 марта представитель Ставки Маршал Советского Союза А.М. Василевский представил И.В. Сталину соответствующий план¹¹⁶. Он отмечал, что наступление подвижной группы противника из района Борисовки, стремившейся захватить Белгород и во взаимодействии с ударом частью сил из района Липцев на север окружить советские войска южнее города, остановлено. Направления от Харькова на север по Белгородскому шоссе и северо-восточнее Харькова в обход Белгорода с востока прикрывает 69-я армия, усиленная 2-м гвардейским танковым корпусом (до 120 танков). Войска 3-й танковой армии в тяжелых условиях продолжают выход на восточный берег р. Северский Донец на рубеж Мартовая, Печенега, Чугуев, Шелудьковка. Противник, преследуя соединения армии, подошел к западной окраине Чугуева. Соединения 21-й армии должны были к утру 16 марта завершить развертывание на р. Псел в районе Обояни.

Маршал Василевский, учитывая сложившуюся обстановку, предлагал к утру 17 марта выдвинуть 21-ю армию на рубеж Пены (15 км восточнее Белого), Покровка, Гостищево и с этого рубежа 18–19 марта перейти в наступление в общем направлении через Борисовку, Золочев в обход Харькова и харьковской группировки противника с запада. С выходом армии южнее Борисовки намечалось усилить ее 3-м гвардейским танковым корпусом. Войска 40-й армии должны были прикрыть выход 21-й армии на указанный рубеж, а затем ударом на Ахтырку обеспечить фланг этой армии. Одновременно 69-й армии, усиленной 2-м гвардейским танковым корпусом, предстояло нанести удар по Харькову с севера и северо-востока. Общая цель операции – вырвать инициативу у противника севернее и северо-западнее Харькова, разбить харьковскую группировку противника и тем самым еще до подхода 1-й танковой армии ликвидировать угрозу наступления противника на север, в тыл армиям Воронежского фронта или на восток. 3-ю танковую армию планировалось с 16 марта передать в состав Юго-Западного фронта, которому предстояло прочно оборонять восточный берег р. Северский Донец. Одновременно предполагалось по мере прибытия дивизий 64-й армии выдвигать их на р. Северский Донец на рубеж Белгород, Волчанск. 1-ю танковую армию планировалось, по мере прибытия в Курск ее корпусов, сосредоточить в районе Обоянь, Медвенское, чтобы прочно обеспечить как сумское, так и конотопское направления.

Сталин, утвердив план маршала Василевского, подписал директиву № 30076 Ставки ВГК о передаче с 6 часов 16 марта 1943 г. 3-й танковой армии из Воронежского фронта в состав войск Юго-Западного фронта¹¹⁷.

В ночь на 16 марта соединения 3-й танковой армии начали прорыв к своим войскам. Остатки 253-й стрелковой бригады, 179-й отдельной танковой бригады и один батальон 17-й бригады войск НКВД, будучи отрезаны от основной группировки войск, были объединены под командованием командира 179-й отдельной танковой бригады полковника Рудкина. Они прорвались в северо-восточном направлении и вышли к своим войскам на восточный берег Северского Донца южнее Волчанска. Остальные соединения армии прорывались в общем направлении на Скрипай. В ходе прорыва погибли командир 17-й бригады войск НКВД пол-

¹¹⁶ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 284–285.

¹¹⁷ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 96.

ковник Тонкопий и командир 62-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Зайцев. К исходу 17 марта выход частей 3-й танковой армии из боя в основном завершился.

18 марта противник овладел Белгородом. Однако его попытки развить наступление на Волчанск и Обоянь были отражены перегруппированными на эти направления 64-й (из-под Сталинграда) и 21-й (с Центрального фронта) армиями. Кроме того, в районе Обояни сосредоточивалась 1-я танковая армия. В результате принятых Ставкой ВГК мер направление на Курск с юга было надежно прикрыто. 25 марта войска Воронежского фронта, отойдя в ходе оборонительных сражений на 100–150 км, остановили противника на рубеже Краснополяе, Белгород и далее по р. Северский Донец до Чугуева, образовав здесь южный фас так называемого Курского выступа.

В результате Харьковской оборонительной операции были сорваны планы противника на окружение советских войск в районе Харькова, и тем самым разбиты его надежды взять реванш за Сталинград. Он не сумел вернуть стратегическую инициативу и перейти к третьему этапу контрнаступления – совместными действиями групп армий «Юг» и «Центр» окружить и уничтожить советские войска под Курском. На исходе операции отрицательно сказалась ошибочная оценка командующими фронтами замысла противника и переоценка сил и возможностей своих войск. Немаловажное значение имело и то, что западные союзники СССР, несмотря на просьбы советского Верховного Главнокомандования активизировать свои боевые действия, в феврале – марте, по существу, прекратили активные действия в Северной Африке, что позволило противнику перебросить на Восточный фронт силы с других театров военных действий.

В ходе операции 3-я танковая армия понесла тяжелые потери. Вот что по этому поводу отмечалось в документах штаба армии:

«Преодолевая сопротивление противника, части армии вышли в южном направлении до 5000 чел. и в северо-восточном направлении до 3500 чел. 62-я гвардейская стрелковая дивизия вышла, имея без тылов около 2500 чел... 350-я стрелковая дивизия кроме тылов, ранее выведенных из боя, вышла единицами. 17-я бригада войск НКВД вышла в составе свыше 1000 активных штыков и направлена на оборону по восточному берегу р. Северский Донец на участке Старый Салтов, Хотомля. 303-я и 19-я стрелковые дивизии имеют свыше 1000 активных штыков»¹¹⁸.

В 48-й гвардейской стрелковой дивизии осталось всего 200 активных штыков. Войска армии потеряли 175 45-мм противотанковых пушек, 362 орудия, 845 минометов, 30 37-мм зенитных пушек. Общие безвозвратные потери танков с 14 января по 12 марта 1943 г. составили 293 боевые машины.

Генерал П.С. Рыбалко, оценивая итоги операции, отмечал:

«В ходе напряженных боевых действий, особенно если операции следуют одна за другой, не должно увлекаться «войной до последнего солдата». Необходимо после одной-двух наступательных операций делать на выгодных рубежах и в соответствующей обстановке оперативные паузы для приведения частей в порядок, для их перегруппировки, для отдыха уставших войск, для принятия и освоения вливающегося пополнения, для подтягивания и налаживания службы тыла. Такие паузы с закреплением на достигнутых рубежах необходимы и для организации активной обороны против новых и свежих контратакующих сил противника, уничтожая их авиацией на дальних подступах. В необходимых случаях, исходя из обстановки, продолжать преследование противника незначительными резервами.

С выходом на рубеж Валки, Новая Водолага все элементы обстановки настоятельно диктовали переход армии к обороне, хотя бы временно, так как противник показал свою стойкость и упорство, подбросил свежие силы, а войска армии в непрерывных упорных

¹¹⁸ Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 139.

боях были ослаблены. Став на оборону, армия имела бы время сделать оборонительные рубежи неприступными, во-вторых, измотав контратакующего противника, перейти к дальнейшему наступлению и выполнению дальнейшей операции. В этом случае вряд ли и Харьков был бы сдан противнику обратно»¹¹⁹.

17 марта Военный совет 3-й танковой армии направил Военному совету бронетанковых и механизированных войск Красной Армии рапорт, в котором говорилось:

«3-я танковая армия в составе 12-го, 15-го танковых корпусов, 179-й отдельной танковой бригады, 48-й гвардейской стрелковой дивизии, 184-й стрелковой дивизии и других штатных частей и соединений в составе Воронежского фронта участвует в боевых операциях с 8 января 1943 г. непрерывно.

За этот период армия в целом прошла от станции выгрузки до района сосредоточения 200 км и, ведя наступательные бои, 800 км. Всего армия прошла 1000 км по кривой, освободила территорию страны с востока на запад на глубину 300 км в полосе шириной 50–90 км.

Армия успешно провела Россошанско-Валуйскую и Харьковскую операции. За время обеих операций армией освобождены города Харьков, Россошь, Чугуев, Валуйки, Люботин, Валки, Мерефа, до 35 районных центров и несколько тысяч населенных пунктов Воронежской области и УССР. За время обеих операций армия захватила 54 000 пленных солдат и офицеров противника, уничтожила более 65 000 солдат и офицеров противника, разгромила не менее 13 дивизий противника.

На протяжении всех боевых действий все части и соединения армии дрались с исключительным упорством и успешно выполняли поставленные боевые задачи с значительно меньшими потерями по сравнению с противником.

Военный совет армии не знает ни одного случая, который бы порочил в бою какую-либо часть или соединение армии»¹²⁰.

Далее отмечалось, что части и соединения армии «естественным ходом событий сильно истощились и в настоящее время по своему составу и укомплектованности не способны к дальнейшим боевым действиям». В 15-м танковом корпусе насчитывалось всего около 1 тыс. человек, в 12-м танковом корпусе – около 3 тыс., из них 85 % призванных в освобожденных районах, без оружия, необученных и необмундированных. В корпусах не было ни одного боееспособного танка. В целях сохранения, быстрейшего восстановления и доукомплектования армии Военный совет просил возбудить ходатайство перед наркомом обороны Маршалом Советского Союза И.В. Сталиным о немедленном выводе армии в резерв Ставки ВГК.

Командование 3-й танковой армии можно понять, ведь она просуществовала почти 11 месяцев, накопив значительный боевой опыт. Несмотря на это ее участь была предрешена. Приказом № 46125 Ставки ВГК она с 24 часов 26 апреля 1943 г. была переименована в 57-ю армию¹²¹. Это было обусловлено следующими причинами. Во-первых, армия по своему составу уже не отвечала своему наименованию и предназначению. Во-вторых, стало очевидным, что танковые армии смешанного состава себя не оправдывают. В-третьих, в конце января 1943 г. было принято принципиальное решение о создании танковых армий однородного состава, о чем речь пойдет во втором разделе данного труда.

¹¹⁹ Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 142.

¹²⁰ Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 139–140.

¹²¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 130.

Четвертая танковая армия

Рождение 4-й танковой армии, как и 1-й, было обусловлено тяжелой обстановкой, сложившейся в июле 1942 г. на сталинградском направлении. По решению А. Гитлера от 23 июля войска 6-й армии генерал-полковника Ф. Паулюса должны были овладеть Сталинградским промышленным районом и выйти к Волге. Для того чтобы остановить противника, Ставка ВГК, как уже говорилось, приняла решение нанести по нему контрудар силами танковых объединений. В соответствии с директивой № 994125 Ставки ВГК от 22 июля в составе Сталинградского фронта предстояло к 28 июля сформировать 1-ю танковую армию, а по директиве № 994124 – к 1 августа 4-ю танковую армию. В ее состав включались: управления 28-й армии со всеми армейскими частями, учреждениями и тылами, переименовав управление этой армии в управление 4-й танковой армии; два танковых корпуса (22-й и 23-й); три стрелковых дивизии из числа прибывающих с Дальневосточного фронта; два полка ПТО 76-мм калибра; два полка ПВО; один гвардейский минометный полк.

Командующим 4-й танковой армией назначался генерал-майор В.Д. Крюченкин с освобождением его от обязанностей командующего 28-й армией. Он, как и генералы К.С. Москаленко и П.С. Рыбалко, не был танкистом по образованию (см. приложение № 3). Заместителем командующего 4-й танковой армией по танковым войскам стал генерал-майор танковых войск Новиков¹²². Членом Военного совета армии был назначен бригадный комиссар Ф.П. Лучко, а начальником штаба – полковник Е.С. Полозов.

Сталинградская оборонительная операция (17 июля – 18 ноября 1942)

23 июля 1942 г. противник, используя подавляющее превосходство в силах, прорвал оборону правофланговых дивизий 62-й армии и стал развивать успех в восточном направлении. Попытка командующего Сталинградским фронтом генерал-лейтенанта В.Н. Гордова силами 13-го танкового корпуса 1-й танковой армией, переданного в подчинение командующего 62-й армии, нанести контрудар по прорвавшейся группировке врага успеха не имела. И.В. Сталин в разговоре по прямому проводу с генералом Гордовым потребовал обратить особое внимание на удержание оборонительного рубежа западнее Дона от Клецкой через Рожковскую до Нижне-Калиновки, категорически запретив отход от указанного оборонительного рубежа.

В соответствии с этим требованием генерал Гордов незамедлительно приказал войскам 1-й танковой армии переправиться через Дон в районе Калача и 25 июля перейти в наступление в направлении на Майоровский, уничтожить противостоящего врага и к исходу дня овладеть рубежом Верхнебузиновка, Манойлин. В последующем предписывалось развивать наступление в направлении Перелазовский и там соединиться с 4-й танковой армией. Ее войска не успевали сосредоточиться на исходных позициях к 25 июля, поэтому им приказывалось начать боевые действия 27 июля, наступая из района Трехостровской в направлении Перелазовского. Слева от 1-й танковой армии удар наносила частью сил 62-я армия во взаимодействии с 13-м танковым корпусом. Из района Серафимовича в южном направлении, в тыл группировке противника, предстояло наступать трем стрелковым дивизиям 21-й армии. Вечером 24 июля начальник Генерального штаба генерал-полковник А.М. Василевский, находившийся на командном пункте 1-й танковой армии, подтвердил решение командующего фронтом.

К началу наступления 4-я танковая армия располагала всего одним танковым корпусом, двумя стрелковыми дивизиями, отдельной истребительной бригадой, истреби-

¹²² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). М.: С. 320.

тельно-противотанковым и зенитным артиллерийскими полками, инженерным и двумя саперными батальонами.

Наступление 28-го танкового корпуса 1-й танковой армии, начатое 25 июля, успеха не имело. Ему удалось лишь отбросить противника на 6–8 км от Калача. Противник, воспользовавшись тем, что армия вела боевые действия, по существу, одна, сосредоточил против нее большую часть огневой мощи своей артиллерии, а также крупные силы мотопехоты, танков и авиации. Части 28-го танкового корпуса, возобновив наступление 27 июля, снова продвинулись незначительно – на 6–7 км. К этому времени на западный берег Дона переправились только 17 танков одной из бригад 22-го танкового корпуса 4-й танковой армии. Естественно, что он не мог оказать ощутимую помощь 28-му танковому корпусу.

Противник, убедившись, что ему не удастся с ходу прорваться на Сталинград через Калач, решил осуществить свой замысел в том же направлении, но с юго-запада, из района Нижнечирской. Ценою тяжелых потерь противник захватил 27 июля Нижнечирскую, Новомаксимовский и Ближнеосиновский и создал угрозу удара на Сталинград с юго-запада.

Ставка ВГК, учитывая сложившуюся обстановку, приказала командующему Сталинградским фронтом переключить главные усилия на юго-западное направление, становившееся наиболее угрожающим. В директиве № 170535, направленной около пяти часов вечера 28 июля генералу Гордову, требовалось полностью уничтожить противника в районе Верхнебузиновки. Одновременно предписывалось не позднее 30 июля силами частей 64-й армии, а также подошедших в район Калача и южнее 204-й и 321-й стрелковых дивизий и 23-го танкового корпуса 4-й танковой армии разгромить противника, вышедшего южнее Нижнечирской на западный берег р. Дон, полностью восстановить здесь оборону по Сталинградскому рубежу, отбросив в дальнейшем врага на запад за р. Цимла¹²³.

К моменту получения директивы Ставки ВГК командующий Сталинградским фронтом, как уже отмечалось, решил повернуть часть сил 1-й танковой армии на юго-запад и разгромить вражескую группировку, которая оттуда угрожала выходом на кратчайшее направление к Сталинграду. Для усиления армии в ее состав из 4-й танковой армии был передан 23-й танковый корпус (99-я, 189-я танковые и 9-я мотострелковая бригады; всего 75 танков и 254 активных штыка) генерала А.М. Хасина. Кроме того, армия была усилена пятью гвардейскими минометными полками, 204-й стрелковой дивизией, 397-м и 398-м легкими артиллерийскими полками.

В четыре часа утра 28 июля в сражение вступил 22-й танковый корпус генерала А.А. Шамшина. Он нанес удар из района Трехостровской и двинулся к Верхнебузиновке с востока. Одновременно в наступление перешел 13-й танковый корпус 1-й танковой армии, который встретил упорное сопротивление врага. Когда между частями обоих корпусов осталось не более 10 км, встал вопрос о согласовании их дальнейших усилий. Начальник штаба 4-й танковой армии полковник И.И. Шитов-Изотов сообщил в штаб 1-й танковой армии, что 22-й танковый корпус уже получил задачу наступать на Верхнебузиновку по кратчайшему маршруту – через хутор Осиновский и совхоз «Заготскот». Однако части 13-го танкового корпуса полковника Т.И. Танасчишина тщетно в течение 10 часов ожидали подхода 22-го танкового корпуса. 13-й танковый корпус по решению командующего 1-й танковой армией был повернут на Оськинский, которым овладел в девять часов вечера 30 июля. Сюда же с северо-востока вскоре вышли части 22-го танкового корпуса 4-й танковой армии. После этого сильно поредевшие части 13-го танкового корпуса свели в одну 169-ю танковую бригаду, вошедшую в состав 22-го корпуса.

В главе, посвященной 1-й танковой армии, приведены оценки контрудара войск Сталинградского фронта. Мы не будем повторяться. Отметим лишь, что причинами того, что

¹²³ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 331.

контрудар не имел успеха, являлись: превосходство противника в силах и средствах; абсолютное господство в воздухе вражеской авиации; отсутствие тесного взаимодействия между танками, пехотой и артиллерией; недостаток артиллерии для борьбы с противотанковыми средствами врага; быстрое и резкое изменение обстановки и несвоевременное реагирование на это командующего Сталинградским фронтом; переход в наступление танковых армий в разное время и не всеми силами; действия танковых корпусов изолированно друг от друга и др.

Как уже отмечалось, противник, потерпев неудачу в районе Калача, перенес основные усилия на юго-западное направление. 6 августа части немецкой 4-й танковой армии вышли к внешнему оборонительному обводу Сталинграда, занятому соединениями 64-й армии. Противнику удалось прорваться на южном фланге оборонительного обвода и выйти в район Абганерово. Для обороны этого направления из состава Сталинградского фронта согласно директиве № 170554 Ставки ВГК от 5 августа был выделен новый Юго-Восточный фронт (64-я, 51-я, 1-я гвардейская, 57-я армии, 13-й танковый корпус). В Сталинградском фронте остались 63, 21, 62-я и 4-я танковая армии, 28-й танковый корпус¹²⁴. Этот фронт в соответствии с директивой № 170562 Ставки ВГК с 6 часов 10 августа был подчинен командующему Юго-Восточным фронтом генерал-полковнику А.И. Еременко.

На Сталинградский фронт директивой № 170554 Ставки ВГК от 5 августа возлагалась задача по разгрому противника, прорвавшегося на стыке 21-й и 62-й армий, восстановлению обороны на Сталинградском рубеже и прочному прикрытию Сталинграда с северо-запада и запада. В дальнейшем предполагалось наступать на Морозовский. Войскам Юго-Восточного фронта приказывалось во что бы то ни стало приостановить дальнейшее выдвижение противника к южному флангу Сталинградского внешнего обвода с юга, не допустить прорыва этого обвода и выхода противника к Волге южнее Сталинграда. В последующем намечалось занять Жутово и Котельников и отбросить противника за р. Сал¹²⁵.

С целью ликвидации вклинившейся вражеской группировки в районе Абганерово войска 64-й армии 9 августа нанесли контрудар, в котором принял участие и 13-й танковый корпус¹²⁶. В результате положение было восстановлено, противник на этом направлении перешел к обороне. Одновременно велись ожесточенные бои на правом берегу Дона. 6-я армия противника, перегруппировав силы, с утра 7 августа возобновила наступление в полосе 62-й армии, оборонявшей выступ в малой излучине Дона. Уже вечером 8 августа танковые дивизии врага, прорвавшиеся с севера и юга, соединились западнее Калача. Войска 62-й армии с упорными боями отступали на восток, их отход прикрывал 23-й танковый корпус¹²⁷, имевший в своем составе всего 20 танков, 30 орудий и минометов и около 200 стрелков. Эти силы были сведены в отряд, который до 10 августа удерживал правый берег Дона южнее Калача, обеспечивая переправу войск 62-й армии. 22-й танковый корпус 4-й танковой армии под давлением превосходящих сил противника отошел за Дон и занял оборону на его левом берегу. В конце августа 22-й танковый корпус был выведен в резерв и переформирован в 5-й механизированный корпус.

12 августа в штабе Юго-Восточного фронта состоялось заседание Военного совета фронта с участием члена ГКО, секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова, начальника Генерального штаба генерала А.М. Василевского, командующего ВВС Красной Армии генерала А.А. Новикова. Начальник Генштаба особо выделил значение устойчивости обороны плацдарма,

¹²⁴ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 342–343.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ После боев в районе Верхнебузиновки управление 13-го танкового корпуса была переброшено в район Абганерово, где объединило под своим командованием 6-ю гвардейскую, 13-ю, 254-ю танковые и 38-ю мотострелковую бригады.

¹²⁷ 6 августа 1942 г. 23-й танковый корпус был передан из 1-й танковой армии в 62-ю армию, а 28-й танковый корпус выведен на доукомплектование.

занимаемого за Доном 4-й танковой армией генерала Крюченкина, потребовав усилить ее танками, артиллерией и минировать подступы к ней. Генерал Василевский считал необходимым также всемерно упрочить оборону в полосе 62-й армии, а для обеспечения левого крыла фронта передать командующему 4-й танковой армией целиком или частично 1-ю гвардейскую армию. Ее войска должны были создать вторую полосу обороны в тылу танковой армии. Однако генерал А.И. Еременко возразил, заметив, что надо сохранить 1-ю гвардейскую армию как самостоятельное объединение, находящееся в резерве командующего фронтом. В результате было решено передать в подчинение командующему 4-й танковой армией две стрелковые дивизии (37-я и 39-я гвардейские). Начальник Генштаба сообщил, что для усиления 64-й и 57-й армий Юго-Восточного фронта из резерва Ставки ВГК придут две стрелковые дивизии (35-я и 36-я гвардейские) и три артиллерийско-пулеметных батальона 77-го укрепрайона.

На основе этого решения командующий Юго-Восточным фронтом генерал Еременко¹²⁸ поставил войскам следующие задачи. Соединения 63-й армии должны были прочно оборонять левый берег Дона на рубеже Бабка, устье р. Хопер. Войскам 21-й армии предстояло оборонять полосу шириной 140 км от устья р. Хопер до Мело-Клетской. Правофланговым соединениям 62-й армии приказывалось прочно оборонять позиции около Песковатки и Калача. На 4-ю танковую армию возлагалась задача по обороне полосы шириной 50 км. Она, находясь на направлении главного удара 6-й армии противника, должна была стрелковыми соединениями удерживать плацдарм на правом берегу Дона на участке Мело-Клетская, Большенабатовский, прикрывая подступы к Сталинграду с северо-запада, и, кроме того, оборонять важнейший участок железной дороги Поворино – Сталинград.

Для выполнения поставленной задачи 4-я танковая армия располагала тремя стрелковыми дивизиями, которые были выделены в первый эшелон. В резерве в районе Родионова находился 22-й танковый корпус, где он пополнялся личным составом и техникой.

13 августа части 376-й и 100-й пехотных дивизий противника нанесли удар по 321-й стрелковой дивизии подполковника А.И. Валюгина, оборонявшейся на левом фланге 4-й танковой армии. «Мы ожидали удара по данной армии, но не по левому флангу, а по центру, ибо отсюда лежал прямой путь к Сталинграду, – вспоминал генерал армии С.П. Иванов. – Были все основания предположить, что это отвлекающий удар, а за ним последует главный и именно там, где мы его ждали. Когда же я спросил у Полозова (начальник штаба 4-й танковой армии. – *Прим. авт.*), какие меры приняты, он ответил, что командарм усиливает левофланговое направление, перебрасывая сюда 5-ю истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду и 1253-й истребительно-противотанковый артполк, снимая их с центрального участка армейской полосы обороны»¹²⁹.

Полковник С.П. Иванов, возглавлявший в то время оперативный отдел штаба Юго-Восточного фронта, сказал, что этого нельзя делать. Когда об этом доложили начальнику Генштаба, он не стал отменять решение командующего 4-й танковой армией, а приказал оказать ему помощь артиллерией. Командующий фронтом генерал Еременко выделил для этого два полка артиллерии РГК, два отдельных танковых батальона, гвардейские минометные полки и несколько истребительно-противотанковых артиллерийских полков. Но они были расположены на правом фланге 21-й армии, и для их переброски требовалось не менее суток-полтора.

15 августа, едва рассвело, по всему фронту 4-й танковой армии противник начал массированную артиллерийскую и авиационную подготовку, продолжавшуюся полтора часа.

¹²⁸ По директиве № 170566 Ставки ВГК от 13 августа 1942 г. командующий Юго-Восточным фронтом генерал-полковник А.И. Еременко по совместительству был назначен командующим Сталинградским фронтом, а генерал-лейтенант В.Н. Городов – его заместителем по этому фронту.

¹²⁹ Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М.: Воениздат, 1990. С. 329–330.

В 6 часов 30 минут под прикрытием авиации противник силами пяти дивизий нанес удар по центру оперативного построения армии в направлении Оськинский, Сиротинская. Одновременно три дивизии вели наступление на вспомогательном направлении – Большенаба-товский, Трехостровская. Части 4-й танковой армии оказали упорное сопротивление, но к исходу дня противнику все же удалось преодолеть их оборону.

Рано утром 16 августа 14-й танковый корпус (16-я танковая, 3-я и 60-я моторизованные дивизии) генерала Виттерсгейма возобновил наступление в общем направлении на Трехостровскую. Правофланговые соединения 4-й танковой армии (321, 205 и 343-я стрелковые дивизии), сдерживая наступающего врага, с тяжелыми боями вынуждены были отходить на северо-восток. Попытка начальника штаба Сталинградского фронта в полдень 16 августа связаться со штабом 4-й танковой армии успеха не имела: в распоряжение командного пункта армии вышли вражеские танки. Управление ее войсками было потеряно.

К исходу дня 16 августа войска 4-й танковой армии сумели совместно с подошедшими 38-й и 40-й гвардейскими стрелковыми дивизиями 1-й гвардейской армии остановить дальнейшее продвижение противника на рубеже Кременская, Сиротинская. На левом фланге 4-й танковой армии 184, 92 и 18-я стрелковые дивизии и 22-й танковый корпус поначалу отразили удары превосходящих сил противника. Однако командующий 6-й армией генерал Паулюс перебросил сюда четыре полнокровные пехотные дивизии (389, 384, 295 и 76-ю) и нанес несколько массированных ударов с воздуха. После этого левофланговая группировка 4-й танковой армии, прикрываясь арьергардами, стала отходить на восток к Дону. Под удар вражеских танков и авиации попали также 37-я и 39-я гвардейские стрелковые дивизии, выходившие на правый берег Дона для занятия обороны. Пулеметно-артиллерийские батальоны 54-го укрепленного района, оборонявшиеся на левом берегу Дона, своим огнем остановили врага и к исходу дня обеспечили переправу левофланговых соединений 4-й танковой армии на левый берег Дона.

Генерал армии С.П. Иванов, вспоминая об этих событиях, писал: «Много было также нареканий в адрес генералов В.Д. Крючкина и В.Н. Гордова в связи с отходом войск 4-й танковой армии. Но мы понимали, что главной причиной этого являлось большое превосходство врага. Ведь соединения 4-й танковой из-за значительных потерь в людях и вооружении были малочисленны, не имели достаточного количества артиллерии и минометов. В боевых порядках 205, 321 и 343-й стрелковых дивизий насчитывалось всего по 700–800 человек. В 22-й мотострелковой бригаде осталось 200 человек, в 182-й танковой бригаде 22-го танкового корпуса – 7 танков»¹³⁰.

В сложившейся обстановке начальник Генштаба генерал А.М. Василевский принял решение утром 17 августа нанести контрудар по прорвавшимся частям противника для восстановления положения в полосе 4-й танковой армии. Для участия в контрударе на правом фланге армии намечалось привлечь четыре стрелковые дивизии (321, 205, 343-ю и 40-ю гвардейскую) дивизии, а на левом – три стрелковые дивизии (37-ю и 39-ю гвардейские, 18-ю) и 22-й танковый корпус¹³¹.

Командующему 62-й армией генералу А.И. Лопатину было приказано силами переданной ему из резерва фронта 98-й стрелковой дивизии с приданными 193-й танковой бригадой и 5-м гвардейским минометным полком в ночь на 16 августа форсировать Дон около Вертячего. После этого ударом в направлении Родионова во взаимодействии с частями 4-й танковой армии нанести поражение фланговым соединениям ударной группировки противника. Командующий 21-й армией генерал А.И. Данилов тоже одной стрелковой дивизией должен был форсировать Дон и к утру 17 августа овладеть Мело-Клетской. Резерв фронта,

¹³⁰ Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 333.

¹³¹ Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 331.

214-ю стрелковую дивизию генерала Н.И. Бирюкова, намечалось к исходу дня 16 августа вывести на участок хутор Вертячий, Песковатка в готовности к оказанию помощи 4-й танковой армии. Главные силы 8-й воздушной армии нацеливались для удара по танковым и моторизованным войскам противника и прикрытия развертывания соединений 1-й гвардейской армии. Непосредственное командование 4-й танковой армией было возложено на заместителя командующего Сталинградским фронтом генерала В.Н. Гордова.

Однако реализовать это решение не удалось. Противник с утра 17 августа провел разведку боем усиленными пехотными батальонами в полосах 62-й, 4-й танковой и 1-й гвардейской армий, стремясь на широком фронте от Хлебного до Нижнего Герасимова найти слабые места для переправы на левый берег Дона своих главных сил. 19 августа генерал Паулюс подписал приказ «О наступлении на Сталинград». Войскам 6-й армии предстояло форсировать Дон между Песковаткой и Трехостровской и нанести удар главными силами в район севернее Сталинграда до Волги. Этот удар должен был сопровождаться на южном фланге продвижением части сил через р. Россошка в ее среднем течении, с тем чтобы юго-западнее Сталинграда соединиться с продвигающимися с юга соединениями 4-й танковой армии.

Главную роль в предстоящем наступлении предстояло сыграть 14-му танковому корпусу. Он должен был после выхода к Волге повернуть часть своих сил на юг и занять северную часть Сталинграда. Для обеспечения его северного фланга другая часть сил должна была выдвинуться к высотам юго-западнее Ерзовки. Кроме того, северный фланг корпуса обеспечивался продвижением 8-го армейского корпуса с плацдарма юго-восточнее Трехостровской в направлении на юго-восток. После чего 8-й армейский корпус должен был перейти к обороне фронтом на север на рубеже Кузьмичи, станция Качалино. Южный фланг 14-го танкового корпуса обеспечивался 51-м армейским корпусом, который после форсирования р. Россошка наносил удар в юго-восточном направлении с целью захвата центра и южной части Сталинграда. На правом фланге 6-й армии действовал 24-й танковый корпус, который имел задачу занять плацдарм по обе стороны от Калача и с этого плацдарма усиленной 71-й пехотной дивизией наступать в восточном направлении.

В два часа ночи 21 августа противник начал массированную артиллерийскую и авиационную подготовку в полосах 62-й и 4-й танковой армий. Через час 76-я и 295-я пехотные дивизии форсировали Дон на участке Нижний Герасимов, Лученский. Сразу же началась наводка мостов, по которым на левый берег переправились танки. Потеснив 98-ю стрелковую дивизию и 28-й танковый корпус 62-й армии, противник к исходу дня овладел плацдармом на левом берегу реки на участке Верхнегниловский, Песковатка. С целью локализовать успех вражеских войск, переправившихся через Дон на фронте 4-й танковой армии и правом фланге 62-й армии, командующий Сталинградским фронтом решил нанести контрудар. Для участия в нем привлекались прибывшие из резерва Ставки ВГК три дивизии, а также одна дивизия и одна танковая бригада 62-й армии. Но осуществить задуманное в полной мере не удалось, так как противник имел громадное превосходство в силах.

23 августа 14-й танковый корпус противника прорвал оборону войск Сталинградского фронта в районе Вертячего и вышел к Волге севернее Сталинграда. В результате Сталинградский фронт оказался расчлененным на две части. Для усиления войск, действовавших в районе Сталинграда, Ставка ВГК спешно перебросила в междуречье Дона и Волги новые части и соединения, в том числе 4, 7 и 16-й танковые корпуса.

Не ожидая полного сосредоточения резервов, командующий Сталинградским фронтом во второй половине 23 августа создал в районе Котлубани ударную группу. В ее состав вошли 28-й танковый корпус, 169-я танковая бригада, три стрелковые дивизии. Эта группа, возглавляемая генералом К.А. Коваленко, должна была нанести удар из района Котлубани на юго-запад. Одновременно 62-я армия получила задачей частями 87-й стрелковой дивизии

нанести удар в северном направлении. С целью окружения и уничтожения противника, прорвавшегося к Волге, планировался также удар из района Орловки на север силами 2-го и 23-го танковых корпусов, действиями которых руководил начальник автобронетанковых войск фронта генерал А.Д. Штевнев.

Наступление группы генерала К.А. Коваленко, начатое в шесть часов вечера 23 августа, успеха не имело. Группа генерала А.Д. Штевнева, перейдя в наступление 24 августа, не сумела отрезать части 14-го танкового корпуса противника, прорвавшиеся к Волге.

В конце августа и начале сентября обстановка в районе Сталинграда еще более осложнилась – противник вышел к внутреннему оборонительному обводу. Создалась угроза его прорыва в город. В связи с этим необходимо было принять срочные меры, чтобы отвлечь часть сил врага от города, ослабить его нажим на 62-ю и 64-ю армии и выиграть время для организации непосредственной обороны Сталинграда, а также для подтягивания резервов из-за Волги. С этой целью Ставка ВГК приняла решение силами 1-й гвардейской армии генерала К.С. Москаленко нанести с утра 2 сентября контрудар по прорвавшейся к Волге группировке противника, а затем соединиться с 62-й армией. Туда же направлялись 66-я армия генерала Р.Я. Малиновского и 24-я армия генерала Д.Т. Козлова. Однако контрудар 1-й гвардейской армии, начатый утром 3 сентября, из-за упорного сопротивления противника не привел к успеху. Не достигло своих целей и наступление войск 24-й, 66-й и 1-й гвардейской армий, предпринятое 5 сентября и в последующие дни.

28 сентября Ставка ВГК с целью улучшения управления войсками приняла решение образовать в районе Сталинграда два самостоятельных фронта с непосредственным подчинением каждого из них Ставке. Из состава Сталинградского фронта создавался Донской фронт (63, 21, 24, 66-я, 4-я танковая, 1-я гвардейская армии), а из состава Юго-Восточного фронта – Сталинградский фронт (62, 64, 57, 51 и 28-я армии). Командующим войсками Сталинградского фронта был назначен генерал-полковник А.И. Еременко, а Донским фронтом – генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский, освобожденный от должности командующего Брянским фронтом¹³².

На Сталинградский фронт была направлена комиссия Ставки ВГК во главе с заместителем начальника Генштаба генералом Ф.Е. Боковым с задачей очищения войск и штабов от непригодного командного и политического состава. В результате деятельности комиссии был откомандирован с фронта командующий 4-й танковой армией генерал В.Д. Крюченкин, а также намечались к откомандированию и другие командиры. «Чем руководствовалась комиссия Ставки, мне так и не удалось установить, – вспоминал Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский. – Но все же пришлось вмешаться и с разрешения Верховного Главнокомандующего ее работу приостановить. В той обстановке посылка Ставкой такой комиссии была не только нецелесообразной, но и вредной. Кроме того, этот факт убеждает, насколько сильны были тенденции Ставки вмешиваться в прямые функции командующих фронтами. Во всяком случае, решать такие вопросы надлежало бы тому, кто непосредственно руководит вверенными ему войсками и несет за их действия ответственность, то есть командующему фронтом»¹³³.

Войска Донского фронта, в том числе 4-я танковая армия, вели активную оборону. Они все время держали противника в напряжении, атакуя его то в одном, то в другом месте и не давая возможности перегруппировывать силы. 14 октября командующим 4-й танковой армией был назначен генерал-лейтенант П.И. Батов. Он, как и командующие других танковых армий смешанного состава, не был профессиональным танкистом (см. приложение № 3). Да и нужды, как мы увидим, в этом не было.

¹³² Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 403.

¹³³ Цит. по: Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Голос, 2000. С. 235–236

Генерал армии П.А. Батов, вспоминая о своем назначении, писал, что член Военного совета Донского фронта генерал А.С. Желтов отозвался о 4-й танковой армии с уважением, которая «была крепкой закалки, хотя до сих пор на ее долю выпадала преимущественно горечь неудач». Армия включала три стрелковые дивизии, танковую и мотострелковую бригады, отдельный дивизион бронепоездов, три истребительно-противотанковых артиллерийских, два зенитных артиллерийских и один гвардейский минометный полк¹³⁴. Всего имелось 4 танка.

– Должно быть, потому наша армия и называется четвертой танковой? – в порядке шуток спросил генерал Батов начальника штаба полковника И.С. Глебова.

– Да, – принял шутку начальник штаба, – четыре танка, и те на охране КП... словом, «четыре танковая» армия!

Докладывая ночью К.К. Рокоссовскому о вступлении в командование, генерал П.И. Батов рассказал и эту историю. Командующий фронтом рассмеялся:

– На войне всякое бывает. Очевидно, армия получит новое наименование.

Действительно, 21 октября 1942 г. была издана директива № 170677 Ставки ВГК о переименовании с 22 октября 4-й танковой армии в 65-ю армию¹³⁵. Так завершился боевой путь 4-й танковой армии, просуществовавшей всего три месяца.

¹³⁴ Боевой состав Советской Армии. Часть II (январь – декабрь 1942 года). М.: Воениздат, 1966. С. 194.

¹³⁵ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 440.

Пятая танковая армия

Пятая танковая армия была сформирована в Московском военном округе второй по счету после 3-й танковой армии.

В директиве Ставки ВГК № 994021, подписанной 25 мая 1942 г. И.В. Сталиным и генералом А.М. Василевским, говорилось:

См.: Бабаджян А., Кравченко И. 1-я танковая армия в Житомирско-Бердичевской операции // Военно-исторический журнал. 1972. № 9. С. 27.

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Сформировать 5-ю танковую армию в составе: 2-го и 11-го танковых корпусов, одной отдельной танковой бригады, 340-й стр. дивизии, одного лап РГК пушек УСВ, одного гвардейского минометного полка смешанного типа в составе двух дивизионов М-8 и одного дивизиона М-13, одного зенитного дивизиона.

Дислокация управления 5-й танковой армии г. Елец»¹³⁶.

Командующим 5-й танковой армией был назначен генерал-майор А.И. Лизюков, освобожденный от должности командира 2-го танкового корпуса, начальником штаба армии полковник П.И. Другов.

Генерал А.И. Лизюков был единственным из командующих танковыми армиями смешанного состава, кто имел специальное образование и, наряду с генералом П.Л. Романенко, опыт командования танковыми подразделениями, частями и соединениями (см. приложение № 3). «Говоря здесь о 5-й танковой армии, – писал Маршал Советского Союза А.М. Василевский, – я не могу не сказать несколько теплых слов об ее доблестном командарме генерал-майоре А.И. Лизюкове. Моя личная встреча с ним 4 июля 1942 года была первой, но он был хорошо известен руководству Вооруженными Силами как энергичный, волевой, быстро растущий военачальник. Это и позволило Ставке уже в июне 1942 года поставить его во главе одной из первых формируемых танковых армий, возложив к тому же на него выполнение ответственных заданий. А.И. Лизюков – один из первых Героев Советского Союза, получивших это звание в начальный период войны. К великому сожалению, описываемое сражение на воронежской земле было последним в его славной полководческой деятельности»¹³⁷.

26 мая издается еще одна директива Ставки ВГК за № 994023 о формировании в Ельце к 5 июня управления 5-й танковой армии за счет выделения начсостава распоряжением начальников соответствующих главных и центральных управлений наркомата обороны СССР. Состав управления 5-й танковой армии был идентичен составу управления 3-й танковой армии¹³⁸. Из 58-й армии, согласно директиве № 170411 Ставки ВГК от 26 мая, в распоряжение командующего 5-й танковой армией передавалась 340-я стрелковая дивизия¹³⁹. Все части и соединения, включенные в состав армии, приказывалось сосредоточить: 340-ю стрелковую дивизию – в районе Телегино, Тросна; 2-й танковый корпус, один легкий артиллерийский полк РГК пушек УСВ и один гвардейский минометный полк – в Ельце; 11-й танковый корпус и одну мотострелковую бригаду из состава 2-го танкового корпуса – в районе станции Долгоруково. Одну танковую бригаду 2-го танкового корпуса требовалось оставить в Ельце. 15 июня Ставка ВГК своей директивой № 170451 приказала направить 5-ю танковую армию в распоряжение командующего войсками Брянского фронта и сосредото-

¹³⁶ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 217.

¹³⁷ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. С. 200–201.

¹³⁸ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 219.

¹³⁹ Там же. С. 220

точить ее в районе северо-западнее Ефремова¹⁴⁰. Соединениям армии предстояло принять участие в Воронежско-Ворошиловградской стратегической оборонительной операции.

Воронежско-Ворошиловградская стратегическая оборонительная операция (28 июня – 24 июля 1942 г.)

В конце марта 1942 г. на совместном совещании ГКО и Ставки ВГК после долгих споров было решено провести в мае крупную наступательную операцию на юго-западном направлении силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов. На остальных направлениях намечалось перейти к стратегической обороне и одновременно осуществить ряд частных наступательных операций с ограниченными целями. В дальнейшем предполагалось развернуть общее наступление по всему фронту от Балтики до Черного моря.

На это решение повлияло заявление главнокомандующего войсками Юго-Западного стратегического направления маршала С.К. Тимошенко о том, что его войска сейчас в состоянии и, безусловно, должны нанести упреждающий удар с целью расстроить наступательные планы противника против Южного и Юго-Западного фронтов. В итоге И.В. Сталин приказал предложенную маршалом Тимошенко стратегическую операцию перепланировать в частную. Однако содержание доклада главкома Юго-Западного направления заставляет усомниться в ее частном характере¹⁴¹. «Основная задача Юго-Западного фронта в весенне-летней кампании, по мнению Военного совета, должна состоять в овладении на левом крыле районами Харьков и Красноград, а на правом крыле и в центре – Курском и Белгородом, – отмечал Тимошенко. – В дальнейшем, наступая в общем направлении на Киев, предусматривалась задача выйти на Днепр». Войска Южного фронта должны были «до наступления весенней распутицы и до вступления в операцию крупных резервов занять Краматорск, Славянск, овладеть таганрогским плацдармом, а в ходе весенне-летней кампании – окружить и уничтожить Донбасскую и Таганрогскую группировки противника, выйти на Днепр».

Наиболее детально стратегический план был разработан на первый этап операции – апрель – июнь. Вторая часть плана, связанная с переходом в общее наступление, намечалась лишь в общих чертах. Ее предусматривалось уточнить по конкретным результатам военных действий весной. Тем не менее сохранилась карта Генерального штаба с наметками наступательных операций до конца года. В соответствии с ней предполагалось нанести главные удары сначала на юго-западном, а затем на западном направлениях и далее выйти на Государственную границу СССР¹⁴². Следовательно, в силе оставалась прежняя идея Сталина: 1942 год должен стать годом полного разгрома врага и окончательного освобождения советской земли от немецкой оккупации.

В Ставке противника практически в это же время шла разработка плана весенне-летней кампании. И здесь не обошлось без борьбы мнений: А. Гитлер и начальник штаба Верховного Главнокомандования генерал-фельдмаршал В. Кейтель настаивали на проведении наступательной операции на юге; начальник Генерального штаба Сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер добивался нанесения удара на Москву. Но в конечном итоге он вынужден был уступить. 5 апреля Гитлер подписал директиву № 41, в которой ставилась задача «захватить инициативу в свои руки и навязать противнику свою волю». Цель предстоящего наступления заключалась в том, чтобы «уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров». Главная задача состояла в том, чтобы, сохраняя положение на центральном участке,

¹⁴⁰ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 249.

¹⁴¹ См.: Португальский Р. Маршал Тимошенко. «Поставьте меня на опасный участок...». М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 254–255.

¹⁴² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 13–14.

на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге осуществить прорыв на Кавказ. При этом намечалось все имеющиеся в распоряжении силы сосредоточить для проведения основной операции на южном участке с целью уничтожения противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет¹⁴³.

Для того чтобы скрыть направление главного удара в летней кампании, штаб группы армий «Центр» по указанию руководства вермахта разработал дезинформационную операцию под кодовым наименованием «Кремль». С этой целью был подготовлен, а 29 мая подписан приказ о наступлении на Москву¹⁴⁴. Он имел гриф «Совершенно секретно» и был размножен в 22 экземплярах, в то время как другие приказы составлялись в 10–16 экземплярах. Естественно, что его содержание стало известно советскому командованию – об этом позаботились. В соответствии с планом операции «Кремль» проводились мероприятия, имитирующие подготовку наступления группы армий «Центр»: аэрофотосъемка московских оборонительных позиций, радиодезинформация, перегруппировки войск, размножались планы столицы и крупных городов.

Анализ планов двух Ставок показывает, что они ставили перед собой решительные цели, но для их осуществления были избраны различные способы.

План германского командования строился на нанесении упреждающего удара с последовательным разгромом противостоящих советских войск и сосредоточением всех усилий на одном решающем стратегическом направлении.

План Ставки ВГК основывался на принципе одновременно и обороняться, и наступать. Такое решение усугублялось и рядом других просчетов. Во-первых, неверно оценивался возможный план действий противника, прежде всего направление его главного удара. Исходя из того, что германские войска будут вновь наступать на Москву, осуществлялась группировка сил, в том числе стратегических резервов. Во-вторых, игнорировались дезинформационные действия противника. В результате его ложный план «Кремль», призванный прикрыть главную операцию, достиг своей цели. Генеральный штаб Красной Армии считал, что основные события летом развернутся на московском направлении. В-третьих, ошибочно оценивалось состояние своих войск и реально складывавшееся соотношение сил, так как считалось, что уже достигнуто существенное превосходство (выделено нами. – *Прим. авт.*) над врагом. Действительно, к 1 мая 1942 г. общая численность Советских Вооруженных Сил по сравнению с декабрем 1941 г. увеличилась на 2 млн человек и составляла уже 11 млн. На их вооружении имелось 83 тыс. орудий и минометов, более 10 тыс. танков и 11,3 тыс. боевых самолетов. Однако в составе действующих фронтов к весне находились только 5,6 млн человек, 41 тыс. орудий и минометов, около 5 тыс. танков, 4,2 тыс. боевых самолетов¹⁴⁵.

У противника к этому времени имелось 9 млн солдат и офицеров, 82 тыс. орудий и минометов, около 7 тыс. танков, 10 тыс. боевых самолетов. Из них на Восточном фронте находилось 5,5 млн, а с учетом союзников – 6,5 млн человек, 57 тыс. орудий и минометов, более 3 тыс. танков, 3,4 тыс. боевых самолетов¹⁴⁶. Следовательно, противник имел превосходство в 1,1 раза в живой силе и в 1,4 раза в орудиях и минометах, а советские войска – в 1,6 раза в танках и в 1,2 раза в самолетах. Такое соотношение предопределило высокую напряженность предстоящей борьбы.

¹⁴³ См.: Дерр Г. Поход на Сталинград. М., 1957. С. 127.

¹⁴⁴ См.: Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: ист. очерки, документы и материалы. В 2 т. М.: Наука, 1973. Т. 2. С. 312.

¹⁴⁵ См.: Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1989. Т. 1. С. 206; История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1975. Т. 5. С. 121, 143.

¹⁴⁶ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 15.

Наступательная операция, планировавшаяся германским командованием летом 1942 г. на южном участке Восточного фронта, получила кодовое наименование «Блау» («Синий»). Она планировалась в три этапа. Первый этап («Блау-I») – прорыв на Воронеж, второй («Блау-II») – наступление по сходящимся направлениям вдоль правого берега Дона и из района Таганрога в общем направлении на Сталинград, третий («Блау-III») – вторжение всеми силами на Кавказ. Для участия в операции предполагалось привлечь все силы группы армий «Юг» (900 тыс. человек, 1,2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 17 тыс. орудий и минометов; генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок) при поддержке 1640 самолетов 4-го воздушного флота¹⁴⁷.

Замысел первого этапа операции «Блау» состоял в том, чтобы ударами по сходящимся направлениям из района Курска на Воронеж силами армейской группы «Вейхс» (немецкие 2-я и 4-я танковая и венгерская 2-я армии) и 6-й армии из района Волчанска на Острогожск окружить и уничтожить войска Брянского и Юго-Западного фронтов, действовавшие на воронежском направлении. С выходом в район Воронежа намечалось повернуть подвижные соединения на юг, где они должны были в районе Кантемировки соединиться с войсками, наносившими удар от Славянска. Для окружения советских войск, прикрывавших воронежское направление, были созданы две ударные группировки. Первая группировка в районе Щигры включала 12 пехотных, 4 танковых и 3 моторизованных дивизии, вторая – в районе Волчанска имела 12 дивизий, в том числе 2 танковые и одну моторизованную. Всего на воронежском направлении противник имел около 900 танков.

Войска Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов насчитывали 1715 тыс. человек, около 2,3 тыс. танков, 16,5 тыс. орудий и минометов, 758 боевых самолетов¹⁴⁸. Они превосходили войска группы армий «Юг» в живой силе и танках в 1,9 раза, имели равное с ней соотношение по артиллерии и минометам и в 2,2 раза уступали ей в количестве боевых самолетов.

Войска Брянского фронта (3, 48, 13, 40-я и 2-я воздушная армии; генерал-лейтенант Ф.И. Голиков), обороняясь в 350-километровой полосе от Белева до верховьев р. Сейм, непосредственно прикрывали воронежское направление. В состав фронта входили два танковых корпуса (1-й и 16-й) и 9 отдельных танковых бригад с общим количеством около 700 боевых машин, половину которых составляли легкие танки Т-60 и Т-70¹⁴⁹. Далее до Красного Лимана в полосе шириной 300 км располагался Юго-Западный фронт (21, 28, 38, 9, 57-я и 8-я воздушная армии; Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко). Оборону от Красного Лимана до Таганрогского залива (ширина полосы 250 км) занимал Южный фронт (37, 12, 18, 56, 24-я и 4-я воздушная армии; генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский).

Утром 28 июня армейская группа «Вейхс» (командующий – генерал-полковник М. Вейхс) перешла в наступление на левом крыле Брянского фронта между верховьем р. Сосна в районе Щигры. 30 июня началось наступление 6-й армии генерала Ф. фон Паулюса. Тогда же операция «Блау» была переименована в «Брауншвейг». К 3 июля подвижные группы противника соединились в районе Старого Оскола и окружили основные силы 21-й армии Юго-Западного фронта и 40-й армии Брянского фронта, которые сумели частично вырваться из окружения.

В результате успешного продвижения противника значительно ухудшилось положение советских войск на воронежском направлении. Резервы Брянского и Юго-Западного фронтов, находившиеся на этом направлении, были втянуты в сражение. На стыке двух фронтов образовалась брешь. Для восстановления положения на рубеж Дона на участок Задонск,

¹⁴⁷ См.: История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 5. С. 145–146.

¹⁴⁸ См.: История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 5. С. 144.

¹⁴⁹ См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1973. С. 62.

Клетская были выдвинуты резервные 3, 6 и 5-я армии, переименованные, соответственно, в 60-ю (генерал-лейтенант М.А. Антонюк), 6-ю (генерал-майор Ф.М. Харитонов) и 63-ю (генерал-лейтенант В.И. Кузнецов) армии. В районе Ельца сосредоточивалась недавно сформированная 5-я танковая армия и 1-я истребительная авиационная армия резерва Ставки.

Для восстановления положения командующий Брянским фронтом по требованию Сталина планировал нанести контрудар по противнику, используя переданные ему из состава Юго-Западного фронта 4-й и 24-й танковые корпуса и из резерва Ставки ВГК – 17-й танковый корпус. К участку прорыва противника по решению генерала Голикова стягивались 1-й и 16-й танковые корпуса, 115-я и 116-я отдельные танковые бригады. Для управления танковыми соединениями намечалось создать специальную оперативную группу. Сталин 3 июля одобрил решение генерала Голикова, но не разрешил создавать эту группу, приказав использовать для этой цели «Лизюкова с его штабом, подчинив ему танковые корпуса, действующие на этом направлении»¹⁵⁰. С 8 часов 4 июля командующему Брянским фронтом был подчинен 18-й танковый корпус, который запрещалось вводить в бой без разрешения Ставки ВГК¹⁵¹. Однако генерал Голиков нарушил это указание и вводил корпус в сражение по частям, по мере подхода железнодорожных эшелонов.

Итак, генерал Лизюков по прибытии на Брянский фронт попал сразу же в самое пекло сражения. К этому времени в состав 5-й танковой армии, по данным Генштаба Красной Армии, входили одна стрелковая дивизия, два танковых корпуса, одна танковая бригада, один легкий артиллерийский, один гвардейский минометный полки и отдельный инженерный.

Действия 5-й танковой армии могли быть усилены не потерявшими боеспособность частями 1-го и 16-го танковых корпусов, а также стрелковыми дивизиями из состава 3-й и 48-й армий. Этому благоприятствовала и оперативная обстановка. Танковые и моторизованные соединения противника при выходе к Дону растянулись на широком фронте. Все они уже понесли значительные потери и были связаны боями у Кастрого и на подступах к Воронежу. А развернувшиеся фронтом на север части 13-го армейского корпуса, так же как и части 55-го корпуса, не имели успеха: их сдерживали 1-я гвардейская стрелковая дивизия и 8-й кавалерийский корпус, выдвинутые из резерва фронта.

Утром 4 июля на командный пункт 5-й танковой армии прибыл начальник Генштаба генерал А.М. Василевский. Он поставил ей задачу не позже 5–6 июля нанести контрудар из района Дубровское в направлении Землянк, Хохол с целью перехватить коммуникации противника, прорвавшегося к Воронежу, и оказать помощь выходящим из окружения частям 40-й армии. Операцию было приказано начать не позднее 15–16 часов 5 июля, не ожидая полного сосредоточения всех сил армии. Танковым корпусам армии предстояло наступать не по направлениям их главных ударов, а как общевойсковым соединениям – с указанием полос наступления, разграничительных линий и мест расположения командных пунктов, перемещение которых разрешалось осуществлять только по распоряжению штаба армии. Это вело к нарушению принципа массированного применения танков, растягивало корпуса по фронту, осложняло организацию их взаимодействия. Однако генерал Лизюков вынужден был пойти на такое нарушение, так как приказ на наступление был разработан с участием представителя штаба Брянского фронта и обсуждению или изменению не подлежал.

К этому времени противник, продолжая наращивать свои усилия, вышел к Дону, форсировал его на некоторых участках и завязал бои за Воронеж. Советское командование начало перебрасывать в район города подкрепление. Это вынудило командующего 4-й танковой армией генерала Г. Гота отказаться от атаки Воронежа. Однако генерал Вейхс считал

¹⁵⁰ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 284.

¹⁵¹ Там же. С. 288.

необходимым возобновить с утра 6 июля наступление на город. С ним был солидарен и генерал-фельдмаршал фон Бок. Но командование Сухопутных войск вермахта решило осуществить его позже. Оно потребовало вывести из сражения 24-ю танковую дивизию и моторизованную дивизию «Великая Германия» и заменить их одной из моторизованных дивизий¹⁵². Обе дивизии намечалось использовать для наступления в южном направлении.

Наступление 5-й танковой армии развивалось не в соответствии с замыслом командующего фронтом. К назначенному сроку к исходному рубежу вышел только 7-й танковый корпус генерала П.А. Ротмистрова, переданный на усиление армии. Ее главные силы в это время перевозились по железной дороге, подвергаясь массированным ударам вражеской авиации. Поэтому пришлось осуществить контрудар только силами одного, 7-го танкового корпуса, усиленного 19-й танковой бригадой. Ему приказывалось к полудню 5 июля выйти в район Каменки и, не ожидая полного сосредоточения главных сил 5-й танковой армии, с утра следующего дня нанести в своей полосе удар на Землянский, разгромить противостоящего противника и овладеть Землянском¹⁵³. В штабе армии отсутствовали конкретные данные о противнике. Было известно только, что для прикрытия своей группировки, наступавшей на Воронеж, вражеское командование продолжает выдвигать к северу значительные силы. Поэтому генерал Ротмистров приказал выдвинуть в полосу предстоящего наступления корпуса подвижные разведывательные группы, которые установили, что в район Красной Поляны на елецком направлении выдвигается до 200 танков противника. Местность на этом направлении была труднопроходимой. Несмотря на это, генерал Ротмистров принял решение нанести внезапный удар именно по этой танковой группировке.

Утром 6 июля соединения 7-го танкового корпуса перешли в наступление. В результате в районе Красной Поляны произошло встречное сражение корпуса с частями 11-й танковой дивизии 24-го танкового корпуса противника. Всего в сражении с обеих сторон участвовало по 170 танков¹⁵⁴. К исходу дня противник был остановлен и отброшен за р. Кобылья Снова, по правому берегу которой он успел организовать прочную оборону и усилить ее подтянутыми из глубины резервами. В этом сражении 7-й танковый корпус понес большие потери в людях и боевой технике.

Ставка ВГК, стремясь не допустить окружения противником советских войск южнее Воронежа, 6 июля приказала отвести войска Юго-Западного и правого крыла Южного фронтов на новые рубежи. С целью улучшения управления войсками Ставка ВГК вечером следующего дня приняла решение разделить Брянский фронт на два фронта: Брянский и Воронежский. В состав Брянского фронта (командующий – генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов, затем генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский) вошли 3, 48, 13-я и 5-я танковые армии, 1-й и 16-й танковые и 8-й кавалерийский корпуса, авиационная группа генерала Г.А. Ворожейкина. В состав Воронежского фронта (командующий – генерал-лейтенант Ф.И. Голиков) были включены 40, 60 и 6-я армии, 4, 17, 18 и 24-й танковые корпуса и 2-я воздушная армия¹⁵⁵.

Войска Брянского фронта должны были силами 3, 48 и 13-й армий прочно удерживать занимаемый рубеж. На 5-ю танковую армию, усиленную 7-м танковым корпусом и одной стрелковой дивизией за счет 3-й резервной армии, возлагалась задача активными действиями на юг по западному берегу р. Дон в направлении на Хохол перехватить пути подвоза и тылы танковой группы противника, прорвавшейся на Дон у Воронежа¹⁵⁶.

¹⁵² См.: Бок Федор фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941–1945 / Пер. А. Кашина; науч. ред. А. Исаев, Н. Баринев. М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 463.

¹⁵³ См.: Ротмистров П.А. Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984. С. 116.

¹⁵⁴ Там же. С. 117.

¹⁵⁵ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 291–292.

¹⁵⁶ Там же.

Для оказания помощи в организации обороны в район Воронежа прибыли представители Ставки: начальник Главного автобронетанкового управления Красной Армии генерал-лейтенант танковых войск Я.Н. Федоренко, заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин и член Военного совета ВВС армейский комиссар 2 ранга П.С. Степанов.

Выполняя приказ Ставки ВГК, командующий 5-й танковой армией 7 июля ввел в сражение еще один танковый корпус (11-й). Однако ни он, ни 7-й танковый корпус не добились успеха. Противник, имея превосходство в воздухе, оказывал упорное сопротивление. Вражеские бомбардировщики группами по 12–20 машин бомбили объекты армии по 7–9 раз в день¹⁵⁷. Очень сильно страдала от бомбежек пехота (2-я и 12-я мотострелковые бригады), которая временами вообще вынуждена была прекращать боевые действия. Генерал Лизюков настойчиво требовал от командующего Брянским фронтом надежного авиационного прикрытия. В критическую минуту боя он не сдержался и резко заявил заместителю командующего фронтом генерал-лейтенанту Н.Е. Чибисову: «Прикройте нас с воздуха, и мы сделаем все, что необходимо. Вы не дали мне нанести удар железным кулаком, заставили вводить армию в бой по частям, так хоть теперь сделайте по-моему – дайте авиацию, иначе все погибнет»¹⁵⁸. В ответ Чибисов назвал Лизюкова трусом, не имея к тому никаких оснований.

Недоволен действиями Лизюкова был и Сталин. 9 июля по его указанию генерал Василевский направил командующим войсками Брянского фронта и 5-й танковой армией директиву № 170488, в которой говорилось:

«5-я танковая армия, имея перед собой противника не более одной танковой дивизии, третий день топчется на одном месте. Части армии из-за нерешительности действий ввязались в затяжные фронтальные бои, потеряли преимущество внезапности и не выполнили поставленную задачу.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

«Немедленно приступить к выполнению поставленной задачи и категорически потребовать от командиров корпусов решительных действий, смело обходить противника, не ввязываться с ним во фронтальные бои и к исходу 9.07 выйти к югу от Землянска на тылы группировки немецких частей, действующих против Воронежа»¹⁵⁹.

После ожесточенных боев 11-й танковый корпус генерала А.Ф. Попова и 7-й танковый корпус сломали сопротивление противника и, потеснив его на 4–5 км, вышли к исходу дня 10 июля к р. Сухая Верейка. В тот же день в наступление перешел 2-й танковый корпус генерала И.Г. Лазарева. Однако добиться существенных результатов войска 5-й танковой армии не смогли. В то же время командующий армейской группой «Вейхс» не смог выполнить приказ генерал-фельдмаршала фон Бока, так как был вынужден повернуть на север выдвигавшиеся в район Воронежа 24-й танковый корпус и три пехотные дивизии и тем самым ослабить удар на Воронеж. В сражение были втянуты значительные силы противника, в том числе 4-я танковая армия. Они были лишены возможности принять участие в развитии наступления вдоль Дона. С целью улучшению руководства войсками группа армий «Юг» 9 июля была разделена на группу армий «Б» (6-я армия и армейская группа «Вейхс»; генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок) и группу армий «А» (немецкие 1-я танковая, 11-я и 17-я армии, итальянская 8-я армия; генерал-фельдмаршал В. Лист).

12 июля в наступление перешли войска Воронежского фронта с целью очистить от противника восточный берег р. Дон, прочно закрепиться на реке, обеспечив за собой переправы.

¹⁵⁷ См.: Черушев Н.С. Из ГУЛАГа – в бой / Николай Черушев. М.: Вече, 2006. С. 344.

¹⁵⁸ Цит. по: Жилин В.А. Герои-танкисты 1941–1942 гг. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 114.

¹⁵⁹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 295.

Однако, встретив упорное сопротивление противника, они сумели занять только небольшой район в северной части Воронежа. Не добились успеха и войска Брянского фронта, пытавшиеся разгромить противника, прорвавшегося на восточный берег р. Олым, а затем продвигаться на Волово.

15 июля Ставка ВГК своей директивой № 170511 приказала вывести 5-ю танковую армию во фронтовой тыл и «как армию ликвидировать». Командующему Брянским фронтом были подчинены 2, 7 и 11-й танковые корпуса, входившие в состав армии, а ее командующий генерал-майор А.И. Лизюков назначен командиром 2-го танкового корпуса. Штаб армии требовалось вывести в тыл Брянского фронта с передачей его в резерв Ставки¹⁶⁰.

Воронежско-Ворошиловградская оборонительная операция из-за просчетов Ставки ВГК в определении направления главного удара противника и нерешительных действий командующих фронтами и армиями завершилась поражением войск левого крыла Брянского и правого крыла Юго-Западного фронтов. Ударные группировки врага прорвали их оборону на фронте более 250 км и на глубину 150–170 км, вышли на Дон в районе Воронежа и южнее, глубоко охватив правое крыло Юго-Западного фронта. Потери советских войск составили: безвозвратные – почти 371 тыс., санитарные – 197,8 тыс. человек¹⁶¹.

Генерал армии М.И. Казаков, возглавлявший в то время штаб Брянского фронта, вспоминал: «Первый опыт боевого применения танковой армии оказался неудачным. Начались разговоры о непригодности такого оперативного объединения вообще. Истинные же причины неудачи, на мой взгляд, были в другом: в неумении. Это умение пришло позднее. Руководство действиями 5-й танковой армии осуществлял непосредственно Генеральный штаб, и формально мы не несли ответственности за ее неудачи. Но справедливости ради не могу не заметить здесь, что, если бы командованию и штабу Брянского фронта была отведена в данном случае иная роль, если бы нас тоже привлекли к руководству контрударом, ход событий от этого вряд ли изменился. Судьба Воронежа была предрешена еще 3–4 июля, когда передовые части 48-го немецкого танкового корпуса вышли к реке Дон и без особых затруднений форсировали ее. После же упорных боев 5–7 июля немецкая 4-я танковая армия фактически овладела городом. В наших руках остались лишь городские предместья Отрожка и Придача, расположенные на восточном берегу реки Воронеж, а также студенческий городок на северной окраине города»¹⁶².

Был ли виновен генерал А.И. Лизюков в том, что 5-я танковая армия не справилась с поставленной задачей? Ответим однозначно: нет. Да, он допустил ошибки при организации контрудара, взаимодействия и управления, но к тому времени ни Лизюков, ни кто-либо другой в Красной Армии не имел опыта командования танковыми объединениями. Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский отмечал: «Он был хорошим командиром танковой бригады, мог бы быть неплохим командиром корпуса. Но танковая армия ему была не по плечу. Соединение новое, наспех сформированное, к тому же у нас еще и опыта не было применения такой массы танков. Армия впервые участвовала в бою, да еще в столь сложной обстановке».

¹⁶⁰ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 309–310. 25 июля 1942 г. один из батальонов 148-й танковой бригады 2-го танкового корпуса попал в окружение. Генерал-лейтенант Н.Е. Чибисов приказал командиру корпуса лично вывести этот батальон из западни. Вместе с полковым комиссаром Асоровым генерал Лизюков на танке КВ выехал в направлении деревни Медвежье в Воронежской области. Когда машину подбили, Лизюков приказал экипажу покинуть танк. Сам вылез последним. Автоматная очередь настигла его у башни. Его могила долгое время была неизвестной, а сам он, по официальным данным, оставался пропавшим без вести. В 2008 г. были предположительно найдены останки генерала в братской могиле у села Лебяжье. По желанию родственников 7 мая 2009 г. они были перезахоронены на Аллее Славы в Воронеже.

¹⁶¹ См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 278.

¹⁶² Цит. по: Казаков М.И. Над картой былых сражений. М.: Воениздат, 1971. С. 113–114.

новке, и, конечно, все это не могло не отразиться на ее действиях. Было от чего впасть в отчаяние командарму»¹⁶³.

* * *

Ликвидированная 5-я танковая армия, в отличие от других танковых армий смешанного состава, восстала как птица Феникс из пепла. 28 июля 1942 г. начальник Генштаба генерал А.М. Василевский направил командующему войсками Брянского фронта директиву № 994129 о сохранении управления 5-й танковой армией с частями обеспечения. Весь состав, работающий не по назначению, а также тыловые части и учреждения армии, переданные в 4-ю резервную армию, предписывалось немедленно возвратить в 5-ю танковую армию. Начальникам центральных управлений НКО приказывалось немедленно возвратить в армию изъятые из ее управления отделы связи, санитарный, ветеринарный, политотдел. В директиве отмечалось, что указания по дальнейшему использованию управления армии будут даны дополнительно¹⁶⁴.

17 августа командующему Брянским фронтом, начальнику штаба 5-й танковой армии и заместителю командующего 3-й танковой армией генералу П.С. Рыбалко направляется директива № 1036031 о переброске в район Самозвановка, Скуратово в распоряжение генерала Рыбалко управления 5-й танковой армии (509-й отдельный батальон связи, 51-я отдельная кабельно-шестовая и 241-я отдельная телеграфно-эксплуатационная роты, тыловые учреждения). 30 августа следует новая директива Ставки ВГК за № 994176, в которой командующему войсками Брянского фронта приказывалось к 3 сентября восстановить 5-ю танковую армию и сосредоточить ее в районе Косая Гора, Крапивна, станция Щекино. Армия подчинялась командующему фронтом. Командующим армией назначался генерал-майор П.С. Рыбалко, который был освобожден от должности заместителя командующего 3-й танковой армией. В состав 5-й танковой армии включались 1-й и 26-й танковые корпуса, 119-я стрелковая дивизия, управление 5-й танковой армии с частями обеспечения, учреждениями обслуживания и всеми армейскими тылами. Оперативное использование 5-й танковой армии без разрешения Ставки не допускалось¹⁶⁵.

В должности командующего 5-й танковой армией генерал П.С. Рыбалко пробыл недолго. Уже 22 сентября директивой № 994202 Ставки ВГК он был назначен командующим 3-й танковой армией. Этой же директивой генерал-лейтенант П.Л. Романенко был освобожден от обязанностей заместителя командующего войсками Западного фронта и командующего 3-й танковой армией и назначен заместителем командующего Брянским фронтом и командующим 5-й танковой армией. Он, как мы уже отмечали, в декабре 1940 г. на совещании комсостава Красной Армии ратовал за массированное применение танков в современной войне. «В дальнейшем, когда мы довольно близко познакомились с Романенко, — вспоминал генерал армии С.П. Иванов, — он говорил мне, что И.В. Сталин запомнил это и главным образом потому и поручил ему командование 5-й танковой армией в первой в истории войны операции, когда появилась возможность по-настоящему массированного удара танками при мощной поддержке авиации и артиллерии»¹⁶⁶.

Одновременно заместитель командующего 3-й танковой армией генерал-майор А.П. Панфилов назначался заместителем командующего 5-й танковой армией¹⁶⁷. 22 сентября

¹⁶³ Цит. по: Рокоссовский К.К. Содатский долг. М.: Воениздат, 1968. С. 134.

¹⁶⁴ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 331.

¹⁶⁵ Там же. С. 376–377.

¹⁶⁶ Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 421.

¹⁶⁷ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 394.

директивой № 994203 5-я танковая армия из резерва Ставки была передана в резерв командующего войсками Брянского фронта. Армию предписывалось сосредоточить в район Плавска, а в ее состав из 3-й танковой армии передавались 154-я стрелковая дивизия, 105-я танковая бригада и мотоциклетный полк¹⁶⁸. Через месяц – 22 октября – 5-я танковая армия, наряду с 63-й и 21-й армиями, вошла в состав созданного по директиве № 994273 Юго-Западного фронта. Командующим фронтом был назначен генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин, а начальником штаба – генерал-майор Г.Д. Стельмах¹⁶⁹. На этом организационные мероприятия для воссозданной 5-й танковой армии не завершились. По директиве № 994279 от 1 ноября начальником штаба армии был назначен генерал-майор А.И. Данилов, заместителем командующего армией – генерал-майор Я.С. Фоканов, освобожденный от должности командира 47-й гвардейской стрелковой дивизии. Полковник И.И. Другов был освобожден от должности начальника штаба 5-й танковой армии и зачислен в распоряжение заместителя наркома обороны генерала Я.Н. Федоренко¹⁷⁰.

5-й танковой армии было суждено принять участие в одной из крупнейших наступательных операций Великой Отечественной войны – контрнаступлении под Сталинградом.

Сталинградская стратегическая наступательная операция (19 ноября 1942 г. – 12 февраля 1943 г.)

В ходе оборонительных сражений на сталинградском направлении в Ставке ВГК и Генеральном штабе Красной Армии была проведена большая работа по планированию и подготовке контрнаступления под Сталинградом. Его инициаторами были генерал армии Г.К. Жуков и генерал-полковник А.М. Василевский, о чем они подробно рассказывают в своих мемуарах.

К началу контрнаступления Юго-Западный (1-я гвардейская, 21-я, 5-я танковая, 17-я воздушная армии и с декабря 1942 г. 2-я воздушная армия), Донской (65, 24, 66-я, 16-я воздушная армии) и Сталинградский (62, 64, 57, 51, 28-я, 8-я воздушная армии) фронты насчитывали 1 103 тыс. человек, 15 500 орудий и минометов, 1463 танка и САУ, 1350 боевых самолетов. По другим данным, в трех фронтах насчитывалось около 979 танков, из которых более 80 % находилось на Юго-Западном и Сталинградском фронтах¹⁷¹. Им противостояли итальянская 8-я, румынские 3-я и 4-я армии, немецкие 6-я полевая и 4-я танковая армии группы армий «Б» (командующий – генерал-полковник М. Вейхс); всего более 1 011,5 тыс. человек, 10 290 орудий и минометов, 675 танков и штурмовых орудий, 1216 боевых самолетов. По живой силе соотношение сил сторон было равным. По артиллерии и минометам советские войска превосходили противника в 1,5 раза, по танкам и САУ – в 2,1, по самолетам – в 1,1 раза.

Операция получила кодовое наименование «Уран». Ее замысел состоял в том, чтобы ударами войск Юго-Западного фронта с плацдармов на южном берегу Дона, в районах Серафимовича и Клетской, и левого крыла Сталинградского фронта, из района Сарпинских озер южнее Сталинграда, в северо-западном направлении разгромить войска, прикрывавшие фланги ударной группировки противника. В последующем, развивая наступление по сходящимся направлениям на Калач, Советский, намечалось окружить и уничтожить его главные силы, действовавшие непосредственно под Сталинградом. На долю войск Донского фронта выпадало нанесение двух вспомогательных ударов. Первый удар – силами 65-й и 21-й армий из района восточнее Клетской на юго-восток с целью свертывания обороны противника на

¹⁶⁸ Там же. С. 395.

¹⁶⁹ Там же С. 440.

¹⁷⁰ Там же. С. 448.

¹⁷¹ См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1973. С. 75.

правом берегу Дона. Второй удар – войсками 24-й армии вдоль левого берега Дона на юг, чтобы отсечь группировку противника, находившуюся в малой излучине Дона. Одновременно соединения 66-й армии должны были сковывать противостоящие вражеские части, ведя активные действия.

По решению Ставки ВГК в состав Юго-Западного фронта, игравшего главную роль в операции, 25 октября были переданы из Донского фронта четыре стрелковые дивизии (226, 293, 333 и 277-я), 4-й танковый и 3-й кавалерийский корпуса, несколько артиллерийских и истребительно-противотанковых артиллерийских полков и другие части.

Войска 5-й танковой армии по состоянию на 1 ноября 1942 г. включали 5 стрелковых дивизий, два танковых корпуса, одну танковую бригаду, один мотоциклетный полк, отдельный мотоциклетный батальон, артиллерийские, зенитные и инженерные части и подразделения.

3 ноября 1942 г. на командном пункте Юго-Западного фронта под руководством генерала армии Г.К. Жукова и при участии генералов А.М. Василевского, Н.Н. Воронова, А.А. Новикова и Я.Н. Федоренко состоялось совещание руководящего состава 5-й танковой и 63-й армий. Присутствовали командармы, начальники их штабов, а также командиры корпусов и ряда дивизий. Командующий фронтом генерал Н.Ф. Ватутин доложил, что главный удар с плацдарма юго-западнее Серафимовича в общем направлении на Калач будут наносить 5-я танковая и 21-я армии. Им предстояло прорвать оборону румынской 3-й армии на двух участках (5-я танковая армия на участке шириной 10 км, 21-я армия – 12 км), развить подвижными соединениями наступление в юго-восточном направлении, разгромить оперативные резервы врага, выйти во фланг и в тыл его главной группировки, действовавшей в районе Сталинграда. На третий день операции предусмотрено соединение танковых корпусов ударной группировки в районе Калач, Советский с войсками Сталинградского фронта и завершение окружения противника.

Действия ударной группировки Юго-Западного фронта намечалось поддержать с запада вспомогательным ударом тремя стрелковыми дивизиями 63-й армии с линии Рубежинский, Ягодный в общем направлении на Боковскую, а с востока – 65-й армией Донского фронта с рубежа Клетская, Мело-Меловский в общем направлении на Вертячий.

При обсуждении оперативного построения войск 5-й танковой армии между участниками совещания возникла дискуссия. Вот что по этому поводу вспоминает генерал армии С.П. Иванов: «П.Л. Романенко считал целесообразным двухэшелонное построение не только в дивизиях, но в отдельных случаях и в полках. Против этого выступили Н.Н. Воронов и А.А. Новиков, казалось бы, не имевшие прямого отношения к действиям пехоты, но аргумент их был, как говорится, железным. Они сослались на то, что совсем недавно издан приказ НКО № 306 об одноэшелонном боевом порядке во всех тактических звеньях. Николай Николаевич весьма дотошно, как это ему было свойственно, объяснил, что стрелковая дивизия, построенная в два эшелона для атаки переднего края обороны противника, имела в первом всего 8 стрелковых рот из 27. Остальные 19 рот, располагаясь за первым эшелонном на глубину до двух километров, полностью лишались возможности использовать свои огневые средства. На это Прокофий Логвинович возразил, что необязательно строить в два эшелона боевые порядки батальонов, ведь лишь при этом получается та порочная картина, которую нарисовал начальник артиллерии Красной Армии. Командарма 5-й танковой поддержал А.С. Желтов. Однако ни Г.К. Жуков, ни А.М. Василевский в эту дискуссию не вступили, а генерал Н.Ф. Ватутин сказал, что, поскольку прорыв обороны стрелковыми соединениями предусматривается всего на фронте 8—12 километров, они сумеют выполнить задачу и в одноэшелонном построении. Как выяснилось потом, правы оказались А.С. Желтов и П.Л. Романенко:

наша пехота именно из-за одноэшелонного построения не справилась со своей задачей и танкам пришлось «допрорывать» оборону противника, что вызвало лишние потери»¹⁷².

Таким образом, оперативное построение войск 5-й танковой армии было предрешиено – в один эшелон с выделением подвижной группы и резерва. Первый эшелон (47-я и 14-я гвардейские, 119-я и 124-я стрелковые дивизии) предназначался для прорыва главной полосы обороны противника и обеспечения ввода в прорыв подвижной группы (1-й, 26-й танковые корпуса, 8-й кавалерийский корпус и 8-й мотоциклетный полк). Ее планировалось ввести в сражение в первый день операции после прорыва стрелковыми дивизиями главной полосы обороны противника на глубине 8—10 км от переднего края. 1-й танковый корпус генерала В.В. Буткова получил задачу нанести удар в направлении Липовский, Тузов и к исходу второго дня операции овладеть районом Тузова. Передовыми частями корпус должен был захватить переправы через Дон южнее Тузова и перерезать железную дорогу в районе Суровикино. 26-му танковому корпусу, которым командовал генерал А.Г. Родин, было приказано стремительно развить наступление в направлении Перелазовский, Калач и к исходу третьего дня операции во взаимодействии с 4-м танковым корпусом 21-й армии, 4-м механизированным и 13-м танковым корпусами Сталинградского фронта завершить окружение вражеской группировки в районе Сталинграда и быть готовыми к ее уничтожению. Глубина задачи подвижной группы составляла 140 км. Это расстояние предусматривалось преодолеть в течение трех суток со среднесуточным темпом 40–45 км.

Вслед за 1-м танковым корпусом намечалось ввести 8-й кавалерийский корпус и 8-й мотоциклетный полк. При этом мотоциклетный полк должен был обогнать части танкового корпуса и к исходу первого дня операции выйти к р. Чир, в 30 км западнее Суровикино, перерезав железную дорогу на участке Сталинград – Лихая. Кавалерийскому корпусу наступлением в южном направлении предстояло обеспечить действия ударной группировки 5-й танковой армии с запада и юго-запада. В резерве командарма оставались два полка 346-й стрелковой дивизии.

В некоторых работах говорится о двухэшелонном построении 5-й танковой армии. В первом эшелоне – 47-я гвардейская, 119-я и 124-я стрелковые дивизии, во втором эшелоне – 159-я стрелковая дивизия, в эшелоне развития успеха (подвижной группе) – 1-й и 26-й танковые корпуса, 8-й кавалерийский корпус и 8-й мотоциклетный полк. Кроме того, была создана сковывающая группа (14-я гвардейская стрелковая дивизия и 1166-й стрелковый полк 346-й стрелковой дивизии).

4-й танковый корпус генерала А.Г. Кравченко, действовавший в составе 21-й армии Юго-Западного фронта, получил задачу развить наступление в общем направлении на Манойлин, Голубинский и к исходу второго дня операции захватить переправы через Дон севернее Калача. В дальнейшем корпусу предстояло наступать на Советский с задачей совместно с 26-м танковым корпусом 5-й танковой армии и 4-м механизированным корпусом Сталинградского фронта завершить окружение противника в районе Сталинграда. 16-му танковому корпусу генерала А.Г. Маслова Донского фронта предписывалось развивать наступление 24-й армии в направлении Вертячий, Песковатка и к исходу первого дня во взаимодействии с 3-м гвардейским кавалерийским корпусом окружить задонскую группировку противника.

13-й танковый корпус (командир – генерал Т.И. Танасчишин)¹⁷³ Сталинградского фронта намечалось в первый день операции ввести в сражение в полосе 57-й армии. Ему предстояло стремительным броском к исходу дня выйти в район Рокотина (глубина задачи –

¹⁷² Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 448.

¹⁷³ 13-й танковый корпус до февраля 1943 г. именовался танковым, хотя был сформирован по штатам механизированного корпуса.

60–65 км) с целью не допустить отхода противника из Сталинграда в юго-западном направлении. 4-й механизированный корпус (командир – генерал В.Т. Вольский) этого же фронта получил задачу стремительно развить наступление 51-й армии в западном направлении, к исходу второго дня операции выйти в район Советского (глубина задачи – до 90 км) и во взаимодействии с подвижными соединениями Юго-Западного фронта завершить окружение противника в районе Сталинграда.

Отдельные танковые бригады, полки и батальоны всех армий планировалось использовать в тесном взаимодействии с пехотой для ее непосредственной поддержки. В связи с тем, что танков для этого было мало, их плотность на участках прорыва не превышала 5–6 единиц на 1 км фронта. Поэтому для усиления пехоты командующие фронтами были вынуждены использовать танки танковых и механизированных корпусов: на Юго-Западном фронте – 216-я танковая бригада 26-го танкового корпуса 5-й танковой армии; в 51-й армии – два танковых полка 4-го механизированного корпуса; в 57-й армии – танковый полк 13-го танкового корпуса. Это позволило несколько повысить плотность танков НПП, в частности, в 5-й танковой армии – до 12–14 боевых машин на 1 км фронта.

Задача артиллерийского обеспечения ввода в сражение танковых и механизированного корпусов возлагалась на армейские артиллерийские группы и артиллерию стрелковых дивизий, в полосах наступления которых планировался их ввод. В 5-й танковой армии были созданы артиллерийские группы в каждом стрелковом полку первого эшелона, а также армейская артиллерийская группа дальнего действия и армейская группа реактивных установок. Управление огнем артиллерии в ходе наступления предусматривалось осуществлять артиллерийскими корректировщиками из радиальных танков. Основной задачей авиационного обеспечения являлось прикрытие корпусов с воздуха, а также содействие их продвижению путем нанесения ударов по наземному противнику. Для лучшего взаимодействия авиации с наземными войсками один авиационный корпус 17-й воздушной армии был оперативно подчинен командующему 5-й танковой армией.

В период подготовки к операции в штабах частей и соединений проводились военные игры на картах и на ящиках с песком, штабные тренировки и поездки командного состава в район предстоящих действий для ознакомления с местностью. В войсках состоялись специальные тренировочные занятия, на которых особое внимание уделялось взаимодействию танков с пехотой, артиллерией, авиацией и инженерными войсками. Запасы материальных средств составляли 2–3 боекомплекта, 2–3 заправки горючего и 9–15 суточных дач продовольствия¹⁷⁴.

С целью обеспечения скрытности подготовки к операции передвижение частей и соединений осуществлялось только ночью, а радиостанции работали лишь на прием. С планом операции был ознакомлен лишь узкий круг командиров, и только в необходимом объеме. Остальному командному составу конкретные задачи ставились лишь за сутки или двое до начала наступления. Танковые корпуса Юго-Западного фронта к началу наступления были скрытно сосредоточены на правом берегу Дона на удалении 15–20 км от переднего края. Соединения и части, предназначенные для непосредственной поддержки пехоты, заняли выжидательные позиции за 2–3 дня до перехода в наступление в 4–6 км от переднего края. В результате принятых мер противник, внимательно следивший за любым перемещением, не заметил нависшей над ним опасности. Соединения 6-й армии и основные силы 4-й танковой армии врага продолжали бои в Сталинграде. На направлении главных ударов советских войск по-прежнему оборонялись румынские части и соединения.

Утром 19 ноября повалил густой крупный снег, который смешивался с туманом. Видимость не превышала 250 метров. В таких условиях действия артиллерии очень затруднены.

¹⁷⁴ См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С. 78.

Несмотря на это, она в установленный срок приступила к проведению артиллерийской подготовки. В полосе Юго-Западного фронта оборона румынской 3-й армии была подавлена на двух участках. «Мощная канонада нанесла врагу немалый урон и произвела на него сильное моральное воздействие, – вспоминал С.П. Иванов. – Однако из-за плохой видимости далеко не везде оборона была сокрушена, особенно на фланговых участках прорыва»¹⁷⁵.

Стрелковые соединения 5-й танковой и 21-й армий быстро взломали передний край обороны противника и устремились вперед. Вначале они встретили относительно слабое сопротивление. Сказались результаты мощной артиллерийской подготовки. Однако по мере продвижения сопротивление противника возрастало. В связи с тем, что стрелковые дивизии, имевшие одноэшелонное построение, не имели сил для наращивания удара, командующие 5-й танковой и 21-й армий с целью завершения прорыва ввели в сражение между 12 и 13 часами дня 1, 26 и 4-й танковые корпуса. Они вводились в двухэшелонном построении по нескольким заранее подготовленным маршрутам: 1-й и 26-й – по четырем, а 4-й – по двум. Решение о движении 1-го и 26-го танковых корпусов по четырем маршрутам было обусловлено условиями местности – наличием рек и глубоких оврагов.

В полосе действий 1-го танкового корпуса события развивались следующим образом. Разведывательные дозоры, высланные к боевым порядкам стрелковых частей, не смогли в густом тумане быстро сориентироваться на ровной, заснеженной местности и установить местонахождение пехоты. Из-за этого танковые бригады, вышедшие к 10 часам на южную и юго-восточную окраины хутора Калмыковский, вынуждены были задержаться здесь. Тем временем выяснилось, что враг готовится к отходу в полосе 119-й стрелковой дивизии полковника М.М. Данилова. В связи с этим генерал П.Л. Романенко приказал вводить 159-ю танковую бригаду несколько восточнее ранее намеченного маршрута. Командир бригады подполковник С.П. Хайдуков в спешке не выслал разведки и не назначил отряда обеспечения движения. Шедшие впереди два танка непосредственного охранения наскочили на минное поле и подорвались. При попытке головного батальона на большой скорости преодолеть этот участок было повреждено еще 5 танков. Следовавшие позади батальоны пошли в обход минного поля, но у них также вышли из строя 5 танков. С разрешения командира корпуса бригада вынуждена была вернуться, чтобы возобновить выдвижение по первоначально намеченному маршруту.

Генерал С.П. Иванов, прибывший на КП 1-го танкового корпуса, посоветовавшись с генералом В.В. Бутковым, обратился к командарму с просьбой разрешить готовить к вводу в сражение второй эшелон корпуса, так как 159-й танковой бригаде, потерявшей 12 танков, требовалось время, чтобы привести себя в порядок.

К двум часам дня 19 ноября 117-я и 89-я танковые бригады подполковников Д.М. Федорова и А.В. Жукова, обогнав пехоту, продвинулись на 4 км и вышли в район хутора Клиновый и фермы № 2. Здесь находились огневые позиции двух артиллерийских полков и до батальона пехоты противника. Было решено уничтожить их ударом 117-й танковой бригады с северо-запада, а с фронта сковать врага силами 159-й танковой бригады. К этому времени к восточной и северо-восточной окраинам фермы № 2 подошла 157-я танковая бригада (подполковник А.С. Шевцов) 26-го танкового корпуса. Организовав взаимодействие, все четыре танковые бригады с различных направлений энергично атаковали противника, который не оказал сопротивления и сдался в плен.

8-й мотоциклетный полк полковника П.А. Велика, пытавшийся ночной атакой ворваться в поселок совхоза «Усть-Медведицкий», был остановлен огнем вражеских танков. В результате выяснилось, что в районе совхоза располагается 22-я танковая дивизия (около 45 танков, большей частью легких), а в самом поселке – штаб 48-го танкового корпуса, кото-

¹⁷⁵ Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 460.

рый усиленно, пренебрегая элементарной маскировкой, разыскивает по радио свою румынскую 1-ю танковую дивизию (около 40 трофейных чешских танков)¹⁷⁶. Корпусу было приказано занять исходное положение в районе Перелазовский, Большая Донщинка, Петровка, так как предполагалось, что советские войска нанесут главный удар с плацдарма у Клетской. Корпусу предстояло нанести контрудар в двух направлениях: на Клетскую и на Серафимовичи.

В районе совхоза «Усть-Медведицкий» части 1-го танкового корпуса вновь встретились со 157-й танковой бригадой 26-го танкового корпуса, которая также сбилась с маршрута. Мотоциклисты вывели ее на правильный путь в сторону высоты 204,6, куда ей надлежало двигаться.

Обо всем этом генерал С.П. Иванов доложил начальнику штаба фронта, а тот, в свою очередь, генералу Н.Ф. Ватутину. Немедленно были приняты решительные меры для ускорения движения 26-го танкового корпуса на Перелазовский, где оставался теперь лишь штаб румынского 5-го армейского корпуса. Одновременно 1-му танковому корпусу было приказано сковать немецкую 22-ю танковую дивизию непрерывными атаками до подхода 8-го кавалерийского корпуса.

Командир 26-го танкового корпуса, узнав об отсутствии у врага танков, решил овладеть Перелазовским с ходу. Эту задачу он возложил на 157-ю танковую и 14-ю мотострелковую бригады. Разгромив части 14-й пехотной дивизии противника, правофланговые бригады корпуса к рассвету 20 ноября вышли к Перелазовскому, пройдя 35 км. Подразделения 157-й танковой бригады подполковника А.С. Шевцова стремительно атаковали противника с фронта, а 14-я мотострелковая бригада подполковника Г.Н. Филиппова стала обходить Перелазовский с востока и запада. Удар был настолько внезапным и сильным, что ошеломленный противник (тыловые части румынской 1-й танковой дивизии и штаб 5-го армейского корпуса) начал большими группами сдаваться в плен. Однако на левом фланге 26-го танкового корпуса его 19-я танковая бригада, втянувшись в бои за отдельные опорные пункты, отстала и присоединилась к корпусу лишь 21 ноября. Быстрое продвижение в первые сутки, ограниченное количество радиостанций и малый радиус их действия явились причиной временной потери связи штаба корпуса с бригадами. В результате корпус задержался в Перелазовском на целые сутки, что сказалось на общих темпах наступления.

Успешно действовал и 4-й танковый корпус А.Г. Кравченко, введенный в сражение в полосе 21-й армии. Он, стремительно завершив прорыв главной полосы вражеской обороны, к исходу дня 19 ноября продвинулся на 30–35 км.

Командующий 6-й армией генерал Паулюс сразу почувствовал надвигающуюся угрозу, но своевременных контрмер не принял. Только в десять часов вечера 19 ноября командующий группой армий «Б» генерал-полковник М. фон Вейхс подписал следующий приказ:

«Обстановка, складывающаяся на фронте 3-й румынской армии, вынуждает принять радикальные меры с целью быстрее высвобождения сил для прикрытия фланга 6-й армии и обеспечения безопасности ее снабжения по железной дороге на участке Лихая (южнее Каменск-Шахтинский), Чир. В связи с этим приказываю:

1. Немедленно прекратить все наступательные операции в Сталинграде, за исключением действий разведывательных подразделений, сведения которых необходимы для организации обороны.

2. 6-й армии немедленно выделить из своего состава два моторизованных соединения, одну пехотную дивизию и по возможности одно моторизованное вспомогательное соединение, подчинив их штабу 14-го танкового корпуса, и, кроме того, как можно больше проти-

¹⁷⁶ См.: Дерр Г. Поход на Сталинград. М.: Воениздат, 1957. С. 67.

вотанковых средств и сосредоточить эту группировку поэшелонно за своим левым флангом с целью нанесения удара в северо-западном или западном направлении»¹⁷⁷.

Генерал фон Вейхс, видимо, не до конца осознавал опасность, поскольку выделил незначительное количество сил для парирования удара советских войск.

К полудню 20 ноября части 1-го танкового корпуса 5-й танковой армии совместно с 8-м кавалерийским корпусом после ожесточенных боев овладели Песчаным. После этого 1-й танковый корпус по приказу командующего армией сдал свой участок кавалерийским соединениям и возобновил наступление в южном направлении.

Получив сообщение о вклинении советских войск южнее Клетской и об атаках в районе Серафимовичи, командующий группой армий «Б» приказал 48-му танковому корпусу наступать на Клетскую. Но уже вечером 20 ноября задача корпусу была изменена. В штаб группы армий «Б» поступил приказ Гитлера, в котором 48-му танковому корпусу была поставлена задача немедленно нанести удар по противнику в северном направлении и освободить «группу Ласкара», то есть румынскую 15-ю дивизию, окруженную на Дону у Распопинской. Однако в районе Жирков соединения 5-й танковой армии нанесли удар по румынской 1-й танковой дивизии, а южнее Усть-Медведицкого – по немецкой 22-й танковой дивизии. В результате обе дивизии оказались в полуокружении. Командующий группой армий «Б» вынужден был отдать 48-му танковому корпусу приказ в ночь на 21 ноября оторваться от противника и сосредоточиться южнее р. Куртлак.

Из-за того, что в это время была потеряна связь с румынской 1-й танковой дивизией, лишь 22-я танковая дивизия с наступлением темноты начала отрываться от противника. В это время в штаб дивизии поступил приказ о наступлении в новом направлении. Поэтому на рассвете 21 ноября части 22-й танковой дивизии начали двигаться на северо-восток, но в районе Большой Донщинки были атакованы 1-м танковым корпусом 5-й танковой армии. Его соединения, не втягиваясь в затяжные бои, обошли Большую Донщину и, громя отходящие части противника, к исходу 21 ноября овладели Липовским.

Части 26-го танкового корпуса возобновили наступление в час дня 21 ноября. Не встречая организованного сопротивления, они к исходу дня преодолели 60–70 км, захватили крупные опорные пункты в Плесистовском и Острове, куда в спешном порядке выдвигалась 3-я моторизованная дивизия противника, получившая задачу во что бы то ни стало задержать выход советских войск к Дону. У р. Лиска завязались встречные бои. На этот раз роли переменились по сравнению с тем, что происходило тут в последних числах июля. Под ударами 26-го танкового корпуса 3-я моторизованная дивизия вынуждена была отходить к Дону.

4-й танковый корпус генерала Кравченко, развивая наступление, к исходу дня 21 ноября вышел к Дону юго-восточнее хутора Липологовский и севернее хутора Рубежный. В результате пути отхода противника из излучины реки на юг оказались отрезанными.

Части 1-го танкового корпуса, развивая успех, к исходу дня 22 ноября вышли в район Тузова, пройдя за день до 80 км. Однако вместо того чтобы преследовать отходящего противника и главными силами освободить Суровикино и Рычковский, командир корпуса генерал Бутков выслал к этим станциям лишь небольшие отряды. Они не смогли захватить их с ходу, а противник получил возможность организовать здесь сильную оборону.

26-й танковый корпус, наступавший левее, в это время продвигался к переправам через Дон. Генерал Родин решил стремительным ударом разгромить противостоящие части 3-й моторизованной дивизии, форсировать Дон и захватить Калач. Для захвата единственной переправы севернее Калача командир корпуса выделил передовой отряд (две роты 14-й мотострелковой бригады, пять танков 157-й танковой бригады и бронемашину 15-го отдельного разведывательного батальона). Отряд возглавил командир 14-й мотострелковой бри-

¹⁷⁷ Цит. по: Дерр Г. Поход на Сталинград. С. 69.

гады подполковник Г.Н. Филиппов. Умело маневрируя, отряд обошел узлы сопротивления противника и к рассвету 22 ноября с зажженными фарами на большой скорости подошел к Дону западнее Калача. Однако переправы в этом районе не было. Тогда, воспользовавшись данными, полученными от местного населения, отряд быстро выдвинулся к Березовскому, уничтожил вражескую охрану, овладел мостом и вышел на левый берег Дона. Но с ходу овладеть Калачом не удалось. Поэтому отряд перешел к обороне и удерживал переправу до подхода главных сил корпуса. После этого 19-я танковая бригада переправилась на левый берег Дона и в ходе упорного боя в два часа дня 23 ноября овладела городом Калач. 25 ноября 26-й танковый корпус был переподчинен командующему 21-й армией. Наступая в восточном и северо-восточном направлениях, он совместно со стрелковыми дивизиями принимал участие в создании внутреннего фронта окружения противника.

Удар подвижных войск Юго-Западного фронта навстречу войскам Сталинградского фронта продолжал развивать 4-й танковый корпус. Его соединения, воспользовавшись переправой, захваченной 26-м танковым корпусом, вышли на левый берег Дона и стали наступать в юго-восточном направлении. 45-я танковая бригада в 16 часов 23 ноября вышла в район Советского и соединилась с 36-й механизированной бригадой 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта. В результате кольцо окружения вокруг группировки противника в междуречье Дона и Волги замкнулось. В последующем 4-й танковый корпус вел бои местного значения, а в конце ноября был выведен на доукомплектование.

Стрелковые дивизии 5-й танковой армии в период 23–25 ноября, наступая в юго-западном направлении, вышли на рубеж в 10–15 км восточнее Боковской, Суровикино, где создали внешний фронт окружения, обеспечивая действия танковых соединений с запада и юго-запада. Успешно действовал 8-й мотоциклетный полк подполковника П.А. Велика, который 22 ноября продвинулся на 90 км и овладел Красным Селом (20 км севернее Обливской). Расположив в этом пункте главные силы, полк начал действовать в тылу противника отдельными отрядами в радиусе 35–50 км. Однако, увлекшись диверсиями, полк упустил благоприятный момент для овладения Обливской.

Тяжелые бои развернулись в полосе Донского фронта. Трудные условия местности сковывали маневр танковых частей и вынуждали их вести наступление в узком коридоре. Войскам фронта не удалось перерезать пути отхода на Сталинград группировки противника, действовавшей в малой излучине Дона. После того как 23 ноября войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились в районе Калача, хутор Советский, войска Донского фронта получили возможность развивать наступление на Сталинград, сжимая внутреннее кольцо окружения противника. В окружении оказались 22 дивизии и более 160 отдельных частей общей численностью 330 тыс. человек. Это было значительно больше, чем предполагалось, поэтому возникла проблема с ликвидацией окруженной группировки, так как выделенных сил явно не хватало. Кроме того, нельзя было допустить прорыва войск 6-й полевой и 4-й танковой армий из котла, а для этого следовало провести сложные перегруппировки, усилить внешний и внутренний фронты окружения.

Командующий 6-й армией генерал Паулюс докладывал в шесть часов вечера 22 ноября генералу фон Вейхсу:

«Армия окружена. Вся долина р. Донская Царица, железная дорога от Советского до Калача, мост через Дон в этом районе, высоты на западном берегу реки до Голубинского, Оськинского и Крайнего, несмотря на героическое сопротивление, перешли в руки русских. Другие их силы продвигаются с юго-востока через Бузиновку на север и особенно крупные силы – на запад.

Обстановка в районе Суровикино и на р. Чир неизвестна. В Сталинграде и на северном участке фронта отмечается усиленная деятельность разведывательных подразделений... Южный участок фронта восточнее Дона после прорыва еще не восстановлен. Стоит ли за

счет значительного ослабления северного участка организовать оборону на узкой полосе на рубеже Карповка, Мариновка, Голубинский – сомнительно... Запасы горючего скоро кончатся, танки и тяжелое оружие в этом случае будут неподвижны. Положение с боеприпасами критическое. Продовольствия хватит на 6 дней. Командование армии предполагает удерживать оставшееся в его распоряжении пространство от Сталинграда до Дона и уже принимает необходимые меры... Прошу предоставить свободу действий на случай, если не удастся создать круговую оборону. Обстановка может заставить тогда оставить Сталинград и северный участок фронта, чтобы обрушить удары на противника всеми силами на южном участке фронта между Доном и Волгой и соединиться здесь с 4-й танковой армией. Наступление в западном направлении не обещает успеха в связи со сложными условиями местности и наличием здесь крупных сил противника»¹⁷⁸.

К этому времени, по воспоминаниям генерала армии С.П. Иванова, обострились отношения между командующим фронтом генералом Н.Ф. Ватутиным и командующим 5-й танковой армией генералом П.Л. Романенко. Командарм был обижен тем, что фронт, по существу, отобрал у него руководство танковыми корпусами. Он считал также, что кольцо окружения по праву должны замкнуть танкисты Филиппенко и 14-я мотострелковая бригада подполковника Филиппова. Генерал Н.Ф. Ватутин при молчаливой поддержке генерала А.М. Василевского обвинил командарма в том, что его нельзя заставить на армейском КП, что он непрерывно «прыгает» из соединения в соединение, поэтому его штаб предоставлен сам себе. Романенко был высказан также упрек в потере управления 1-м танковым и 3-м кавалерийским корпусами. «На это обычно молчаливый Г.Д. Стельмах заметил, – пишет С.П. Иванов, – что армия в целом неплохо выполняет свою трудную задачу, а огрехи в управлении войсками при столь маневренных действиях неизбежны. Николай Федорович, однако, судя по его хмурому виду, остался при своем мнении. Так отношения командующего фронтом, да и представителя Ставки, с генералом П.Л. Романенко обострились до предела, хотя и до этого между ними довольно часто возникали трения»¹⁷⁹.

26 ноября генерал Н.Ф. Ватутин направил И.В. Сталину донесение № 1492 о необходимости немедленного развития наступления на внешнем фронте окружения¹⁸⁰. В этом документе отмечалось, что румынская 3-я армия полностью разгромлена. Ее остатки (9, 11, 7-я пехотные дивизии и части 1-й моторизованной дивизии) обороняются на участке Верхний Калининский, Верхний Кривский, Ильин. Войска противника, оборонявшиеся на западном берегу в излучине р. Дон, под ударами частей 21-й и 65-й армий отходят с боем на восточный берег Дона. С выходом 4-го и 26-го танковых корпусов и части сил 3-го гвардейского кавалерийского корпуса на восточный берег Дона на участке Советский, Сокаревка, Песковатка и установлением боевого взаимодействия с 4-м механизированным корпусом завершено окружение сталинградской группировки противника. Он с 24 ноября начал усиленную переброску войск автотранспортом, сосредоточив в районе Солин, Боковская, Поповка до трех новых дивизий, а в районе Тормосин, Нижнечирская – более пехотной дивизии, усиленной танками.

Командующий Юго-Западным фронтом, оценивая действия противника, полагал, что он намеревается нанести контрудары от Тормосина через Нижнечирскую на север вдоль р. Дон с целью разорвать кольцо, замыкающее его сталинградскую группировку, и от Боковской на восток с целью выхода в тыл советских войск. По мнению генерала Ватутина, «противник успел подбросить еще мало сил и не создал еще сплошного фронта». Поэтому

¹⁷⁸ Goerlitz W. Paulus und Stalingrad. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1974. S. 208.

¹⁷⁹ Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 475.

¹⁸⁰ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 466–467, 559–560.

предлагалось одновременно с решением главной задачи по ликвидации сталинградской группировки противника продолжать наступление войск Юго-Западного фронта в западном и юго-западном направлениях. В первую очередь планировалось окружить и уничтожить группировку противника в районе Нижнечирская, Тормосин, Морозовская и захватить этот район, чтобы надежно изолировать сталинградскую группировку противника и воспретить какой бы то ни было доступ к ней. Эту задачу командующий фронтом намечал возложить на 5-ю танковую армию, в состав которой после овладения Песковаткой предусматривалось перебросить 3-й кавалерийский корпус. Армия должна была перейти в наступление 29 ноября и к 3–5 декабря выполнить поставленную задачу. В последующем ей предстояло наступать из района Морозовского на запад. Для усиления 5-й танковой армии генерал Ватутин просил выделить один механизированный или один танковый корпус.

В свою очередь представитель Ставки ВГК генерал армии Г.К. Жуков 29 ноября направил И.В. Сталину предложения по ликвидации войск, окруженных под Сталинградом. Жуков предполагал, что противник, видимо, будет стараться удержать в своих руках позиции в районе Сталинград, Вертячий, Мариновка, Карповка, совхоз Горная Поляна. Одновременно он намерен в кратчайший срок собрать в районе Нижнечирская, Котельниково ударную группу для прорыва фронта советских войск в общем направлении на Карповку, чтобы образовать коридор для питания окруженной группы, а в последующем и вывода ее по этому коридору. При благоприятных условиях такой коридор может быть образован на участке Мариновка, Ляпичев, Верхнечирская фронтом на север. Вторая сторона этого коридора, фронтом на юго-восток, будет создана по линии Цыбенко, Зеты, Гниловская, Шебалин.

С целью не допустить соединения нижнечирской и котельниковской группировок противника со сталинградской группировкой и образования коридора, Жуков предусматривал как можно быстрее отбросить первые две группировки и создать плотный боевой порядок на линии Обливская, Тормосин, Котельниково. В районе Нижнечирская, Котельниково намечалось держать две группы танков, не меньше 100 танков в каждой в качестве резерва. Окруженную группировку противника под Сталинградом предлагалось рассечь на две части ударом в направлении Большая Россошка, а навстречу ему нанести удар в направлении Дубининский, высота 135,0. На всех остальных участках перейти к обороне и действовать лишь отдельными отрядами в целях истощения и изматывания противника. После того как окруженная группировка будет рассечена на две части, целесообразно в первую очередь уничтожить более слабую группу, а затем всеми силами ударить по группе в районе Сталинграда¹⁸¹. С этим предложением согласился и начальник Генштаба генерал Василевский.

Командующий Донским фронтом генерал Рокоссовский несколько раз обращался в Ставку ВГК, аргументируя необходимость приостановки боевых действий для перегруппировки и усиления войск фронта перед ликвидацией 6-й армии. Сталин прислушался к мнению Рокоссовского. 4 декабря он обязал командующих Донским и Сталинградским фронтами не позднее 18 декабря завершить подготовку новой наступательной операции по разгрому окруженной группировки врага. Операция получила кодовое наименование «Кольцо». Для усиления войск Донского фронта направлялась только что укомплектованная 2-я гвардейская армия генерала Р.Я. Малиновского. 11 декабря Сталин потребовал от представителя Ставки ВГК генерала Василевского провести операцию «Кольцо» в два этапа. Первый этап – выход в район Басаргино, Воропоново и не позже 23 декабря – ликвидация западной и южной групп противника. Второй этап – общий штурм всех армий обоих фронтов для ликвидации основной массы вражеских войск к западу и северо-западу от

¹⁸¹ См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 2. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. С. 341–342.

Сталинграда¹⁸². Одновременно намечалось силами Юго-Западного фронта и левого крыла Воронежского фронта провести операцию под кодовым наименованием «Сатурн». Ее замысел заключался в том, чтобы разгромить на Среднем Дону основные силы итальянской 8-й армии, оперативной группы «Холлидт» и остатки румынской 3-й армии и развить контрнаступление на сталинградско-ростовском направлении.

Каковы же были планы противника? Командующий группой армий «Дон» генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн намечал с целью деблокады 6-й армии провести операцию «Винтергевиттер» («Зимняя гроза»)¹⁸³. В соответствии с ее замыслом, 4-я танковая армия должна была начать наступление основными силами из района Котельниково восточнее р. Дон. Почему здесь? Ответ на этот вопрос дал Э. фон Манштейн: «...Противник меньше всего будет ожидать такое наступление на восточном берегу Дона, так как при существовавшей на фронте обстановке сосредоточение в этом районе крупных сил было бы связано для немцев с большим риском. Поэтому противник вначале выдвинул только относительно слабые силы в направлении на Котельниково для прикрытия внутреннего фронта окружения». Если же, полагал Манштейн, количество войск противника перед Котельниковом значительно возрастет, тогда «приказом был предусмотрен следующий запасный вариант: танковые дивизии 4-й танковой армии должны были быть срочно и скрытно для противника переброшены по западному берегу Дона на север, на донско-чирский плацдарм у Нижнечирской и наносить главный удар отсюда».

Операция «Винтергевиттер» началась 12 декабря. Армейская группа «Гот» нанесла удар вдоль железной дороги Котельниково – Сталинград на участке 51-й армии. Противник имел 13 дивизий, 124 тыс. человек, 650 танков, 852 орудия и миномета, 500 самолетов¹⁸⁴. Ему противостояли 5-я ударная и 51-я армии Сталинградского фронта, насчитывавшие 115 тыс. человек, 329 танков, 1133 орудия и миномета и 220 самолетов. Оказалось, что предостережения Жукова не были должным образом учтены. Потребовались героические усилия, срочная переброска резервов, чтобы задержать продвижение войск генерала Манштейна на помощь 6-й армии.

Ставка ВГК, учитывая сложившуюся обстановку, 13 декабря внесла изменение в план операции «Сатурн»¹⁸⁵. В директиве, подписанной Сталиным, отмечалось, что операция «Сатурн» была задумана при благоприятной для советских войск обстановке, когда у противника не было еще резервов в районе Боковский, Морозовский, Нижнечирская, а 5-я танковая армия успешно наступала в сторону Морозовского. Кроме того, предполагалось, что удар с севера будет поддержан одновременным ударом с востока, в сторону Лихой, а 1-я гвардейская армия будет переброшена в район Калача и использована для развития успеха в направлении Ростов, Таганрог. Однако теперь обстановка изменилась не в пользу советских войск. Войска 5-й танковой и 1-й гвардейской армий «стоят в обороне и не могут двигаться вперед, так как за это время противник успел подвести с запада ряд пехотных дивизий и танковых соединений, которые сдерживают их». Поэтому наступление в сторону Каменск, Ростов не может получить успеха. Исходя из этого, намечалось внести изменения в план операции «Сатурн». Главный удар предусматривалось нанести не на юг, а на юго-восток в сторону Нижнего Астахова и с выходом на Морозовский, с тем чтобы взять в клещи боковско-морозовскую группировку противника, пройти по ее тылам и ликвидировать ее одновременным ударом с востока силами 5-й танковой и 1-й гвардейской армий и с северо-запада силами 3-й гвардейской армии и приданных ей подвижных частей. Прорыв требовалось

¹⁸² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 465.

¹⁸³ См.: Манштейн Э. Утерянные победы / Пер. с нем. Смоленск, 2003. С. 380–381.

¹⁸⁴ См.: История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 6. С. 64.

¹⁸⁵ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 466–467.

произвести в тех же районах, в которых он был задуман по операции «Сатурн». После прорыва предписывалось развернуть наступление на юго-восток в направлении Нижний Астахов, Морозовский, нанести удар по тылам противника, действовавшего против 5-й танковой и 2-й гвардейской армий. Войска 6-й армии Воронежского фронта должны были обеспечить действие главной ударной группировки с запада¹⁸⁶. Для поддержки наземных войск выделялось более 300 самолетов 2-й и 17-й воздушных армий. Благодаря решительному массированию сил и средств на участках прорыва удалось создать 2—3-кратное превосходство над противником. Операция, которая должна была начаться 16 декабря, получила теперь наименование «Малый Сатурн» (Среднедонская операция).

В ночь на 14 декабря состоялось совещание командующих Воронежским и Юго-Западным фронтами с представителем Ставки, на котором были обсуждены последние изменения в плане «Сатурна». При этом генерал Н.Ф. Ватутин в резкой форме выразил несогласие с сокращением масштабов операции и потребовал от командующего Воронежским фронтом проводить ее по прежнему плану, то есть с выходом к Азовскому морю. В случае отказа от этого плана он просил передать Юго-Западному фронту 17-й танковый корпус. В конце концов спор был решен прямым вмешательством Сталина, который приказал четко исполнить приказ.

К началу операции «Малый Сатурн» 5-я танковая армия включала восемь стрелковых дивизий, два кавалерийских и один танковый корпуса, отдельную истребительную и две танковые бригады, мотоциклетный, три пушечных, восемь истребительно-противотанковых, гаубичный, армейский артиллерийский, три минометных и три гвардейских минометных полка, два отдельных танковых, мотоциклетный, автоброневой, четыре инженерных и пять понтонно-мостовых батальонов, зенитную артиллерийскую дивизию, отдельный зенитный артиллерийский дивизион, инженерную бригаду специального назначения. По своему составу она более напоминала общевойсковую, нежели танковую армию.

По решению командующего Юго-Западным фронтом войска 5-й танковой армии нанесли вспомогательный удар в направлении Морозовск, Тацинская. Она во взаимодействии с 5-й ударной армией Сталинградского фронта должна была уничтожить противника в районе станицы Нижнечирской и Тормосино, не допуская прорыва неприятеля из этих районов на соединение с окруженной вражеской группировкой. В дальнейшем 5-й танковой армии предстояло развивать наступление на Морозовск, Ильинку, Тацинскую, Лихую¹⁸⁷.

Три танковых корпуса (18, 24, 25-й) были включены в состав 1-й гвардейской армии. 25-й и 18-й танковые корпуса намечалось ввести в сражение в первый день операции с задачей совместно с пехотой завершить прорыв обороны противника и к исходу второго дня операции во взаимодействии с 3-й гвардейской армией окружить главные силы итальянской 8-й армии. В последующем они должны были наступать в юго-восточном направлении. 24-й танковый корпус планировалось ввести в прорыв для развития успеха в общем направлении на Тацинскую. Чтобы усилить удар танковой группировки 1-й гвардейской армии, Ставка ВГК приказала ввести в сражение в ее полосе в направлении Кантемировка, Волошино также и 17-й танковый корпус, находившийся до этого в составе 6-й армии Воронежского фронта. 1-й гвардейский механизированный корпус, действовавший в составе 3-й гвардейской армии, в первый день операции должен был наступать в западном направлении — на Поповку, содействуя окружению противника южнее Вешенской. В дальнейшем намечалось повернуть корпус на юго-восток для овладения районом Морозовска.

В связи с изменившейся обстановкой Сталин 14 декабря потребовал от генерала Василевского отложить осуществление первого этапа операции «Кольцо». 2-ю гвардейскую

¹⁸⁶ 19 декабря 1942 г. 6-я армия была передана в состав Юго-Западного фронта.

¹⁸⁷ См.: Великая победа на Волге. М., 1965. С. 317–318.

армию, в первую очередь механизированные части, приказывалось форсированным маршем двинуть на юг и расположить в тылу частей, действующих против котельниковской группировки противника. Главная задача – разгромить эту группировку в течение ближайших дней занять Котельниково и прочно там закрепиться. Войска Донского и Сталинградского фронтов должны продолжать систематическое истребление окруженных войск противника с воздуха и наземными силами, все более сжимать кольцо окружения, в корне пресекать попытки окруженных вырваться из этого кольца¹⁸⁸.

Операция «Малый Сатурн» началась 16 декабря ударом войск правого крыла Юго-Западного фронта. Танковые корпуса фронта при поддержке артиллерии и авиации мощными таранными ударами прорвали оборону итальянской 8-й армии и за восемь дней продвинулись на 100–200 км, а 24 декабря овладели станцией Тацинская. Командующий группой армий «Дон» генерал фон Манштейн впоследствии отмечал: «15 декабря нами была обнаружена явная подготовка противника к наступлению перед левым флангом группы армий «Дон» и правым флангом группы армий «Б». 16 декабря здесь начались атаки противника небольшими силами на отдельных участках. Нельзя было еще определить, хотел ли он только прощупать наш фронт перед решающим наступлением с целью прорыва, как он это часто делал, или же он хотел только приковать наши силы к этому участку, чтобы не дать нам перебросить силы с этого фланга на восточный берег Дона. Однако радиоразведка установила наличие новой армии противника (3-я гвардейская армия), что позволило сделать вывод о намерении противника предпринять глубокий прорыв с далеко идущей целью (захват Ростова?)».

Манштейну пришлось отказаться от дальнейших попыток деблокировать окруженные под Сталинградом войска и, чтобы самому не оказаться в окружении, бросить все, что оказалось под рукой, для парирования ударов Юго-Западного фронта.

В результате были созданы благоприятные условия для окончательного разгрома группировки противника в районе Тормосина, находившейся в опасной близости от окруженных войск 6-й армии. В этой связи генерал Василевский предложил Сталину передать 5-ю ударную армию с 3-м гвардейским кавалерийским корпусом из Сталинградского фронта в состав Юго-Западного фронта. Силами 5-й ударной и 5-й танковой армий, включив в состав последней 23-й танковый корпус, Юго-Западный фронт должен был ликвидировать противника южнее Суровикина, чтобы спрямить линию фронта и отбросить вражеские войска от Чира к р. Россошь¹⁸⁹.

Сталин принял предложение генерала Василевского. 25 декабря была издана директива № 994287 Ставки ВГК о передаче 1-го гвардейского танкового корпуса (бывший 26-й танковый корпус) из состава Донского фронта в состав 5-й танковой армии Юго-Западного фронта¹⁹⁰. На следующий день директивой № 170715 командующий 5-й ударной армией и заместитель командующего войсками Сталинградского фронта генерал-лейтенант М.М. Попов был назначен заместителем командующего Юго-Западным фронтом по руководству действиями 5-й танковой и 5-й ударной армий. Одновременно в состав 5-й танковой армии включался 23-й танковый корпус. Главной задачей войск левого крыла Юго-Западного фронта являлась ликвидация противника в районе южнее Суровикино и в районе Чернышковского, овладение районом Тормосин, Обливская, Чернышковский¹⁹¹.

Мы уже говорили о том, что между командующим Юго-Западным фронтом и командующим 5-й танковой армией существовали существенные трения. Они еще более обостри-

¹⁸⁸ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 467.

¹⁸⁹ См.: Василевский А.М. Дело всей жизни. 3-е изд. М.: Политиздат, 1978. С. 261.

¹⁹⁰ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 468.

¹⁹¹ Там же. С. 469.

лись к концу декабря 1942 г. Об этом стало известно Сталину, который ночью 28 декабря в разговоре по прямому проводу с генералом Ватутиным сказал:

– У нас есть несколько вопросов к вам.

1. Если Романенко плохо работает, мы можем его заменить генерал-лейтенантом Поповым, вашим заместителем с тем, чтобы он командовал 5-й танковой армией и вместе с тем оставался вашим замом.

2. Михайлов (псевдоним генерала А.М. Василевского. – *Прим. авт.*) думает направить завтра, в крайнем случае послезавтра, через Верхне-Курмоярскую переправу один механизированный корпус и одну или две дивизии для удара на Тормосин. Можете ли вы к этому сроку выставить какую-либо силу в сторону Тормосина, навстречу этому механизированному корпусу?

3. Романенко сообщает, что 2-й и 23-й танковые корпуса сидят будто бы без горючего. Верно ли это? Я проверил в ГАБТУ, и там сказали, что этого не может быть, так как оба корпуса при отгрузке к вам взяли с собой две заправки горючего. Кстати, Михайлов мне сказал, что в районе Качалинской можно достать сколько угодно горючего.

4. Как обстоит дело с Бадановым (командир 24-го танкового корпуса. – *Прим. авт.*)?

Ответ Ватутина гласил:

«1. Романенко на протяжении всего периода двух операций чаще всего не понимает общей обстановки и нередко действует вразрез с общим замыслом, стремясь достичь в лучшем случае частных интересов в ущерб общим. Кроме того, Романенко плохо организует бой и к тому же недисциплинирован, о противнике доносит явно преувеличенные данные, вводит в заблуждение, видимо, с целью получить то или другое усиление. Я считаю опасным иметь такого командующего и прошу его заменить. Можно, безусловно, возложить командование 5-й танковой армией на Попова.

2. Навстречу группе т. Михайлова я наметил выбросить на Тормосин 8-й кавалерийский корпус, усиленный артиллерией, танками и РС. Это немного слабоватая группировка, но я хотел 5-й механизированный корпус по овладении Чернышковским бросить на Морозовский с тыла, то есть с юга, и далее действовать им на запад. Таким образом, на Тормосин остается только 8-й кавалерийский корпус со средствами усиления. У Цветаева (командующий 5-й ударной армией. – *Прим. авт.*) имеется 3-й кавалерийский корпус, который я имел в виду использовать для обхода нижнечирской группы с востока с переправой корпуса через р. Дон в районе Суворовского, это усилит обходящую группу т. Михайлова. Этим корпусом я решил также наносить удар на фронте Тормосин, Верхне-Аксеновский навстречу 8-му кавалерийскому корпусу. Вместе с 3-м кавалерийским корпусом будет переправляться также 4-я гвардейская стрелковая дивизия. Как только они переправятся, Цветаев и левый фланг Романенко начнут действовать также с фронта.

3. Я получил два доклада от Романенко и его штаба. Первый доклад о том, что 2-й танковый корпус горючим обеспечен, а 23-й танковый корпус не обеспечен. Вторым докладом, после того как я приказал 2-й танковый корпус немедленно выдвигать в район Милютинской, Романенко доложил, что корпус не имеет горючего. Я послал телеграмму Романенко с предупреждением о том, что, если приказ не будет выполнен, Романенко будет немедленно предан суду. Приказал Попову точно обеспечить выполнение приказа. На базе у Романенко горючее есть, и я ему сообщил, сколько у него имеется горючего, это же сообщил Попову. Считаю, что 2-й танковый корпус горючее имеет, 23-й танковый корпус стоит без горючего, но может быть быстро обеспечен горючим, что я и приказал сделать. Рассчитываю, что это будет выполнено к утру 28 декабря, после чего 23-й танковый корпус наметил также выдвинуть к району южнее Милютинской для более глубокого удара по противнику».

Далее генерал Ватутин сообщил, что 24-й танковый корпус (39 танков Т-34 и 15 танков Т-70) генерала Баданова ведет бой в Тацинской, севернее которой противник находится в 10–

15 км. Кроме того, отдельные группы врага ведут боевые действия вокруг всей Тацинской. К северу от Тацинской в районе Скосырская, Крюков, Ново-Марьевка, Верхне-Обливский обнаружены части противника, сумевшие вырваться из окружения. Для разгрома противника в этом районе и перехвата путей его отхода генерал Ватутин приказал 1-му гвардейскому механизированному корпусу генерала И.Н. Руссиянова и 25-му танковому корпусу генерала П.П. Павлова двигаться кратчайшим путем, форсированно на Тацинскую. Оба корпуса должен был заменить 14-й стрелковый корпус с задачей выйти на железную дорогу и преградить противнику пути отхода. С целью разгрома врага в Скосырской и наступления на Крюков, Михайлов была выдвинута 266-я стрелковая дивизия 3-й гвардейской армии, за которой продвигалась 203-я стрелковая дивизия. 18-й танковый корпус в районе Миллерово был заменен стрелковыми частями и с 8 часов 28 декабря направлен через Большанку на Скосырскую. Для уничтожения противника в районе Тацинская, Скосырская намечалось с утра 28 декабря задействовать всю авиацию фронта. Для превращения операции «Малый Сатурн» в операцию «Большой Сатурн» требовалось значительное усиление фронта.

Генерал Ватутин также доложил Сталину:

– Все, что было ранее перед фронтом, то есть около 17 дивизий, можно считать совершенно уничтоженным, все вооружение и запасы захвачены нами. Нами взяты в плен свыше 60 000 человек, не менее этого убиты, таким образом, жалкие остатки этих бывших войск сейчас, за редким исключением, не оказывают почти никакого сопротивления.

Далее он сообщил, что противник продолжает упорно обороняться на рубеже Обливская, Верхнечирский. В районе Морозовского захвачены пленные 11-й танковой и 8-й авиационной полевой дивизий, которые раньше были перед 5-й танковой армией. Наибольшее сопротивление войскам 3-й гвардейской армии и подвижным соединениям фронта оказывают части противника, которые из района Котельниково переправились через р. Дон и далее через Тормосин выдвинулись на фронт Чернышковский, Морозовский, Скосырская и частью сил отходили на Тацинскую. Эти войска противника стремятся занять рубеж, прикрыться на нем, чтобы воспрепятствовать дальнейшему стремительному наступлению подвижных соединений Юго-Западного фронта и обеспечить тем самым возможность отхода своих войск. Кроме того, наиболее крупная и относительно свежая группировка противника (немецкие 4 пехотные и одна танковая дивизии, одна итальянская пехотная дивизия) находится перед 61-й армией, особенно в районе Старая Калитва, Митрофановка, Россось. Генерал Ватутин полагал, что противник, видимо, готовит основной рубеж обороны по рекам Северский Донец и Деркул.

Сталин, выслушав доклад командующего Юго-Западным фронтом, приказал ему не допустить разгрома 24-го танкового корпуса и поскорее направить ему на помощь 1-й гвардейский механизированный и 25-й танковый корпуса. Встречный удар 8-го кавалерийского корпуса на Тормосин рекомендовалось подкрепить какой-либо пехотной частью. Сталин также отметил:

– Для того чтобы превратить «Малый Сатурн» в «Большой Сатурн», мы уже передали вам 2-й и 23-й танковые корпуса. Через неделю получите еще два танковых корпуса (3-й и 10-й) на правом фланге и три или четыре стрелковые дивизии. Авиацией поможем. Советуем оставить 18-й танковый корпус в районе Миллерово для действий совместно с 17-м танковым корпусом. В противном случае вы ослабите район Миллерово, Тарасовка и сделаете невозможным «Большой Сатурн».

После завершения разговора в штаб Юго-Западного фронта поступил приказ № 00495 Ставки ВГК, в котором говорилось:

«Освободить генерал-лейтенанта Романенко П.Л. от должности командующего 5-й танковой армией и направить его в распоряжение Наркомата обороны. Назначить команду-

ющим 5-й танковой армией генерал-лейтенанта Попова М.М. с оставлением его в должности заместителя командующего войсками Юго-Западного фронта»¹⁹².

Ставка ВГК принимала все меры к тому, чтобы скорее покончить с окруженной группировкой противника и высвободить войска Донского и Сталинградского фронтов, необходимые для скорейшего разгрома вражеских войск на юге страны. 30 декабря Сталинградский фронт был ликвидирован, его 57, 64 и 62-я армии переданы в состав Донского фронта, на который возлагалась ликвидация окруженного противника¹⁹³. Для быстрейшего разгрома противника на ростовском направлении и лучшего управления армиями, действующими на этом направлении, 1 января 1943 г. был образован Южный фронт (2-я гвардейская, 51-я и 28-я армии) под командованием генерал-полковника А.И. Еременко.

Основным силам Юго-Западного фронта, в том числе 5-й танковой армии, предстояло наступать на донбасском направлении.

Миллерово-Ворошиловградская наступательная операция (1 января – 22 февраля 1943 г.)¹⁹⁴

Войска Юго-Западного фронта, перейдя 1 января 1943 г. в наступление, встретили упорное сопротивление оперативной группы «Холлидт». Для того чтобы нарастить силу удара, Ставка ВГК усилила фронт 2, 3, 10 и 23-м танковыми корпусами. Однако они прибывали неодновременно, совершая 300—350-километровые марши от станций выгрузки, имели по 50–65 исправных танков.

8 января командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-полковник Н.Ф. Ватутин представил И.В. Сталину доклад о продолжении наступательной операции в Донбассе¹⁹⁵. Исходя из цели операции «Большой Сатурн» и учитывая действия соседей, генерал Ватутин намечал до прибытия новых соединений в состав фронта окружить и уничтожить части противника севернее р. Северский Донец и восточнее р. Деркул, а также в районе Каменск, Красный Сулин, Усть-Белокалитвенская, овладеть этим районом и к исходу 14 января выйти на рубеж р. Деркул, Кружиловка, Михайловка, Аникин, Красный Сулин. Одновременно предусматривалось силами 6-й армии продолжать наступление в направлении Высочинов, Белолуцкая с целью оказать содействие войскам Воронежского фронта. Главный удар планировалось нанести войсками 3-й гвардейской армии, усиленной 2-м и 23-м танковыми корпусами и 346-й стрелковой дивизией, с участка Шарпаевка, Гусынка в направлении Верхняя Тарасовка, Глубокий, Гундоровская, Красный Сулин. Вспомогательный удар предстояло нанести группе войск генерал-лейтенанта В.М. Баданова (2-й гвардейский танковый, 1-й гвардейский механизированный корпуса, 14-я гвардейская и 203-я стрелковые дивизии, 22-я мотострелковая бригада) с участка Ольховий, Погорелов в направлении Каменск, Лихая. Войска 3-й гвардейской армии должны были, окружая и уничтожая противника, овладеть районом Каменска и выйти к 14 января на рубеж Кружиловка, Михайловка, Аникин. Подвижным соединениям армии, усиленным стрелковыми дивизиями, предстояло занять район Красный Сулин, Зверево, Лихая, уничтожая противника южнее Каменска во взаимодействии с 5-й танковой и 5-й ударной армиями.

5-й танковой армии (без 346-й стрелковой дивизии и 25-го танкового корпуса) приказывалось нанести удар в направлении железной дороги на станцию Лихая и частью сил

¹⁹² Генерал армии С.П. Иванов ошибся, утверждая, что генерал П.Л. Романенко был освобожден от должности 25 ноября 1942 г.

¹⁹³ См. подробнее: Дайнес В.О. Рокоссовский. Гений маневра. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 311–313.

¹⁹⁴ В некоторых работах выделяется Ворошиловградская наступательная операция, которая датируется с 29 января по 18 февраля 1943 г.

¹⁹⁵ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 258–259.

на Красный Сулин, свертывая боевые порядки противника по южному берегу р. Северский Донец. К исходу 14 января армии должна была выйти на рубеж Аникин, Красный Сулин.

Войска 6-й армии получили задачу перейти в наступление одновременно с соединениями Воронежского фронта с ближайшей задачей выйти на р. Айдар, Ново-Псков и с последующей задачей – на рубеж Тарасовка, Мостки, а в дальнейшем наступать в направлении Сватово, Купянск. На 1-ю гвардейскую армию до 14 января возлагалось последовательное уничтожение окруженных группировок противника в районе Чертково, Гартмашевка, Миллерово, Стрельцовка и выход всеми силами на р. Деркуль.

После прибытия усиления (7 стрелковых дивизий, одна стрелковая бригада, 3-й и 10-й танковые корпуса) планировалось концентрическими ударами основных сил 1-й гвардейской армии в направлении Евсуг, Новоайдар, Родаково и 3-й гвардейской армией в направлении Лутугино, станция Родаково в тыл Ворошиловграду окружить и уничтожить ворошиловградскую группировку противника. Одновременно 6-й и 5-й танковым армиям предстояло нанести вспомогательные удары, которые в сочетании с вспомогательными ударами 1-й и 3-й гвардейских армий должны были привести к расширению фронта прорыва, к окружению и уничтожению дополнительных сил противника. При этом 5-й танковой армии приказывалось нанести ряд ударов в южном направлении, чтобы отрезать кавказскую группировку противника.

После окружения ворошиловградской группировки противника подвижные соединения, действуя попарно и будучи усиленными наиболее подвижными стрелковыми соединениями, получали задачу стремительно развивать успех в западном и юго-западном направлениях, овладеть всем районом Донбасса, выйти на рубеж Купянск, Славянск, Волноваха, полностью отрезая кавказскую группировку противника. При этом учитывалось, что Воронежский фронт своим левым флангом выйдет в район Валуйки, Двуречное, а Южный фронт своим правым флангом – в район Волноваха, Мариуполь, Таганрог. В случае, если Южный фронт не сможет выйти в этот район, намечалось часть сил Юго-Западного фронта повернуть на Таганрог.

Сталин 8 января утвердил план операции Юго-Западного фронта. 11 января он подписал директиву № 30011 Ставки ВГК, которая требовала нанести удар частью сил 5-й танковой армии с севера на юг во фланг противнику, атакующему части 5-й ударной армии¹⁹⁶. В подчинение командующего 5-й ударной армией из состава 5-й танковой армии передавались 40-я гвардейская стрелковая дивизия и 8-я гвардейская танковая бригада.

Тем временем события на фронте развивались следующим образом. 9 января в районе Ильинки в сражение был введен 2-й танковый корпус генерала А.Ф. Попова, а 14 января в районе Шарпаевки (8 км северо-западнее Ильинки) – 23-й танковый корпус генерала Е.Г. Пушкина. В результате сопротивление группы «Холлидт» было сломлено, и 15–19 января войска левого крыла Юго-Западного фронта вышли к Северскому Донцу на участке Нижнее Луганское, Белая Калитва. В центре фронта к Северскому Донцу севернее Ворошиловграда вышел 18-й танковый корпус. Части 4-го гвардейского танкового корпуса во взаимодействии со 183-й танковой бригадой 10-го танкового корпуса генерала В.Г. Буркова овладели Старобельском и Нижней Астраханью. На этом рубеже войска центра и левого крыла фронта, встретив сильное сопротивление противника, вынуждены были временно перейти к обороне. Войска 6-й армии после ввода в сражение 3-го танкового корпуса генерала М.Д. Синенко, прибывшего из резерва Ставки ВГК, к исходу 25 января вышли на подступы к Покровскому. В результате сложились условия для нанесения удара на Мариуполь и окружения донбасской группировки противника.

¹⁹⁶ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 29.

В ходе наступления командующий и штаб Юго-Западного фронта разработали и 20 января 1943 г. представили в Ставку ВГК уточненный план дальнейших действий¹⁹⁷. В документе отмечалось, что к 22 января войска фронта должны выйти на рубеж Покровское, Тарасовка, Старобельск, р. Айдар, р. Северский Донец и овладеть районом Каменск, Лихая, Звереве, Красный Сулин. В этой связи намечалось внести в план дальнейших действий войск фронта следующие поправки. Во-первых, сильной подвижной группой (3, 10 и 18-й танковые корпуса, три стрелковые дивизии, три истребительно-противотанковых артиллерийских, три гвардейских минометных полка и три артиллерийских полка ПВО, три лыжные бригады) нанести удар с участка Тарасовка (30 км северо-восточнее Сватово), Старобельск в общем направлении на Краматорскую, Артемовск, Сталино (Донецк), Волноваху, Мариуполь с задачей «отрезать всю территорию Донбасса, окружить и уничтожить войска противника на этой территории, забрать всю технику, запасы и прочие богатства на этой территории, не дав противнику ничего вывезти». Во-вторых, группа войск во главе с заместителем командующего войсками фронта генерал-лейтенантом М.М. Поповым должна была наступать в направлении Старобельск, Дебальцево, Макеевка. В-третьих, силами 3-й гвардейской армии нанести удар из района юго-западнее Каменска на Сталино с задачей своей подвижной группой (23-й, 2-й, 2-й гвардейский танковые и 1-й механизированный корпуса) на третий и четвертый день операции выйти на рубеж Дебальцево, Макеевка, Сталино, где соединиться с подвижной группой генерала Попова, окружив и уничтожив все войска противника в Донбассе. В-четвертых, 5-й танковой армии предстояло нанести удар из района западнее Красного Сулина на Волноваху и частью сил на Таганрог. На девятый день операции стрелковые соединения армии должны были овладеть рубежом Кураковка, Волноваха. В-пятых, силами 6-й армии планировалось нанести удар на Купянск и частью сил на Изюм. В-шестых, район Ворошиловграда предполагалось окружить двумя левофланговыми дивизиями 1-й гвардейской армии и двумя правофланговыми дивизиями 3-й гвардейской армии.

Всю операцию генерал Ватутин планировал завершить к 5 февраля, чтобы затем до окончания зимы провести еще одну операцию и выйти на более выгодный рубеж, а именно Ахтырка, Полтава, Переволочна, Днепропетровск, Запорожье, Мелитополь, а при благоприятных условиях захватить также район Каховка, Херсон, Перекоп, Геническ и отрезать Крым. Однако эта операция должна быть тесно увязана с действиями соседних фронтов, особенно с Воронежским фронтом.

Сосредоточение танковых корпусов в район Тарасовка, Старобельск ожидалось к 24 января. В связи с этим, а также из-за задержки переброски стрелковых дивизий и лыжных бригад переход в наступление намечался на 26–27 января. Выход в район Мариуполя предполагалось осуществить в течение семи дней.

В своем резерве командующий Юго-Западным фронтом оставлял 1-й, 4-й гвардейские танковые и 25-й танковый корпуса, но без материальной части. Всего в составе Юго-Западного фронта имелось 362 танка, из них 212 в подвижной группе¹⁹⁸. Генерал Ватутин просил утвердить представленный план, дать танки для пополнения полностью двух танковых корпусов, а также усилить фронт тремя полками РС М-13 и одной дивизией РС, одним кавалерийским корпусом. Кроме того, он ходатайствовал о назначении вместо генерала М.М. Попова командующим 5-й танковой армией генерал-майора И.Т. Шлемина, который возглавлял штаб 1-й гвардейской армии.

Сталин утвердил представленный план.

¹⁹⁷ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 271–272.

¹⁹⁸ См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С. 100.

Перед войсками Юго-Западного фронта оборонялась оперативная группа «Фреттер-Пико», со 2 февраля – 1-я танковая армия и часть сил оперативных групп «Ланц» и «Холлидт» группы армий «Дон» (с 13 февраля – «Юг»; генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн). Сюда же противник из-под Ростова и из Западной Европы в первой декаде января переброшил и включил в состав 1-й танковой армии 3 пехотные, одну моторизованную и 4 танковые дивизии.

29 января в наступление перешла 6-я армия генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонова, а на следующий день – 1-я гвардейская армия генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова и 3-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Д.Д. Лелюшенко. Однако на левом крыле фронта 5-я танковая армия и 8-й кавалерийский корпус втянулись в затяжные бои с подошедшими резервами врага. К этому времени 5-я танковая армия по своему составу уже не отвечала своему назначению, так как почти не отличалась от общевойсковой объединения.

С целью развития успеха командующий Юго-Западным фронтом ввел в сражение на стыке 6-й и 1-й гвардейской армий подвижную группу фронта. Наступление войск правого крыла фронта поддерживала авиация 17-й воздушной армии генерал-лейтенанта авиации С.А. Красовского. Подвижная группа фронта силами 3-го и 10-го танковых корпусов вышла к Северскому Донцу и с ходу форсировала его в районе Красного Лимана. В ночь на 2 февраля в сражение был введен 4-й гвардейский танковый корпус. 5 февраля он совместно с соединениями 3-го танкового корпуса освободил Краматорск. Подвижная группа 3-й гвардейской армии, обойдя Ворошиловград с юго-запада и запада, овладела Собошкой (5 км западнее Ворошиловграда) и перерезала железную дорогу, идущую на Сталино. Вражеский гарнизон, опасаясь окружения, стал отходить. Это позволило 14 февраля 18-му стрелковому корпусу 3-й гвардейской армии освободить Ворошиловград. К этому времени 2-й гвардейский танковый корпус овладел Георгиевкой, а 1-й гвардейский механизированный и 23-й танковый корпуса завязали бои за Краснодон.

Противник, упорно обороняясь, начал еще 9 февраля отвод своих войск с нижнего течения Северского Донца на подготовленные позиции на р. Миус. Одновременно из района Ростова в район Константиновка, Красноармейское перебрасывались танковые дивизии. Командующий Юго-Западным фронтом ошибочно воспринял все эти меры как оставление Донбасса и отход врага за Днепр. Исходя из этого, он поставил войскам явно невыполнимые задачи на продолжение стремительного наступления по всему фронту с целью упредить противника в выходе к Днепру. В своем докладе в Ставку ВГК от 9 февраля генерал Ватутин намечал отрезать пути отхода противника западнее Сталино, продолжая одновременно выдвижение на запад и юго-запад своего правого фланга. Кроме того, планировалось срочно подготовить сильную подвижную группу для нанесения более глубокого удара из района Краснопавловка, Лозовая в направлении Павлоград, Синельниково, Запорожье, Мелитополь, чтобы отрезать противника от переправ через Днепр и не допустить его отхода на запад. Одновременно на правом фланге предполагалось выйти в район Полтава, Кременчуг, Днепропетровск и захватить плацдарм на западном берегу р. Днепр на участке Кременчуг, Кривой Рог, Каховка. На левом крыле фронта намечалось после выхода подвижной группы в район Мелитополя быстро усилить ее, стремительно выйти на нижнее течение р. Днепр и захватить плацдарм в Крыму южнее Перекопа и Чонгара¹⁹⁹.

Главную роль в наступлении генерал Ватутин отводил вновь создаваемой подвижной группе фронта. В ее состав включались 1-й гвардейский танковый, 25-й танковый, 1-й гвардейский кавалерийский, 4-й гвардейский стрелковый корпуса, четыре истребительно-противотанковых артиллерийских полка, одна дивизия ПВО. Командование группой возлага-

¹⁹⁹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 277–278.

лось на командующего 6-й армией генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонova. Она должна была перейти в наступление 17 февраля и к исходу 22 февраля выйти в район Мелитополя.

5-й танковой армии, ввиду ее слабого состава, отводилась вспомогательная роль. Ей предстояло преследовать противника в направлении Каменск, Куйбышево, а затем предполагалось вывести ее в резерв фронта.

Сталин, рассмотрев представленный план, 11 февраля предложил генералу Ватутину «принять другой план – с ограниченными, но более осуществимыми в данный момент задачами». На ближайшее время главным было не допустить отхода противника в сторону Днепропетровска и Запорожья, принять все меры к тому, чтобы зажать донецкую группу противника в Крыму, закупорить проходы через Перекоп и Сиваш и изолировать таким образом ее от остальных войск противника на Украине²⁰⁰.

События, развернувшиеся на фронте, показали нереальность планов генерала Ватутинa. 11 февраля 4-й гвардейский танковый корпус возобновил наступление. Он совместно с 9-й гвардейской танковой бригадой освободил Красноармейское. Противник, стремясь любой ценой сохранить занимаемые позиции, в спешном порядке стал подтягивать к этому району новые силы, в том числе моторизованную дивизию «Викинг» и 7-ю танковую дивизию. На рассвете 12 февраля они при поддержке авиации перешли в наступление и после ожесточенных боев 20 февраля снова заняли Красноармейское.

В полосе 3-й гвардейской армии оперативная группа (23-й танковый корпус, 203-я стрелковая дивизия, часть сил 266-й стрелковой дивизии) под командованием генерала Е.Г. Пушкина заняла 14 февраля Краснодар. Войска 6-й армии, усиленные 115-й танковой бригадой, 127-м и 212-м танковыми полками, 17 февраля вышли на рубеж Красноград, Новомосковск, а 1-я гвардейская армия освободила Павлоград.

В тот же день, 17 февраля, генерал-полковник Н.Ф. Ватутин представил И.В. Сталину доклад № 128 плана операции, доработанный в соответствии с указаниями Верховного Главнокомандующего от 11 февраля²⁰¹. Но этому плану не суждено было воплотиться на практике. С утра 19 февраля противник перешел в контрнаступление против войск правого крыла Юго-Западного фронта, которые были вынуждены перейти к обороне. Для развития наступления 6-й армии генерал Ватутин ввел в сражение 1-й гвардейский танковый и 25-й танковые корпуса, прибывшие в район Павлограда из резерва Ставки ВГК. 1-й гвардейский танковый корпус главными силами 20 февраля овладел Хорошевым (10 км северо-западнее Синельниково) и развернул наступление на Днепропетровск, а его 16-я гвардейская танковая бригада совместно с 267-й стрелковой дивизией 6-й армии заняла Новомосковск. Однако в ночь на 20 февраля 2-й танковый корпус СС из района Краснограда нанес удар в южном направлении, прошел по тылам 6-й армии и овладел Павлоградом. Утром 22 февраля из района Чаплино на Павлоград в наступление перешел 48-й танковый корпус противника. К этому времени части 25-го танкового корпуса вышли в район, находившийся в 10–12 км северо-восточнее Запорожья. На этом наступательные возможности 1-го гвардейского и 25-го танковых корпусов были исчерпаны. Они, испытывая недостаток в горючем и боеприпасах, вынуждены были отойти за р. Северский Донец.

Части 2-го и 2-го гвардейского танковых корпусов, продвигаясь в юго-западном направлении, утром 21 февраля вышли в район Штеровки. Здесь они встретили упорное сопротивление противника, в том числе 17-й танковой дивизии, переброшенной из района Ростова. 23-й танковый корпус нанес удар в юго-западном направлении, овладел Ровеньками и 24 февраля подошел к Красному Лучу. В связи с тем, что в корпусах осталось мало исправ-

²⁰⁰ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 74.

²⁰¹ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 280–282.

ных танков, они с подходом стрелковых дивизий были выведены в резерв фронта. Подвижная группа Юго-Западного фронта также оказалась в тяжелом положении, имея к 21 февраля всего 40 исправных танков. Противник же, перебросив 6-ю танковую и несколько пехотных дивизий, утром 22 февраля после мощной авиационной подготовки перешел в наступление и к началу марта оттеснил подвижную группу на левый берег Северского Донца.

В ходе Миллерово-Ворошиловградской операции войска Юго-Западного фронта нанесли поражение основным силам 1-й танковой армии противника, отбросили ее на 120–250 км, освободили северную часть Донбасса, вышли к днепровским переправам в районах Запорожья и Днепропетровска, создав серьезную угрозу флангу и тылу донбасской группировки врага. Однако полностью выполнить поставленные задачи войска фронта не смогли. Основными причинами незавершенности операции «Скачок» явились: просчеты командующего фронтом в оценке обстановки; большие потери и отсутствие резервов; отставание тылов (до 300 км), аэродромов базирования фронтовой авиации. Потери фронта, насчитывавшего к началу операции почти 265,2 тыс. человек, составили: безвозвратные – 38 049 и санитарные – 63 684 человека²⁰², или 38,3 % от численности войск фронта.

После завершения Миллерово-Ворошиловградской операции войска 5-й танковой армии перешли к обороне на р. Миус в районе Красного Луча. 18 апреля 1943 г. была издана директива № 46117 Ставки ВГК о переименовании с 24 часов 20 апреля 5-й танковой армии в 12-ю армию²⁰³. Она, как и 3-я танковая армия, просуществовала почти 11 месяцев. И, как в случае с этой армией, причиной переименования 5-й танковой армии было то, что по своему составу она уже не соответствовала своему названию и к этому времени было решено формировать танковые армии однородного состава. О том, как они создавались и применялись, мы расскажем в следующем разделе.

²⁰² См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 312.

²⁰³ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 121.

Раздел второй. Гвардейские танковые армии

Танковый план Сталина

И.В. Сталин, при всех своих недостатках, отличался здравым суждением и умением быстро оценивать обстановку. Мы помним, что 3 сентября 1942 г. он заявил, что «ничего с танковыми армиями не получилось». Еще продолжали действовать 3, 4 и 5-я танковые армии, но Иосиф Виссарионович уже уловил суть процесса – танковые армии смешанного состава себя не оправдывают. А потому, стремясь иметь в своем распоряжении, как Верховный Главнокомандующий, мощные подвижные соединения и объединения, Сталин 20 декабря 1942 г. дал указание заместителю командующего бронетанковыми войсками Красной Армии по политической части генералу Н.И. Бирюкову разработать и представить для утверждения предложения о формировании к концу мая 1943 г. 20 механизированных корпусов и двух-трех механизированных армий. В каждой армии намечалось иметь два механизированных, один танковый корпус и средства усиления²⁰⁴.

Как видим, речь пока шла о механизированных армиях. При этом, в отличие от танковых армий смешанного состава, предусматривалось создать совершенно иное оперативное объединение – армию, состоявшую из подвижных соединений без стрелковых дивизий. Данная структура существенно упрощала и облегчала управление, снабжение и техническое обслуживание новых объединений и, следовательно, способствовала повышению искусства их боевого применения.

На этом сталинская мысль не остановилась. 19 января 1943 г. генерал Бирюков получает новое задание по расчету танков в танковой армии в двух вариантах²⁰⁵. Теперь Сталин остановился на ином объединении – танковом. По первому варианту в состав танковой армии должны были входить два танковых корпуса по 161 танку в каждом. Всего в армии 322 танка плюс 5 боевых машин для управления армией. По второму варианту в армии предполагалось иметь один механизированный корпус (219 танков, в том числе 163 Т-34 и 56 Т-70) и два танковых корпуса (в каждом 208 танков, в том числе 131 Т-34 и 77 Т-70). Всего в армии 640 танков (430 Т-34 и 210 Т-70).

Второй вариант больше всего устроил Сталина. Поэтому 23 января он принял решение иметь в танковой армии два танковых и один механизированный корпус. Но речь шла не об одной или двух армиях, генералу Бирюкову было приказано подготовить расчеты и проект постановления ГКО по формированию 12–15 танковых армий²⁰⁶. Это, если бы удалось претворить в жизнь такой план, стало бы всеокрушающим оружием в руках Советского Верховного Главнокомандования! Однако расчеты, проведенные в Главном бронетанковом управлении, показали нереальность такого плана. Для формирования только 10 танковых армий требовалось иметь 20 танковых и 10 механизированных корпусов, 6400 танков (из них Т-34 – 4300 и Т-70 – 2100). По расчетам, с 1 января по 1 июля 1943 г. ожидалось следующее количество танков, бронетранспортеров и бронеавтомобилей.

На фронтах на 1 января 1942 г. имелось всего 2810 танков. В 1942 г. фронты получили 24014 танков, а в январе 1943 г. – 1924 боевые машины. Всего на 1 февраля 1943 г. во фронтах должно было находиться 28743 танков, а имелось лишь 10850. Следовательно, потери

²⁰⁴ См.: Бирюков Н.И. Танки – фронту! Записки советского генерала. Смоленск: Русич, 2005. С. 280.

²⁰⁵ Там же. С. 304.

²⁰⁶ См.: Бирюков Н.И. Танки – фронту! Записки советского генерала. С. 306.

составляли 17898 танков, или 62 %²⁰⁷. Генерал Бирюков, учитывая это, пришел к выводу, что при сохранении такого уровня потерь танковые армии скоро утратят свои боевые преимущества над противником, что грозило самыми пагубными последствиями. Если же изъять из общевойсковых армий 6400 танков для формирования 10 танковых армий, то войска могли остаться без подвижных частей и соединений.

Не все благополучно обстояло и с танковыми и механизированными корпусами, которые можно было включить в состав танковых армий. Вместо 20 набиралось 10 танковых корпусов, а вместо 10 механизированных корпусов лишь 6.

Однако задание Сталина никто не осмеливался оспаривать. 28 января 1943 г. на основе предложений Главного автобронетанкового управления Государственный Комитет Обороны принял постановление № ГОКО-2791сс «О сформировании десяти танковых армий» в феврале – июне 1943 г. (см. приложение 7)²⁰⁸.

В танковую армию должны были входить:

- боевые части: управление армии; два танковых и один механизированный корпус, зенитная дивизия, мотоциклетный, истребительно-противотанковый, гаубичный артиллерийский, гвардейский минометный полки, авиационный полк связи У-2;

- части обслуживания: полк связи, автомобильный полк, инженерный, два ремонтно-восстановительных батальона (один танковый, один автомобильный);

- тыловые учреждения: политотдел танковых частей, редакция и типография, рота охраны полевого управления армии, рота Особого отдела НКВД (без одного взвода), штабная авторота, управления военного коменданта станции снабжения и полевой армейской базы, рота обслуживания полевой армейской базы, полевой артиллерийский склад, склады бронетанкового, автомобильного имущества, ГСМ, военно-технического снабжения, продовольственный, вещевой, санитарный склады, артиллерийская мастерская, армейские мастерские по ремонту средств связи и ремонту вещевого имущества, эвакуатранспортная и обмывочно-дезинфекционная роты, сборный пункт аварийных машин, полевые автохлебозавод и подвижной хирургический госпиталь, автосанитарный взвод, санитарно-эпидемический и полевой прачечный отряды, полевая почтовая станция, военно-почтовая база, полевая касса Госбанка, военторг-база, отделение полевой связи.

В танковой армии намечалось иметь 430 танков Т-34 и 210 танков Т-70, а всего 640 танков. Общая численность армии – 46 121 человек.

Формирование танковых армий возлагалось на Военный совет бронетанковых и механизированных войск Красной Армии, а десяти армейских управлений – на начальника Генерального штаба Красной Армии. Начальнику Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии и командующему бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии поручалось пересмотреть части обслуживания и тыловые учреждения для танковых армий в сторону их соответствующего сокращения.

Сроки готовности для танковых армий устанавливались: в марте – две танковые армии, в апреле – три, в мае – три и в июне – две танковые армии.

С этой целью командующему бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии поручалось сформировать для танковых армий:

- 10 танковых корпусов: в каждом – управление корпуса, три танковые и одна мотострелковая бригады, минометный, самоходный артиллерийский полки, гвардейский минометный дивизион, бронеавтомобильный, мотоциклетный и саперный батальоны, батальон

²⁰⁷ См.: Бирюков Н.И. Танки – фронту! Записки советского генерала. С. 313.

²⁰⁸ См.: Ананьев И.М. Танковые армии в наступлении: По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1988. С. 64.

связи, рота подвоза ГСМ, подвижные ремонтные базы (танковая и колесная), общая численность корпуса 9667 человек;

- 10 механизированных корпусов: в каждом – управление корпуса, три механизированные и одна танковая бригады, минометный, самоходный артиллерийский полки, гвардейский минометный дивизион, мотоциклетный, саперный, медико-санитарный батальоны, батальон связи, рота подвоза ГСМ, ремонтно-восстановительный батальон, полевой хлебозавод, полевая касса Госбанка, полевая почтовая станция, общая численность корпуса 15 740 человек;

- доукомплектовать 10 танковых корпусов, выводимых с фронтов, и включить их по одному в каждую танковую армию;

- на формирование танковых армий вывести с фронтов: 10 танковых корпусов, 45 танковых бригад, 15 танковых полков и 15 танковых батальонов.

Начальнику Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии предписывалось сформировать для механизированных и танковых корпусов 30 механизированных бригад без танковых полков, 10 мотострелковых бригад, 40 мотострелковых, 30 саперных, 10 инженерных, 10 медико-санитарных батальонов, 20 полевых хлебозаводов, а также доукомплектовать 10 мотострелковых бригад и 30 мотострелковых батальонов. Механизированные и мотострелковые бригады следовало развернуть на базе стрелковых дивизий и стрелковых бригад, для чего в феврале – марте вывести с Карельского, Северо-Западного, Западного, Донского, Закавказского и Забайкальского фронтов, Дальневосточного военного округа и 7-й армии 10 стрелковых дивизий и 10 стрелковых бригад.

Начальник инженерных войск Красной Армии должен был передать Главупраформу к 10 февраля 1943 г. на укомплектование инженерных и саперных частей танковых и механизированных корпусов инженерные части численностью 15 200 человек, а начальник Генштаба Красной Армии и командующие фронтами – на укомплектование танковых и механизированных корпусов 25 500 человек из личного состава укрепрайонов.

Командующий артиллерией Красной Армии обязывался сформировать для танковых армий 10 зенитных дивизий в составе четырех зенитных артиллерийских полков каждая, 30 минометных, 30 самоходных артиллерийских, 20 истребительно-противотанковых артиллерийских, 10 гаубичных артиллерийских полков, а также доукомплектовать 70 истребительных противотанковых батарей.

Командующий гвардейскими минометными частями должен был сформировать 10 гвардейских минометных полков М-13 и 30 гвардейских минометных дивизионов М-13, командующий Военно-воздушными силами – 10 авиационных полков связи У-2, а начальник тыла Красной Армии – 10 автомобильных полков подвоза.

От начальника Главного управления кадров наркомата обороны, начальника Главного политического управления Красной Армии, командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии и начальников Главных управлений НКО требовалось полностью укомплектовать формируемые танковые армии за 25 дней до срока готовности лучшим, с боевым опытом командным и начальствующим составом своего рода войск и служб.

Начальник Главного артиллерийского управления Красной Армии должен был обеспечить формируемые танковые армии, танковые и механизированные корпуса артиллерийским и стрелковым вооружением, а начальники Главных управлений НКО – всеми видами матчасти и имуществом в соответствии со сроками передачи сформированных частей командующему Бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии. Для формирования танковых армий требовалось 15 082 автомобиля и специальных машин.

Таким образом, постановление ГКО от 28 января 1943 г. предусматривало проведение в жизнь грандиозной программы – создание 10, а в перспективе 12 танковых армий. Однако

эта программа не соответствовал возможностям того времени. Поэтому в 1943 г. были сформированы только пять танковых армий:

- по директиве № 46002 Ставки ВГК от 10 января 1943 г. – 2-я танковая армия;
- по директиве № 46021 Ставки ВГК от 30 января 1943 г. – 1-я танковая армия;
- по директиве НКО № 1124821 от 22 февраля 1943 г. – 5-я гвардейская танковая армия;
- по приказу № 46174 Ставки ВГК от 14 мая 1943 г. – 3-я гвардейская танковая армия;
- по приказу № 46194 Ставки ВГК от 26 июня 1943 г. – 4-я танковая армия.

20 января 1944 г. был издан приказ № 302001 Ставки ВГК о формировании еще одной – 6-й танковой армии.

По воспоминаниям генерала Н.И. Бирюкова, 14–16 октября 1944 г. было проведено совещание с участием командующих танковыми армиями. На совещании генерал П.С. Рыбалко поставил вопрос о создании «групп танковых армий под руководством командующего БТ и МВ фронта или одного танкового командарма»²⁰⁹. Однако это предложение не нашло поддержки в Ставке ВГК.

Несмотря на то что постановление ГКО предусматривало формирование танковых армий однородного состава, первые две армии (1-я и 2-я) были смешанного состава, как и армии, которые формировались в 1942 г. Позже в организационно-штатную структуру танковых армий вносились некоторые изменения, издавались директивы и приказы, касающиеся вопросов их боевого применения.

На практике состав танковых армий был неодинаковым, так как он определялся директивами (приказами) на их формирование, а также имевшимися силами и средствами. В 64 наступательных операциях, проведенных танковыми армиями однородного состава, в 32 случаях они действовали в двухкорпусном составе. Только одна танковая армия (3-я гвардейская) в ходе всей войны имела три корпуса (два танковых и один механизированный). Двухкорпусная организация танковой армии не полностью отвечала сложившимся к 1943 г. принципам ее применения. К концу войны такая организация практически изжила себя, и почти все танковые армии стали иметь по три корпуса.

В некоторых наступательных операциях командующие фронтами для более успешного решения поставленных танковым армиям боевых задач временно включали в их состав дополнительно один-два корпуса. Так, в состав 4-й танковой армии (трехкорпусного состава) в Орловской операции были включены два танковых корпуса, в 5-ю гвардейскую танковую армию (трехкорпусного состава) в Криворожской и Кировоградской операциях – механизированный корпус.

Кроме корпусов в состав танковых армий входили отдельные танковые (механизированные) бригады и танковые полки. В оперативном построении танковых армий они обычно составляли резерв, используемый в ходе операции для развития успеха, усиления корпусов, обеспечения флангов, действий в качестве передового отряда армии и парирования неожиданных ударов.

7 мая 1943 г. вышло постановление № ГОКО-3309сс, которое обязывало командующего БТ и МВ Красной Армии прекратить с 8 мая формирование новых танковых батальонов, полков, танковых и механизированных бригад, танковых и механизированных дивизий корпусов и танковых армий. Пополнение танковых и механизированных частей и соединений на фронте требовалось производить маршевыми ротами.

30 января 1943 г. ГКО принимает постановление «Об обеспечении танковых армий гвардейскими минометными частями». 10 апреля издается приказ наркома обороны о включении в состав танковых армий двух истребительно-противотанковых артиллерийских (по 20 76-мм пушек), двух минометных (по 36 120-мм минометов), двух самоходных артилле-

²⁰⁹ См.: Бирюков Н.И. Танки – фронту! Записки советского генерала. С. 437.

рийских (по 9 СУ-76 и 12 СУ-122) полков и гвардейского минометного полка (реактивной артиллерии) – 24 боевые установки М-13. В начале 1944 г. в состав танковой армии вводятся самоходная артиллерийская, легкая артиллерийская бригады (48 76-мм и 20 100-мм пушек), а затем истребительно-противотанковая артиллерийская (72 орудия) бригады и гвардейский минометный полк (24 БМ-13). Кроме того, в двух танковых и механизированном корпусах было свыше 500 орудий и минометов. Несмотря на издание ряда приказов, танковые армии к 1944 г. не получили полностью всех положенных им артиллерийских частей, кроме гвардейского минометного полка. Поэтому приходилось придавать им на усиление 1–2 истребительно-противотанковых артиллерийских, 1–3 гвардейских минометных полка, а иногда и другие артиллерийские части.

Возможности средств ПВО танковой армии были сравнительно ограниченными. Они первоначально имели один-два зенитно-артиллерийских полка (в полку по 16 37-мм зенитных пушек и 16 12,7-мм зенитных пулеметов), что позволяло прикрыть лишь армейские пункты управления. Согласно приказу наркома обороны от 10 апреля 1943 г. в состав танковых армий были включены два зенитных артиллерийских полка (по 16 37-мм пушек и 16 ДШК). С середины этого года армия стала получать на усиление зенитную артиллерийскую дивизию РВГК четырехполкового состава (64 зенитных орудия, в том числе 16 85-мм и 64 12,7-мм пулемета). Дивизия могла прикрыть войска на площади 63 кв. км (9 км по фронту и 7 км в глубину) с плотностью 1,5 орудия на 1 кв. км. С учетом зенитных артиллерийских полков корпусов это обеспечивало прикрытие главной группировки войск вне движения. С началом же наступления, а также при перегруппировках эффективность зенитно-артиллерийского прикрытия резко снижалась вследствие недостаточной проходимости колесных машин зенитной артиллерии. Поэтому основные задачи по противовоздушной обороне танковых армий, особенно в ходе боевых действий, выполняла истребительная авиация. Количество выделяемых для этой цели истребительных авиационных соединений постоянно увеличивалось. Если в Белгородско-Харьковской операции 1-ю и 5-ю гвардейскую танковые армии прикрывали две истребительные авиационные дивизии, то в Белорусской операции прикрытие 5-й гвардейской танковой армии на отдельных этапах обеспечивалось силами до двух истребительных авиационных корпусов.

Из разведывательных частей танковые армии имели мотоциклетный полк, а некоторые из них и мотоциклетный или бронеавтомобильный батальон. К ведению разведки также привлекались мотоциклетные батальоны корпусов, роты (взводы) разведки механизированных (танковых) бригад. Из состава мотоциклетного полка, как правило, выделялись 1–2 разведывательных отряда (полоса ведения разведки 5–6 км, глубина до 50 км), а также несколько разведывательных групп и групп глубинной разведки. Мотоциклетные батальоны корпусов первого эшелона формировали 2–3 разведывательные группы (полоса ведения разведки 1,5–2 км, глубина 25–30 км). Из рот и взводов разведки бригад назначались разведывательные дозоры (полоса разведки – до 1,5 км, глубина – 10–15 км). Всего в танковой армии создавались 1–2 разведывательных отряда, 8–11 разведывательных групп, 17–20 разведывательных дозоров, 2–3 группы глубинной разведки. Они способны были решать задачи в полосе наступления армии и на ее флангах на глубину 25–30 км, что ограничивалось главным образом возможностями по дальности средств связи. Данными о противнике, находящемся на удалении 100–300 км и более, обеспечивала фронтовая авиация. Передача с середины 1944 г. в оперативное подчинение командующим танковыми армиями части авиационных средств фронта способствовала, наряду с поддержкой действий наземных войск, более эффективному сбору сведений о противнике. Для ведения разведки использовались и самолеты связи ПО-2 армейского полка связи.

Обеспеченность танковых армий инженерными силами и средствами была невысокой. Они, как правило, один-три инженерных или саперных батальона, а в корпусах – саперный

батальон. Несколько возросли возможности армий с середины 1944 г., когда в их составе были сформированы моторизованные инженерные бригады (два моторизованных инженерных, один понтонно-мостовой батальон). В результате плотность инженерных войск возросла в два-три раза. Кроме того, армия имела штатный понтонный батальон с парком Н2П, который позволял оборудовать мост грузоподъемностью 16 т и длиной 120 м или грузоподъемностью 60 т и длиной 50–60 м либо два паромы такой же грузоподъемности. На десантных лодках можно было перевезти одним рейсом 1,3–1,5 тыс. человек. В ряде случаев армия получала на усиление инженерно-танковый полк (22 танка Т-34 и 18 тралов), понтонно-инженерную бригаду или мотопонтонный мостовой полк. И все же в большинстве наступательных операций танковые армии нуждались в усилении инженерными войсками, и прежде всего тяжелыми понтонно-мостовыми частями.

Из автотранспортных частей и подразделений танковые армии имели по два-четыре автотранспортных батальона, по две-три автороты подвоза ГСМ (по количеству корпусов), а с 1945 г. по одному автотранспортному полку. Танковый (механизированный) корпус располагал ротой подвоза ГСМ. По типовому составу в армии насчитывалось: грузовых автомашин – 4380–5000, специальных – 465–740, легковых – 163–236²¹⁰. Такое количество должно было полностью удовлетворить потребности войск в материальных средствах. Однако армии имели не более 70–80 % автотранспорта от штатной потребности, что усложняло выполнение этой задачи²¹¹. Еще хуже положение было с тракторами, которые боевым соединениям и частям почти не выделялись.

Из ремонтных и эвакуационных частей и подразделений танковые армии располагали двумя ремонтно-восстановительными батальонами, двумя-тремя эвакуаторными ротами и одним-двумя сборными пунктами аварийных машин. В танковом (механизированном) корпусе имелись танкоремонтная и подвижная авторемонтная базы, в танковой (механизированной) бригаде – рота технического обеспечения. С учетом войсковых ремонтных средств танковые армии выполняли 85 % всех средних ремонтов²¹².

Танковые корпуса, входившие в состав армии, к началу 1944 г. имели по штату три танковые бригады (по 65 танков в каждой) и мотострелковую бригаду, три самоходных артиллерийских полка (СУ-152 – 12, СУ-122 – 16, СУ-76 – 21), минометный и зенитно-артиллерийский полки и другие части и подразделения. Всего в корпусе насчитывалось около 11 тыс. человек, 209 танков (КВ – 1, Т-34 – 208), 49 САУ, 152 орудия и миномета, 8 установок БМ-13 и 1295 автомашин. Механизированный корпус состоял из трех механизированных и одной танковой бригад, трех самоходных артиллерийских, минометного и зенитно-артиллерийского полков и других частей и подразделений. Корпус по штату имел более 16 тыс. человек, 197 танков (Т-34 – 176, Т-70 – 21), 49 САУ, 252 орудия и миномета, 8 установок БМ-13, 1835 автомашин²¹³.

В целом развитие организационно-штатной структуры танковых армий в 1943–1945 гг. было направлено на увеличение огневой мощи, ударной силы, подвижности и маневренности танковых армий. По типовому штату танковая армия однородного состава имела около 800 танков и САУ. Однако боевой состав танковых армий не был постоянным, он зависел от ряда факторов, в том числе от обстановки и стоящих задач. Численность личного состава танковой армии чаще всего составляла 43–50 тыс. человек. Она имела 550–700 танков и

²¹⁰ См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1977. С. 31.

²¹¹ См.: Ананьев И.М. Танковые армии в наступлении: По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 76.

²¹² См.: Ананьев И. Создание танковых армий и совершенствование их организационной структуры // Военно-исторический журнал. 1972. № 10. С. 47.

²¹³ См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 27.

САУ, а иногда и более. В конце войны танковая армия трехкорпусного состава, как правило, насчитывала свыше 50 тыс. человек, 850–920 танков и САУ, около 800 орудий и минометов, более 5 тыс. автомобилей²¹⁴.

В своем труде «Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны» генерал армии А.И. Радзиевский приводит таблицу роста численности личного состава, вооружения и боевой техники танковых армий в годы войны, которой мы воспользуемся. Средние данные приведены по опыту 40 армейских наступательных операций.

Анализ таблицы показывает, что состав танковых армий с 1942 по 1945 г. увеличился примерно на одну треть по личному составу, примерно в два раза по танкам и САУ и в четыре раза по артиллерии. По сравнению с танковыми армиями смешанного состава армии однородного состава обладали большей ударной силой и огневой мощностью, а также мобильностью из-за отсутствия немоторизованных соединений. Значительно возросли и возможности по обеспечению боевых действий. Наличие отдельных танковых и самоходных артиллерийских бригад позволяло иметь сильный подвижный танковый резерв либо при необходимости быстро выделять передовой отряд.

Танковые армии, являясь мощным средством Ставки ВГК, предназначались для усиления фронтов, наносивших главные удары. Их предусматривалось использовать преимущественно для развития оперативного успеха в наступательных операциях. Не исключалось применение их и в обороне. Исходя из запаса хода по горючему танков и САУ (130–450 км), армия могла вести наступление с одной заправкой и дополнительными баками на глубину 150–250 км. Армия, насчитывая 550–700 танков и САУ, могла нанести поражение танковому корпусу противника, насчитывавшему 200–500 танков и штурмовых орудий. Наличие в армии до 850 орудий и минометов позволяло создавать среднюю плотность на направлении главного удара до 50–80 орудий и минометов на 1 км фронта. Артиллерия армии была способна осуществлять поддержку атаки танков и мотопехоты на глубину 4–8 км. В целом артиллерийские возможности танковой армии обеспечивали успешные ее действия в качестве подвижной группы фронта.

Танковые и механизированные корпуса, являясь оперативно-тактическими соединениями, могли самостоятельно решать различные задачи: развивать успех в оперативной глубине, преследовать отходящего противника, захватывать важные рубежи и объекты, наступать против поспешно перешедшего к обороне противника, вести борьбу с его танковыми и моторизованными соединениями. При усилении стрелковыми соединениями, гаубичной и тяжелой артиллерией, тяжелыми танками и инженерными частями они, кроме того, могли решать задачи прорыва обороны, подготовленной в полевых условиях. С учетом боевой напряженности, обеспеченности горючим, боеприпасами и характера действий эти корпуса могли непрерывно наступать в течение 5–6 суток с темпом 50–60 км и более, находясь в отрыве от главных сил армии на удалении 30–40 км.

Отдельная танковая бригада (три танковых батальона, моторизованный батальон автоматчиков и другие подразделения), имея 65 танков Т-34, составляла, как правило, резерв командующего армией. Она часто действовала в качестве армейского передового отряда. Отдельная самоходная артиллерийская бригада (65 САУ) чаще всего выделялась в резерв командующего армией.

Танковая армия могла быть усилена отдельными танковыми полками (21–35 танков), тяжелыми танковыми полками (21 танк КВ), самоходными артиллерийскими полками (16–

²¹⁴ См.: Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1979. С. 75.

20 СУ-85, СУ-100, СУ-122)²¹⁵. Они, как правило, придавались корпусам, действовавшим на главном направлении.

В ходе войны совершенствовались структура и техническое оснащение органов управления с учетом боевого опыта и роста экономических возможностей страны.

Первый штат полевого управления танковой армии был утвержден Ставкой ВГК в феврале 1943 г. По своей структуре оно было почти аналогично полковому управлению общевойсковой армии и танковых армий смешанного состава. Вместе с тем предстоящий характер действий танковых армий предопределил при их создании ряд особенностей состава органов управления. В частности, они были несколько подвижнее общевойсковых и танковых армий смешанного состава, имея на 15–20 % меньше личного состава. Кроме того, в составе полевого управления отсутствовало управление командующего БТ и МВ армии. В 1944–1945 гг. личный состав штаба был сокращен со 103 до 88 человек главным образом за счет лиц, не связанных непосредственно с руководством войсками. Удельный вес подразделений обеспечения и обслуживания снизился с 40 до 21 %. Укомплектованность штаба, по опыту 1, 3 и 4-й танковых армий, стала составлять 100 % и более вместо 60–65 % в 1943 г.²¹⁶

Для бесперебойного управления войсками танковые армии имели отдельный полк связи (10–15 радиостанций, в том числе 3–4 большой мощности, 18 телеграфных аппаратов), две отдельные кабельно-шестовые роты, одну отдельную телеграфно-строительную роту или отдельную телеграфно-эксплуатационную роту. С середины 1943 г. танковой армии, как правило, придавался линейно-кабельный батальон, что расширило возможности использования проводных средств. В некоторых операциях танковые армии усиливались отдельными кабельно-шестовой и телеграфно-строительными ротами, линейным батальоном и батальоном связи ВЧ. Они также получили авиационный полк связи (32 самолета По-2). В целом танковые армии достаточно хорошо были оснащены радиосредствами, подвижными и проводными средствами связи. Однако при ведении боевых действий в горно-лесистых районах (Трансильванские Альпы, районы юго-западнее и западнее Вены, горный хребет Большой Хинган) ощущалась необходимость в усилении танковых армий более мощными радиостанциями.

При формировании танковых армий на руководящие должности были назначены хорошо подготовленные в военном отношении генералы и офицеры, имевшие значительный боевой опыт (см. заключение). Несколько сложнее обстояло дело с комплектованием штабов и отделов полевых управлений армий. В результате нехватки кадров часть штабов и отделов укомплектовывалась в 1943 г. не полностью, нередко офицерами, не имевшими высшего военного образования, ранее не работавшими в армейском звене. В последующем степень укомплектованности органов управления танковых армий значительно возросла, достигая, как правило, к началу операции 100 %. Более того, с середины 1944 г. создавался резерв офицерского состава до 10 % штатной численности с целью восполнения потерь в ходе операции. Одновременно возросло количество офицеров штабов и отделов, имеющих высшее военное образование. Если в 1943 г. они составляли всего 15–18 %, то в 1945 г. – 40–45 %, а с учетом переподготовки на курсах при академиях – до 55 %²¹⁷.

В 1943–1944 гг., как и в предыдущие годы, большое внимание уделялось изучению опыта боевого применения танковых и механизированных частей и соединений и доведению его до войск.

²¹⁵ См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 27–28.

²¹⁶ Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 33.

²¹⁷ См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 36.

Как уже говорилось, 16 октября 1942 г. был издан приказ № 325 наркома обороны «О боевом применении танковых и механизированных частей и соединений». Он был положен в основу их действий в наступательных и оборонительных операциях, проводившихся с ноября 1942 г.

Кроме того, командиры и штабы танковых армий руководствовались и другими документами. Так, 20 декабря 1943 г. командующим бронетанковыми и механизированными войсками фронтов, командующим танковыми армиями, командирам танковых и механизированных корпусов были направлены указания штаба Бронетанковых и механизированных войск Красной Армии № 1106651 по организации взаимодействия танковых и механизированных войск с авиацией и артиллерией по опыту Белорусского фронта (приложение № 8)²¹⁸. Их суть сводилась к тому, чтобы вызов и перенацеливание авиации в полете осуществлялись с наблюдательного пункта командира танкового корпуса через радиостанцию офицера связи авиационного штаба. При организации взаимодействия с артиллерией рекомендовалось, чтобы управление огнем по заявкам танковых бригад осуществлялось через штаб поддерживающей артиллерийской дивизии, а вызов огня в интересах всего танкового корпуса по наиболее важным объектам – из штаба артиллерии танкового корпуса через штаб артиллерийского корпуса.

24 января 1944 г. издается директива штаба Бронетанковых и механизированных войск Красной Армии № 481509с о недочетах в боевых действиях танковых войск и мероприятиях по их устранению (см. приложение № 9)²¹⁹. К основным недостаткам в подготовке личного состава и частей в целом, а также в организации взаимодействия и боевых действий на поле боя относились: недостаточное знание офицерским составом частей и штабов организации частей противника и способов его борьбы с танками; слабое ведение разведки противника и местности, особенно командирами рот и взводов; неконкретная постановка задач танковым экипажам; назначение исходных позиций танковым частям в 700–800 м от переднего края противника (вместо установленных 1–3 км) и их занятие в светлое время суток, что позволяло противнику обнаружить сосредоточение танковых частей и соединений; недостаточная подготовка механиков-водителей в вождении танков по незнакомой и изобилующей препятствиями местности; плохая организация наблюдения за полем боя и эвакуации подбитых и аварийных танков. С целью устранения этих недостатков предписывалось: до 1 марта 1944 г. всему офицерскому составу изучить организацию войск противника, тактико-технические данные его танков, противотанковых средств и методы их борьбы; обратить особое внимание на организацию и ведение разведки перед боем и в ходе боя; отработать боевые порядки и сигналы управления танковыми частями; обратить особое внимание на скрытность сосредоточения танков на исходных позициях; тренировать экипажи в ведении наблюдения за полем боя из танка, ведении огня с ходу, коротких остановок и вождении танков по резко пересеченной местности; обеспечить своевременную эвакуацию и восстановление подбитых и аварийных танков.

С учетом накопленного опыта был разработан «Боевой устав бронетанковых и механизированных войск Красной Армии» в двух частях. Он был подписан 13 февраля 1944 г. И.В. Сталиным и введен в действие соответствующим приказом наркома обороны. Первая часть устава касалась боевого применения танка, танкового взвода и роты, а вторая часть – батальона, полка и бригады. Требования устава предписывалось применять, строго соотносясь с обстановкой. При этом каждому начальнику и бойцу предоставлялась самостоятельность в выполнении поставленной задачи. С вводом в действие нового устава был отменен «Устав бронетанковых войск РККА, часть первая (УТВ-1-38 г.)».

²¹⁸ См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 15. М.: Воениздат, 1952. С. 37–39.

²¹⁹ См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 15. С. 16–18.

Итак, начнем свой рассказ о 1-й гвардейской танковой армии.

Первая гвардейская танковая армия

В соответствии с постановлением № ГОКО-2791сс от 28 января 1943 г. И.В. Сталин и Маршал Советского Союза Г.К. Жуков 30 января подписали директиву № 46021 Ставки ВГК о формировании к 8 февраля 1-й танковой армии, назначении командующим армией генерал-лейтенанта танковых войск М. Е. Катукова, членом Военного совета армии – генерал-майора Н.К. Попеля, начальником штаба армии – генерал-майора Н.С. Дронова. На укомплектование армии предписывалось обратиться к полковому управлению 29-й армии с частями обеспечения и тыловыми учреждениями, переименовав это управление в управление 1-й танковой армии. В ее состав включались: 3-й механизированный и 6-й танковый корпуса; 112-я танковая бригада; две стрелковые и одна зенитная дивизия; четыре лыжные бригады; 62, 63, 64 и 7-й отдельные танковые, гаубичный артиллерийский, два истребительно-противотанковых артиллерийских полка; минометный полк РГК; авиаполк связи У-2²²⁰. Для пополнения 3-го механизированного и 6-го танкового корпусов направлялись танки, 7,5 тыс. человек, 550 автомашин, по одному минометному полку, по одному отдельному батальону связи, а для 6-го танкового корпуса – дополнительно два гвардейских минометных полка, отдельный гвардейский минометный дивизион и саперный батальон. Всем начальникам главных управлений НКО предписывалось обеспечить формируемые части вооружением, материальной частью и всеми видами имущества, а также выделить специалистов по каждому роду войск.

Как видно, боевой состав новой танковой армии по-прежнему был смешанным. Армия сосредоточивалась в районе Осташкова. Ее формирование осуществлялось медленно, так как снежное бездорожье затруднило прибытие частей и соединений. Кроме того, в районе формирования не было ни горючего, ни боеприпасов, ни продовольствия, ни фуража. Плечо подвоза – от пункта формирования до ближайшей базы снабжения – составляло 250 км. Начальник штаба генерал Н.С. Дронов и его ближайшие помощники слабо разбирались в специфике танковых соединений, а поэтому нередко возникали неувязки. Поэтому генерал М.Е. Катуков срочно отозвал из 3-го механизированного корпуса своего боевого соратника М.Т. Никитина и назначил его начальником оперативного отдела штаба армии. Это позволило потихоньку нормализовать работу штаба армии. Вскоре по просьбе командарма по решению маршала Жукова на должность начальника штаба армии был назначен начальник штаба 22-й армии генерал-майор М.А. Шалин.

Несмотря на все трудности, к 17 февраля формирование 1-й танковой армии было завершено. По директиве № 30039 Ставки ВГК от 6 февраля 1943 г. ее намечалось включить в состав Особой группы войск генерала М.С. Хозина Северо-Западного фронта и использовать для разгрома ленинградско-волховской группировки противника²²¹. Однако наступление войск фронта, начатое 15 февраля, к успеху не привело. 1-й танковой армии так и не удалось принять участие в Демянской операции (кодовое наименование «Полярная звезда»). 23 февраля армия была выведена в резерв Ставки ВГК.

Вскоре 1-я танковая армия получила новую задачу. Согласно директиве № 30072 Ставки ВГК от 11 марта она перебрасывалась в район Обояни и с 13 марта вместе с 21-

²²⁰ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 47–48. Маршал бронетанковых войск М.Е. Катуков в своих мемуарах «На острие главного удара» упоминает постановление ГОКО от 4 января 1943 г. о формировании 1-й танковой армии. Однако в директиве Ставки ВГК речь идет о постановлении от 28 января того же года.

²²¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 70–71.

й армией передавалась в подчинение командующего Воронежским фронтом²²². Но уже 21 марта по директиве № 30079 Ставки ВГК 1-я танковая армия была передана в резерв представителя Ставки Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Ему разрешалось использовать армию на Воронежском фронте по своему усмотрению – в полном составе или по частям²²³.

Пока шло сосредоточение 1-й танковой армии в районе Обояни, войска Воронежского фронта, отойдя в ходе оборонительных сражений на 100–150 км, остановили 25 марта противника на рубеже Краснополье, Белгород и далее по р. Северский Донец до Чугуева, образовав здесь южный фас так называемого Курского выступа.

12 апреля, согласно директиве № 37903 Генерального штаба, из состава Северо-Западного фронта в подчинение командующего 1-й танковой армией передавалась 100-я танковая бригада²²⁴. 25 апреля по директиве № 46126 Ставки ВГК армия с 28 апреля включалась в состав войск Воронежского фронта²²⁵.

Войска 1-й танковой армии совместно с другими армиями фронта готовились к Курской битве. Большое внимание уделялось инженерному оборудованию обороны. В ходе оборонительных работ были отрыты траншеи, ходы сообщения, сооружены капониры, дзоты, блиндажи, созданы искусственные препятствия. Одновременно была организована боевая и политическая подготовка. Экипажи учились метко стрелять из танка, стоящего в окопе или движущегося на противника. Много внимания уделялось вопросам взаимозаменяемости в экипажах. Совместно с частями 6-й гвардейской армии проводились совместные учения. Главный упор делался на овладение искусством непрерывного управления подчиненными в любой обстановке. В мае в 1-й танковой армии была проведена двухдневная командно-штабная игра на тему «Контрудар танковой (механизированной) бригады во взаимодействии с другими родами войск», а в июне – на тему «Ввод танкового соединения в прорыв»²²⁶. Под руководством командующего БТ и МВ Воронежского фронта генерала Н.Н. Радкевича проводились командно-штабные учения с привлечением штабов 1-й танковой армии, 2-го гвардейского и 5-го гвардейского танковых корпусов²²⁷. Они выявили ряд недостатков в подготовке комсостава корпусного звена, связанный с разработкой боевых документов, организацией связи и разведки.

Одновременно происходили изменения в организационно-штатной структуре 1-й танковой армии. В соответствии с директивой № 39041 Генштаба от 4 июня, в состав 31-го танкового корпуса, формируемого в 1-й танковой армии, из 3-го механизированного корпуса передавались 1-я гвардейская и 49-я танковые бригады, а также 112-я танковая бригада. В состав 3-го механизированного корпуса включались 7-й и 62-й отдельные танковые полки. Еще два отдельных танковых полка (63-й и 64-й) 7 июня передавались в распоряжение командующего войсками Степного военного округа²²⁸. Согласно директиве № 39175 Генштаба от 17 июня, состав 31-го танкового корпуса был изменен: вместо 112-й, 1-й гвар-

²²² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 93; Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 93.

²²³ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 101.

²²⁴ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 109.

²²⁵ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 129.

²²⁶ См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 95.

²²⁷ См.: Замулин В. Курский излом. Решающая битва Отечественной войны. М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 110–111.

²²⁸ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 157.

дейской и 49-й танковых бригад он включал 100-ю танковую бригаду и вновь сформированные на базе 7, 62, 63 и 64-го танковых полков 237-ю и 242-ю танковые бригады²²⁹.

Несмотря на принятые меры, к 1 июля 1943 г. не удалось полностью выполнить план по комплектованию 1-й танковой армии. Во всех корпусах отсутствовали самоходные артиллерийские полки и полки ПВО, не доставало зенитно-пулеметных рот. Кроме того, 31-й танковый корпус не имел положенные по штату истребительно-противотанковые артиллерийские и тяжелый минометный полки, мотострелковую бригаду, мотоциклетный батальон и авиазвено связи. В армии отсутствовал армейский мотоциклетный полк. Армейский 385-й авиационный полк легких бомбардировщиков имел некомплект 12 самолетов У-2. В оперативное подчинение командующему 6-й гвардейской армией были переданы 538-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк 6-го танкового корпуса, армейские 1008-й истребительно-противотанковый артиллерийский и 16-й гвардейский отдельный минометный полки.

Курская стратегическая оборонительная операция (5—23 июля 1943 г.)

13 марта 1943 г. А. Гитлер принял решение о разгроме основных сил Красной Армии на центральном участке советско-германского фронта в целях захвата вновь стратегической инициативы и изменения хода войны в свою пользу. В оперативном приказе № 5, подписанном фюрером, командующему группой армий «Юг» генерал-фельдмаршалу Э. фон Манштейну предписывалось к середине апреля сосредоточить мощную танковую группировку севернее Харькова, а командующему группой армий «Центр» генерал-полковнику Г. фон Клюге – ударную группировку южнее Орла. Обе группировки должны были встречным ударом в общем направлении на Курск окружить и уничтожить советские войска внутри Курского выступа. Этот выступ для обеих сторон имел важное стратегическое значение: советские войска могли нанести сильные удары по тылам и флангам орловской и белгородско-харьковской группировок противника, а он, в свою очередь, – провести встречные удары из районов Орла и Белгорода на Курск.

Задачи войск и мероприятия по их обеспечению в новой наступательной операции, получившей условное наименование «Цитадель», были изложены в оперативном приказе Гитлера за № 6 от 15 апреля²³⁰. Цель наступления – «посредством массированного, беспощадно и быстро проведенного каждой из атакующих армий наступательного удара из района Белгорода и южнее Орла окружить находящиеся в районе Курска силы противника и концентрированным наступлением уничтожить их. В ходе этого наступления следует выйти на укороченную и сберегающую наши силы линию фронта...»²³¹.

Для реализации плана операции «Цитадель» Верховное Главнокомандование вермахта создало две мощные группировки²³².

Первая была развернута против войск Центрального фронта (48, 13, 70, 65, 60-я, 16-я воздушная и 2-я танковая армии, 9-й и 19-й отдельные танковые корпуса; генерал армии К.К. Рокоссовский). Здесь командующий группой армий «Центр» сосредоточил 26 дивизий 9-й и 2-й полевых армий, в том числе 6 танковых, одну моторизованную, отдельный батальон тяжелых танков и 7 дивизионов штурмовых орудий. Эта группировка имела 460 тыс. человек, около 6 тыс. орудий и минометов и до 1200 танков и штурмовых орудий. Войска Цен-

²²⁹ Там же. С. 170.

²³⁰ См.: Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки, документы и материалы. В 2 т. М.: Наука, 1973. Т. 2. С. 410–413.

²³¹ Цит. по: Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки, документы и материалы. В 2 т. Т. 2. С. 410–413.

²³² См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т. 15. (4–4). С. 8.

трального фронта насчитывали свыше 710 тыс. человек, 5280 орудий всех калибров, свыше 5600 минометов, 1783 танка и САУ, около 1100 самолетов. Превосходство над противником составляло по живой силе, танкам и САУ в 1,5 раза, а по орудиям и минометам – в 1,8 раза.

Вторая группировка была создана против Воронежского фронта (6-я и 7-я гвардейские, 38, 40, 69-я, 2-я воздушная армии, 35-й гвардейский стрелковый корпус, 1-я танковая армия, 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса; генерал армии Н.Ф. Ватутин). Здесь были развернуты 24 дивизии 2-й полевой, 4-й танковой армий и оперативной группы «Кемпф»²³³ групп армий «Центр» и «Юг», в том числе 8 танковых и одна моторизованная дивизии, два отдельных батальона тяжелых танков и дивизион штурмовых орудий. Эта группировка имела 440 тыс. человек, 4 тыс. орудий и минометов и до 1500 танков и штурмовых орудий²³⁴. Войска Воронежского фронта насчитывали около 630 тыс. человек, свыше 4 тыс. орудий всех калибров, 4150 минометов, 1661 танк и САУ, около 1100 самолетов. Воронежский фронт превосходил противника по живой силе в 1,4 раза, в орудиях и минометах – в 2, а в танках и САУ – в 1,1 раза.

В тылу Центрального и Воронежского фронтов были развернуты стратегические резервы, объединенные в Степной военный округ (командующий – генерал-полковник И.С. Конев). В его состав входили 4-я и 5-я гвардейские, 27, 47, 53-я, 5-я гвардейская танковая, 5-я воздушная армии, один стрелковый и три кавалерийских, 3-й, 4-й гвардейские и 10-й танковые, 1, 2 и 3-й гвардейские механизированные корпуса. Войска округа насчитывали 573 тыс. человек, около 4 тыс. орудий, 4 тыс. минометов, 1550 танков и САУ²³⁵.

Если превосходство в танках и САУ в количественном отношении было на стороне Центрального, Воронежского фронтов и Степного военного округа, то в качественном отношении противник имел преимущество. Он располагал значительным количеством танков Т-V и Т-VI и штурмовых орудий «Фердинанд», обладавших мощным вооружением и броней. В бронетанковых и механизированных войсках советских фронтов более 30 % танков и САУ составляли легкие машины.

И.В. Сталин по предложению маршала Г.К. Жукова в середине апреля решил, укрепляя оборону на всех важнейших направлениях, сосредоточить основные усилия севернее и южнее Курска, где, как ожидалось, должны развернуться основные события. Здесь предполагалось создать сильную группировку войск, которая, отразив удары противника, должна была перейти в наступление, нанося главный удар на Харьков, Полтаву и Киев с целью освобождения Донбасса и всей Левобережной Украины. На маршала Жукова возлагалось общее руководство Центральным и Воронежским фронтами. «Таким образом, оборона наших войск была, безусловно, не вынужденной, – отмечал Жуков, – сугубо преднамеренной, и выбор момента для перехода в наступление Ставка поставила в зависимость от обстановки. Имелось в виду не торопиться с ним, но и не затягивать его»²³⁶.

Особенностью планирования применения бронетанковых и механизированных войск Центрального и Воронежского фронтов явилось то, что до 90 % танков было сосредоточено на вероятных направлениях главных ударов противника. Танковые армии находились во вторых эшелонах, а танковые корпуса – в резерве фронтов. Они предназначались для нанесения контрударов по нескольким вариантам в зависимости от направлений главных ударов про-

²³³ Группой командовал командир 48-го танкового корпуса генерал танковых войск В. Кемпф. В ряде источников группу называют «армейской группой Кемпф».

²³⁴ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т. 15. (4–4). С. 8.

²³⁵ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т. 15. (4–4). С. 8.

²³⁶ Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. Т. 3. С. 23.

тивника. Так, 1-я танковая армия готовила пять вариантов контрударов. Главным считался контрудар в полосе 6-й гвардейской армии. 2-я танковая армия получила задачу быть готовой нанести контрудары на трех направлениях; основным из них считался контрудар в полосе 13-й армии.

Противник располагал сведениями о том, что советские войска готовятся встретить его наступление на Курской дуге упорной обороной. Гитлер несколько раз переносил срок начала операции «Цитадель». И только 1 июля он окончательно решил начать ее 5 июля. О готовности противника к переходу в наступление было известно и органам советской разведки. При этом назывались разные сроки: сначала 10–12 мая, затем – 19–26 мая и 3–6 июля.

В ночь на 5 июля в штаб Центрального фронта позвонил командующий 13-й армией генерал Н.П. Пухов. Он доложил, что захваченный пленный сообщил о начале немецкими войсками наступления около 3 часов утра. Этому сообщению поверили, хотя противник не мог начать наступление крупными силами пехоты и танков в темноте, ведь время восхода солнца в этот день было в 4 часа 33 минуты. Просто не учли разницу по берлинскому (по нему жила германская армия) и московскому времени в один час. Тем не менее, в 2 часа 20 минут командующий фронтом генерал К.К. Рокоссовский с разрешения представителя Ставки ВГК маршала Г.К. Жукова отдал приказ о начале 30-минутной артиллерийской контрподготовки, в которой участвовало 2460 орудий и минометов. На Воронежском фронте артиллерийская контрподготовка началась в три часа утра. Ее эффективность оценивается по-разному. Так, Г.К. Жуков считал, что она «нанесла врагу большие потери и дезорганизовала управление наступлением войск, но мы все же ждали от нее больших результатов. Наблюдая ход сражения и опрашивая пленных, я пришел к выводу, что как Центральный, так и Воронежский фронты начали ее слишком рано: немецкие солдаты еще спали в окопах, блиндажах, оврагах, а танковые части были укрыты в выжидательных районах. Лучше было бы контрподготовку начать примерно на 30–40 минут позже»²³⁷.

Столь же реально оценивает результаты артиллерийской контрподготовки и маршал И.С. Конев. «Следует заметить, что на обоих фронтах первый мощный огневой удар был нанесен по главным средствам атаки. Однако сорвать наступление противника не удалось... Эффект контрподготовки мог бы быть выше, если бы более точно были определены места сосредоточения пехоты и танков врага в исходном положении в ночь на 5 июля, и если бы она была начата в тот момент, когда противник вышел из укрытий после ночного отдыха перед боем»²³⁸.

В отличие от Жукова и Конева маршал А.М. Василевский считал, что артиллерийско-авиационная контрподготовка дала исключительный эффект, так как противник с трудом смог начать наступление вместо 3 часов утра 5 июля тремя часами позже²³⁹.

Однако военачальники вермахта Э. Манштейн в своей книге «Утерянные победы» и Г. Гудериан в «Воспоминаниях солдата» артиллерийскую контрподготовку, проведенную 5 июля советскими войсками, почему-то даже не упомянули.

В 4 часа 30 минут 5 июля противник начал артиллерийскую и авиационную подготовку. В 5 часов 30 минут он силами четырех танковых (18, 9, 20, 12-я) и пяти пехотных (78, 86, 6, 7, 258-я) дивизий нанес удар в стык между 13-й и 70-й армиями Центрального фронта. После ожесточенных боев противнику удалось потеснить в районе Ольховатки части 15-й и 81-й стрелковых дивизий 13-й армии. Попытка командующего фронтом генерала Рокоссовского 6 июля контрударом силами 16-го танкового корпуса 2-й танковой армии, 19-го танкового

²³⁷ Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 46.

²³⁸ Цит. по: Конев И.С. Записки командующего фронтом. М.: Голос, 2000. С. 108–109.

²³⁹ См.: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 309–310.

корпуса²⁴⁰ и 17-го гвардейского стрелкового корпуса 13-й армии на Архангельское восстановить положение на левом фланге 13-й армии успеха не имела. В то же время противник был остановлен перед второй полосой обороны и понес большие потери. Тогда он решил с утра 7 июля попытать счастье на других направлениях. Но контрудар врага вдоль железной дороги на Поныри к успеху не привел. И только в направлениях на Ольховатку и Теплое ему удалось к исходу дня продвинуться на 2–3 км. В последующем ценой больших потерь противник к исходу дня 10 июля сумел вклиниться в оборону войск Центрального фронта на ольховатском направлении на 12 км, а на вспомогательных направлениях – всего лишь на 1–3 км. За это время силы противника истощились, и он перешел к обороне.

Упорные сражения развернулись в эти дни и на Воронежском фронте. Главный удар силами 4-й танковой армии (около 1 тыс. танков и штурмовых орудий) генерала Г. Гота был нанесен 5 июля в полосе 6-й гвардейской армии генерала И.М. Чистякова. По войскам 7-й гвардейской армии генерала М.С. Шумилова нанесла удар армейская группа «Кемпф» (свыше 400 танков и штурмовых орудий)²⁴¹. Несмотря на упорное сопротивление войск 6-й гвардейской армии, противнику удалось на отдельных участках прорвать главную полосу ее обороны. Чтобы не допустить прорыва противника в направлении Обояни, командующий Воронежским фронтом генерал Н.Ф. Ватутин около шести часов вечера 5 июля приказал командующему 1-й танковой армией выдвинуть 6-й танковый и 3-й механизированный корпуса на второй оборонительный рубеж 6-й гвардейской армии. Им предстояло прочно закрепиться на рубеже Меловое, Яковлево. Одновременно предписывалось быть в готовности с рассветом 6 июля перейти в контрнаступление в направлении на Томаровку. В районы Тетеревино и Гостищево из резерва фронта выдвигались 5-й и 2-й гвардейские танковые корпуса в готовности также с рассветом 6 июля нанести контрудар в направлении Белгорода. Оба корпуса в оперативном отношении были подчинены командующему 6-й гвардейской армией.

Соединения 1-й танковой армии, совершив ночной марш, утром 6 июля перешли к обороне на указанном рубеже. В первом эшелоне оборонялись 6-й танковый и 3-й механизированный корпуса (всего 419 танков и САУ), а во втором эшелоне – 31-й танковый корпус (196 танков). В резерве находилась 180-я танковая бригада, прибывшая из 38-й армии.

По данным штаба 1-й танковой армии, непосредственно против ее войск наступал 48-й танковый корпус (моторизованная дивизия «Великая Германия», 3-я, 11-я танковые и 332-я пехотная дивизии, танковая дивизия «Адольф Гитлер» 2-го танкового корпуса СС). В полосе обороны 5-го и 2-го гвардейских танковых корпусов действовали танковые дивизии СС «Мертвая голова», «Райх» и 167-я пехотная дивизия.

Утром 6 июля противник возобновил наступление, нанося два удара: один из района Черкасского на северо-восток в направлении на Луханино, второй из района Быковки вдоль шоссе на Обоянь. До 160 танков четырьмя колоннами вышли на участок Чапаев, Шепелевка и пытались с ходу прорвать оборону. Но здесь они встретили мощный огонь стрелковых частей 6-го танкового корпуса генерала А.Л. Гетмана, а также отдельных танковых и артиллерийских соединений и частей. Противник группами по 40–50 танков четыре раза повторял атаки, но все они были отбиты. Вдоль Обояньского шоссе наступало до 400 танков. Их встретил 3-й механизированный корпус генерала С.М. Кривошеина, который в течение дня отразил 8 атак. «Уже первые донесения с поля боя под Яковлево показывали, – пишет М.Е. Катуков, – что мы делаем совсем не то, что надо. Как и следовало ожидать, бригады несли серьезные потери. С болью в сердце я видел с НПП, как пылают и коптят тридцатьчетверки.

²⁴⁰ 19-й танковый корпус в оперативном отношении был подчинен командующему 2-й танковой армией.

²⁴¹ См.: Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности. М.: Эксмо, Яуза, 2007. С. 81.

Нужно было во что бы то ни стало добиться отмены контрудара. Я поспешил на КП, надеясь срочно связаться с генералом Ватутиным и еще раз доложить ему свои соображения»²⁴².

В это время генерала Катукова вызвал к прямому проводу Сталин. О том, какой между ними состоялся диалог, повествует Катуков в своих мемуарах «На острие главного удара»:

– Здравствуйте, Катуков! – раздался хорошо знакомый голос. – Доложите обстановку!

Катуков рассказал Сталину о том, что видел на поле боя собственными глазами.

– По-моему, – сказал Катуков, – мы поторопились с контрударом. Враг располагает большими неизрасходованными резервами, в том числе танковыми.

– Что вы предлагаете?

– Пока целесообразно использовать танки для ведения огня с места, зарыв их в землю или поставив в засады. Тогда мы могли бы подпускать машины врага на расстояние триста-четыре метра и уничтожать их прицельным огнем.

Сталин некоторое время молчал.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Вы наносить контрудар не будете. Об этом вам позволит Ватутин.

Вскоре командующий Воронежским фронтом сообщил генералу М.Е. Катукову об отмене контрудара. «Я вовсе не утверждаю, – пишет Михаил Ефимович, – что именно мое мнение легло в основу приказа. Скорее всего, оно просто совпало с мнением представителя Ставки и командования фронта»²⁴³.

Противник, не сумев прорваться через боевые порядки 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов, перегруппировал силы и нанес удар по 5-му гвардейскому танковому корпусу генерала А.Г. Кравченко. Его части в это время совместно со 2-м гвардейским танковым корпусом наносили контрудар по правому флангу танковой группировки врага, рвавшейся на Обоянь. К утру 7 июля 5-й гвардейский танковый корпус, потеряв 110 боевых машин, под натиском превосходящих сил врага был вынужден отойти на новый оборонительный рубеж Беленихино, Тетеревино²⁴⁴. Противник, захватив Лучки, продвигался к Ясной Поляне. 2-й гвардейский танковый корпус полковника А.С. Бурдейного сумел частью сил форсировать Липовый Донец севернее Шопино, но сломить сопротивление врага не смог. По приказу командующего Воронежским фронтом корпус отошел на восточный берег реки.

В ночь на 7 июля генерал Ватутин приказал командующему 1-й танковой армией выдвинуть 31-й танковый корпус генерала Д.Х. Черниенко в район Тетеревино, где враг прорвал оборону стрелковых частей. Корпусу предстояло уничтожить прорвавшегося противника. Для усиления корпуса командующий фронтом направил из своего резерва 29-ю истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду, 180-ю и 192-ю танковые бригады 38-й армии, а также два истребительно-противотанковых артиллерийских и один минометный полк, три истребительно-противотанковых артиллерийских дивизиона и два батальона противотанковых ружей²⁴⁵. Одновременно из полосы 3-го механизированного корпуса на укомплектование выводились понесшие большие потери 52-я и 67-я гвардейские стрелковые дивизии 6-й гвардейской армии. На угрожаемом направлении сосредоточивались усилия авиации фронта.

По просьбе командующего Воронежским фронтом Сталин распорядился выдвинуть в район севернее станции Прохоровка из состава 5-й гвардейской армии 10-й танковый корпус (185 танков и САУ) генерала В.Г. Буркова. Из состава Юго-Западного фронта начал выдвиже-

²⁴² Цит. по: Катуков М.Е. На острие главного удара. М.: Воениздат, 1974. С. 220.

²⁴³ Цит. по: Катуков М.Е. На острие главного удара. С. 220.

²⁴⁴ См.: Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности. С. 106.

²⁴⁵ См.: Катуков М.Е. На острие главного удара. С. 225.

ние 2-й танковый корпус генерала А.Ф. Попова. Одновременно Ставка ВГК отменила ранее принятое решение о передаче 27-й армии Центральному фронту. Кроме того, на угрожаемое направление перебрасывались еще две общевойсковые армии. Воронежскому фронту была поставлена задача остановить стремительное наступление противника на рубеже р. Псел и захватить в свои руки инициативу.

На рассвете 7 июля части моторизованной дивизии «Великая Германия» и 11-й танковой дивизии нанесли удар вдоль обояньского шоссе по 3-му механизированному корпусу с целью охватить его левый фланг. Наступление поддерживала авиация группами по 60–80 самолетов. Противнику (до 700 танков и самоходных орудий) удалось потеснить соединения 3-го механизированного корпуса на 5–6 км. Для прикрытия своего левого фланга командующий 1-й танковой армией выдвинул 200-ю танковую бригаду 5-го танкового корпуса, а из резерва фронта была направлена 180-я танковая бригада.

Одновременно противник стремился выйти во фланг 31-му танковому корпусу, который противостоял танковой дивизии «Адольф Гитлер». Врагу удалось потеснить соединения корпуса на западную окраину Грезное и захватить Большие Маячки. В результате левый фланг 1-й танковой армии оказался отброшенным на северо-запад, а полоса ее обороны растянулась на 45 км. Для прикрытия этого направления генерал Ватутин приказал перебросить из 38-й и 40-й армий 309-ю стрелковую дивизию, три истребительно-противотанковые артиллерийские бригады, гаубичный, минометный и танковый полки, части 9-й зенитной дивизии. В свою очередь генерал Катукос усилил 31-й танковый корпус 192-й танковой бригадой и истребительно-противотанковым артиллерийским полком из состава 40-й армии.

Тем временем командующий Воронежским фронтом принял решение по нанесению в 11 часов 30 минут 8 июля контрудара по правому флангу вклинившейся группировки противника. Для этого привлекались четыре танковых корпуса (2-й и 5-й гвардейские, 2-й и 10-й), три стрелковые дивизии (89-я гвардейская, 183-я и 375-я) 69-й армии, 6-й танковый корпус 1-й танковой армии и левофланговые соединения 40-й армии. Замысел состоял в том, чтобы одновременным ударом пяти танковых корпусов при поддержке стрелковых соединений окружить и уничтожить правофланговые соединения 4-й танковой армии противника. Остальным войскам 1-й танковой армии предстояло выполнять прежнюю задачу – не допустить противника к Обояни и быть в готовности нанести контрудар в южном направлении. В подчинение командующему армией передавались 86-я танковая, 33-я пушечная артиллерийская бригады, два истребительно-противотанковых и один минометный полк.

Противник упредил контрударную группировку Воронежского фронта. Утром 8 июля, прикрывшись со стороны выдвигавшихся танковых корпусов фронта частью сил и противотанковыми средствами, он возобновил наступление против 1-й танковой армии. Части 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов сумели удержать занимаемые позиции. Однако в полосе 31-го танкового корпуса части танковой дивизии «Адольф Гитлер» сумели прорваться к р. Сухая Солотинка, где вошли в соприкосновение с 11-й танковой дивизией 48-го танкового корпуса. Это вынудило части 3-го механизированного корпуса отойти к Кочетовке. Несмотря на это, генерал Ватутин приказал соединениям контрударной группировки атаковать противника. Но контрудар не достиг своей цели. Войска Воронежского фронта потеряли 343 танка и САУ, а 2-й танковый корпус СС по сведениям его штаба – 17 танков, а около 100 нуждались в ремонте²⁴⁶. В то же время положение 1-й танковой армии несколько упрочилось, а замысел противника по ее разгрому, выходу к р. Псел и форсированию реки с ходу был сорван. К исходу дня 8 июля на рубеже Красный Октябрь, Прохоровка, Козловка заняли оборону подразделения 11-й мотострелковой бригады 10-го танкового корпуса.

²⁴⁶ См.: Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности. С. 135, 136.

Западнее оборонялась 237-я танковая бригада 31-го танкового корпуса. В район Прохоровки выдвигался из состава Юго-Западного фронта 2-й танковый корпус.

Утром 9 июля после массированных ударов авиации крупные силы вражеской пехоты и танков атаковали левый фланг 6-го танкового корпуса 1-й танковой армии, пытаясь захватить Сырцево и Верхопенье. Не добившись успеха на этом участке, противник двумя танковыми группами до 200 танков устремился на Кочетовку и Калиновку и прорвал боевые порядки 3-го механизированного и 31-го танкового корпусов. На следующий день противник силами моторизованной дивизии «Великая Германия» и 3-й танковой дивизии сумел прорвать оборону 67-й гвардейской стрелковой дивизии, оборонявшейся на стыке 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов. После упорных боев противнику удалось прорваться на северо-запад и достичь населенных пунктов Новенькое, Новоселовка-2. В результате возникла угроза окружения 6-го танкового корпуса и 90-й гвардейской стрелковой дивизии, оборонявшихся юго-западнее Верхопенья. В этой связи генерал Катукوف приказал им отойти на запад и совместно с 10-м танковым корпусом и 184-й стрелковой дивизией создать прочную оборону. В результате этих мер наступление противника захлебнулось и на правом фланге армии.

За пять дней ожесточенных боев враг сумел вклиниться в оборону войск Воронежского фронта на глубину около 35 км. В связи с напряженной обстановкой, создавшейся на белгородско-курском направлении, по решению Ставки ВГК Воронежский фронт был усилен из состава Степного фронта²⁴⁷ 5-й гвардейской армией генерала А.С. Жадова и 5-й гвардейской танковой армией генерала П.А. Ротмистрова. При этом танковая армия сосредоточивалась в районе Бобрышево, Большая Псинка, Прелестное, Прохоровка с задачей быть в готовности отразить наступление противника, занявшего 8 июля Кочетовку. Армия генерала Жадова должна была выйти на р. Псел, занять оборону и не допустить дальнейшего продвижения противника на север и северо-восток.

По плану операции «Цитадель» предусматривалось, что ударные группировки групп армий «Центр» и «Юг» должны соединиться восточнее Курска на четвертый день, то есть 8 июля. Однако истек уже пятый день операции, а эта цель так и не была достигнута. После неудачных попыток прорваться к Курску вдоль шоссе на Обоянь противник решил сделать это восточнее, через Прохоровку. Войска, наступавшие на корочанском направлении, также получили задачу нанести удар на Прохоровку.

В свою очередь, советское командование решило разгромить вклинившиеся в оборону группировки противника на обояньском направлении. С этой целью намечалось утром 12 июля силами 5-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий нанести мощный контрудар из района Прохоровки, а силами 6-й гвардейской и 1-й танковой армий с рубежа Меловое, Орловка в общем направлении на Яковлево. К проведению контрудара привлекалась также часть сил 40-й, 69-й и 7-й гвардейской армий. С воздуха наземные войска прикрывали 2-я и 17-я воздушные армии.

В 8 часов 30 минут 12 июля после авиационной и артиллерийской подготовки войска 6-й и 5-й гвардейских армий, 1-й и 5-й гвардейской танковых армий перешли в наступление. Одновременно в наступление перешла и ударная группировка врага. Началось крупное встречное танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовало 1160 танков и самоходных (штурмовых) орудий (с советской стороны – 670, со стороны противника – 490)²⁴⁸. Соединения 5-й гвардейской танковой армии вместе с приданными 2-м и 2-м гвардейским танковыми корпусами сумели на отдельных направлениях продвинуться лишь от 1,5 до 3–4 км. 5-я гвардейская армия своими правофланговыми соединениями преодолела сопротив-

²⁴⁷ 9 июля 1943 г. Степной военный округ был переименован в Степной фронт.

²⁴⁸ См.: Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности. С. 485.

ление вражеских войск и вышла к северной окраине Кочетовки, а на левом фланге вела оборонительные бои на р. Псел. Войска 6-й гвардейской и 1-й танковой армий имели незначительное продвижение. Причиной тому был недостаток времени для подготовки к контрудару, а также слабое артиллерийское и инженерное обеспечение.

Таким образом, войска Воронежского фронта не сумели разгромить группировку противника, вклинившуюся в его оборону. По уточненным данным противник 12 июля потерял 200 танков и штурмовых орудий из 420, а 5-я гвардейская танковая армия – 500 танков и САУ из 951-го²⁴⁹.

К этому времени Верховное Главнокомандование вермахта решило прекратить дальнейшее наступление на Курской дуге. 13 июля в ставке Гитлера состоялось совещание с участием командующих группами армий фон Манштейном и фон Клюге. В докладе фон Клюге отмечалось, что в связи с большими потерями наступление 9-й армии не может продолжаться и не может быть потом возобновлено. «Так как фельдмаршал фон Клюге считал исключенным возобновление наступления 9-й армии, – вспоминал Манштейн, – и более того, считал необходимым вернуть ее на исходные позиции, Гитлер решил, одновременно учитывая необходимость снятия сил для переброски их в район Средиземного моря, остановить осуществление операции «Цитадель»²⁵⁰.

Понеся большие потери (около 30 тыс. человек, свыше 700 танков) и опасаясь окружения своих войск, вклинившихся на глубину до 35 км, противник 16 июля начал планомерный отвод главных сил в исходное положение. Войска Воронежского, а в ночь на 19 июля и Степного фронтов перешли к его преследованию и к 23 июля вышли на рубеж Черкасское, (иск.) Задельное, Мелехово и далее по левому берегу р. Северский Донец. В основном это был рубеж, занимаемый советскими войсками до начала операции.

В ходе Курской стратегической оборонительной операции войска Центрального, Воронежского и Степного фронтов сумели остановить наступление ударных группировок противника на орловском и белгородско-харьковском направлениях. При этом потери советских войск составили: безвозвратные – 70 330 и санитарные – 105 517 человек²⁵¹. Замысел операции «Цитадель» был окончательно похоронен. Советское командование не только разгадало планы врага, но и достаточно точно определило место и время нанесения его ударов. Переход к преднамеренной обороне сыграл свою роль.

Для 1-й танковой армии участие в операции закончилось еще 14 июля. Ее войска и приданные армии соединения и части в ночь на 16 июля были выведены в тыл. Командование и Военный совет Воронежского фронта, оценивая боевые действия 1-й танковой армии в оборонительных сражениях на Курской дуге, сообщали в Ставку ВГК:

«Командованием Воронежского фронта 1-й танковой армии была поставлена боевая задача разгромить наступающие войска на белгородском направлении. Несмотря на численное превосходство сил противника на ряде участков фронта, ни одна часть, ни одно соединение армии не дрогнуло и не отошло ни на один метр без приказа старшего командира. Весь личный состав армии стойко и героически сражался, героизм в этих боях был массовым явлением. В этих боях все соединения армии соревновались в мужестве и отваге. Каждый боец и командир стояли насмерть и не пропустили врага... Успех в этих боях явился результатом хорошей выучки бойцов, командиров и политработников, результатом массового героизма, проявленного личным составом всех частей и соединений армии. Имена многих бойцов, командиров и политработников стали известны своими боевыми подвигами далеко за пределами армии. Примеров доблести и героизма, совершенных бойцами и командирами

²⁴⁹ Там же. С. 548.

²⁵⁰ Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 540.

²⁵¹ См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 285.

1-й танковой армии, можно привести множество. Все они говорят о том, что командиры и политработники, партийные и комсомольские организации проделали большую работу по боевому сколачиванию частей и соединений, отличному овладению первоклассной военной техникой, воспитанию бойцов и командиров в духе советского патриотизма и жгучей ненависти к врагу»²⁵².

Эту высокую оценку войскам 1-й танковой армии предстояло оправдать в Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции (кодовое наименование «Полководец Румянцев»).

Белгородско-Харьковская стратегическая наступательная операция (3—23 августа 1943 г.)

Белгородско-Харьковская операция являлась завершающей операцией Курской битвы. Ее замысел состоял в том, чтобы мощным фронтальным ударом смежных крыльев Воронежского и Степного фронтов прорвать оборону противника на 22-километровом участке северо-западнее Белгорода, затем рассеять вражескую группировку с последующим охватом и разгромом ее в районе Харькова. Одновременно предусматривалось нанести вспомогательный удар из района Готни на Ахтырку, чтобы обеспечить действия главных сил Воронежского фронта с запада, а наступлением правого крыла (57-я армия) Юго-Западного фронта из района Мартовой на Мерёфу оказать содействие Степному фронту в освобождении Харькова.

К началу операции войска Воронежского и Степного фронтов насчитывали 980,5 тыс. человек, более 12 тыс. орудий и минометов, 2400 танков и САУ, 1300 боевых самолетов²⁵³. Кроме того, для поддержки войск фронтов было выделено 200 самолетов авиации дальнего действия, часть сил 17-й воздушной армии Юго-Западного фронта и авиации Войск ПВО страны.

Советским войскам противостояли 4-я танковая армия, оперативная группа «Кемпф» (с 16 августа – 8-я армия) группы армий «Юг» (командующий – генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн) и авиация 4-го воздушного флота. Всего противник насчитывал около 300 тыс. человек, до 600 танков и штурмовых орудий, 3 тыс. орудий и минометов, более 1 тыс. боевых самолетов²⁵⁴. Он уступал советским войскам в 3,2 раза по живой силе, в 4 раза – по орудиям, минометам, танкам и САУ, в 1,5 раза – в авиации.

Противник прочно укрепил район Белгорода и Харькова. Тактическая зона обороны состояла из главной и вспомогательной полос общей глубиной до 18 км. Главная полоса (6–8 км) включала две позиции, опорные пункты и узлы сопротивления были соединены между собой ходами сообщения полного профиля. Вторая полоса простиралась на 2–3 км. Между первой и второй находилась промежуточная позиция. Населенные пункты были превращены в мощные крепости, а все каменные постройки подготовлены к круговой обороне.

Танковые армии Воронежского фронта планировалось использовать на главном направлении в качестве эшелона развития успеха в полосе наступления 5-й гвардейской армии. 1-я танковая армия получила задачу по развитию успеха правого фланга этой армии в направлении Томаровка, Богодухов, Валки, к исходу четвертого дня операции овладеть районом Богодухов, Валки, Новая Водолага и отрезать пути отхода харьковской группировки на юго-запад. Глубина задачи – до 120 км. 5-й гвардейской танковой армии предстояло развить успех в общем направлении на Золочев, Олышаны, к исходу третьего дня операции овладеть районом Олышаны, Люботин и отрезать пути отхода харьковской группировки на

²⁵² Цит. по: Катуков М.Е. На острие главного удара. С. 239–240.

²⁵³ См.: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 7. С. 170, 172.

²⁵⁴ См.: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 7. С. 170.

запад. Глубина задачи – около 100 км. Ввод обеих танковых армий намечалось осуществить в узких полосах: 1-я танковая армия в полосе шириной 4–6 км, а 5-я гвардейская танковая армия – около 5 км.

К началу операции произошли незначительные изменения в боевом составе 1-й танковой армии. В 3-м механизированном корпусе был добавлен зенитный артиллерийский полк и изъят мотоциклетный батальон, 6-й танковый корпус получил мотоциклетный батальон и самоходный артиллерийский полк, а 31-й танковый корпус – истребительно-противотанковый артиллерийский полк и отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион.

На подготовку к наступлению отводилось 10 суток. В течение этого времени танкисты изучали местность в полосе предстоящих действий, характер обороны противника, организовывали взаимодействие, готовили материальную часть и пополняли запасы материальных средств. Со всеми взаимодействующими частями и соединениями была организована телефонная и радиосвязь, а также связь с использованием подвижных средств. В армии и корпусах были созданы оперативные группы, которые должны были двигаться за первым эшелоном наступающих войск. С офицерами штабов проводились тренировки и занятия на ящиках с песком по отработке управления войсками. Большое внимание уделялось проведению мероприятий по дезинформации противника, что позволило привлечь его внимание к сумскому направлению и обеспечить внезапность ударов в районе Белгорода.

3 августа после мощной артиллерийской и авиационной подготовки ударные группировки советских фронтов перешли в наступление. Одновременно партизаны приступили к проведению в тылу врага операции «Рельсовая война». На Воронежском фронте 5-я и 6-я гвардейские армии к середине дня продвинулись всего на 4–5 км. Поэтому для наращивания удара в сражение были введены соединения первого эшелона танковых армий и 5-й гвардейский танковый корпус. Развивая успех стрелковых дивизий, они завершили прорыв тактической зоны обороны, вышли передовыми частями на рубеж Томаровка, Орловка, продвинувшись на 12–26 км. В результате томаровский и белгородский узлы сопротивления противника были разобщены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.